

ДОДИ СМИТ

101

ДАЛМАТСКИЙ

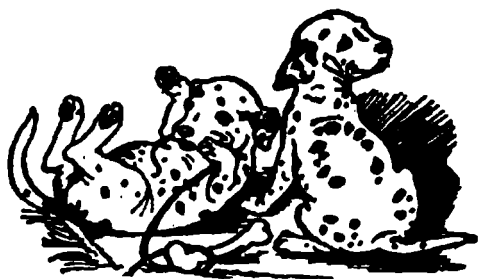
ДОГ

ЛОДЖИ СМЯТ

101

**ДАМАТСКИЙ
ДОГ**

Доди Смит (Дороти Глэдис Смит) родилась в 1896 г. в Англии в графстве Ланкашир. Окончив Лондонскую королевскую академию драматического искусства, она становится актрисой. Но более всего Доди Смит известна как драматург, автор пьес, идущих во многих театрах Великобритании.

«Сто один далматский дог» — одна из ее трех детских книг. Фабула этой книги родилась у Доди Смит, когда она сама приобрела далматского дога, и кто-то из ее знакомых сказал, что шкурка собаки вполне подошла бы для нарядного манто. Двадцать лет спустя она вспомнила эту историю и взялась писать повесть.

Волнующая, забавная и полная мудрости история о собаках и людях доставит удовольствие любому, независимо от возраста.

ДОДЖ СМЯТ

101

ДАДАМАТСКИЙ

ДОГ

Москва
Олимп. ППП. Рудомино
1992

ББК 84.4(Англ.)

С 50

**Перевод с английского О.Н. Мязотс
Иллюстрации Эни Г.Джонсон
Оформление Н.Я.Назаровой**

**Ответственные за выпуск
Т.В. Громова, О.В. Ермолаева
Художник
Н.Я.Назарова
Художественный редактор
Н.К. Борисова
Технический редактор
Т.Х. Гусаева
Верстка
М.З.Темчина**

Сдано в набор 15.05.92. Подписано в печать 21.06.92.

Формат 84х108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 11,34. Усл. кр.-отт. 11,7. Уч. изд. л. 8,36.

Знакл 1163. Тираж 50 тиз. миз.

Агентство «Олимп».

121151, Москва, Кутузовский пр., 21, кз. 45.

Издательство «ППП».

103031, Москва, Ул.Неглинная, д.18/1, стр. 2.

Издательство «Рудомино»

ВГБИЛ имени М.М. Рудомино.

109189, Москва, Уматковская ул. 1.

Типография издательства «Новости».

107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, 46.

4804010100-8
С 476(02)-92 Без объявл.
ISBN 5 - 7380 -X

© О.Н.Мязотс, 1992. Перевод

© Н.Я.Назарова, 1992. Оформление

© «Рудомино», 1992. Оригинал-макет

1

Счастливые молодожены

Не так давно жила в Лондоне молодая супружеская чета далматских догов — Понго и Миссис Понго (после бракосочетания Миссис добавила к своему имени имя мужа, но большинство людей продолжали называть ее просто Миссис). Жили они вместе с другой супружеской парой — мистером и миссис Милни. Им повезло: это были нежные, послушные, необыкновенно понятливые люди — совсем как собаки. Они умели различать несколько видов лая: «Откройте, пожалуйста, дверь!», «Впустите меня в дом», «Нельзя ли поторопиться с обедом?» и «Как

насчет прогулки?» Но хотя люди понимали не все, они, если на них внимательно посмотреть, да еще нетерпеливо поскрести лапой, могли догадаться, в чем дело. Как и многие другие избалованные собачьим вниманием люди, они считали себя хозяевами собак, не понимая, что на самом деле все наоборот. Понго и Миссис это заблуждение умиляло и забавляло, и они решили не разочаровывать своих питомцев.

Мистер Милни обладал исключительными математическими способностями. У него была контора в Сити, и многие считали его волшебником в области финансов — пожалуйста, не путайте со сказочными волшебниками, впрочем, иногда они бывают очень похожи. В то время, когда начиналась наша история, мистер Милни вдруг неожиданно разбогател. Источник его богатства был весьма необычным: он оказал значительную услугу правительству (какой-то способ избавиться от национального долга), и в награду его навсегда освободили от уплаты подоходного налога. Кроме того, правительство предоставило ему небольшой дом на окраине Риджент-парка — вполне подходящий для супружеской четы и собак.

До женитьбы мистер Милни и Понго жили в холостяцкой квартире, где за ними присматривала старая няня мистера Милни — Нянюшка Дворецкая. Миссис Милни и Миссис тоже жили в холостяцкой квартире (ведь нет такого понятия как «девичья квартира»), и за ними присматривала старая няня миссис Милни — Нянюшка Кок. Собаки и их подопечные встретились в один и тот же день и одновременно договорились о помолвках. Но что же будет после свадьбы с

обеими нянюшками? Несомненно, когда Милни решат завести детей, работа им найдется, особенно, если родятся близнецы, — тогда у каждой няни будет по ребенку, но чем им заниматься до этого? Конечно, они умели готовить завтрак и подавать еду (то, что называется «съесть яичко у камина»), но ни одна из них не имела понятия, как вести семейное хозяйство в том чудном домике у Риджент-парка, куда Милни собирались приглашать на обеды своих друзей.

Помог случай. Нянюшка Кок и Нянюшка Дворецкая при встрече поначалу отнеслись к друг другу настороженно, но очень быстро прониклись взаимной симпатией и очень веселились по поводу своих фамилий.

— Как жаль, что мы не настоящие дворецкий и повар, — обронила как-то Нянюшка Кок.

— А нам необходимо стать настоящими, — отозвалась Нянюшка Дворецкая.

И тогда у них родилась великолепная идея: Нянюшка Дворецкая должна выучиться на настоящего дворецкого, а Нянюшка Кок — обучиться поварскому искусству. Если они приступят к занятиям немедленно, то как раз успеют к свадьбе.

— Только на самом деле тебе придется стать горничной, — сказала Нянюшка Кок.

— Вовсе нет, — возразила Нянюшка Дворецкая. — Для горничной у меня фигура неподходящая. Я стану самым настоящим дворецким, буду прислуживать мистеру Милни, для этого мне и учиться незачем, ведь я это делаю с тех пор, как он появился на свет.

Итак, когда чета Милни и чета Понго вернулись домой из свадебного путешествия, их встре-

тили Нянюшка Кок и Нянюшка Дворецкая, прекрасно подготовленные к будущей жизни в небольшом домике с окнами на Риджент-парк.

Поначалу всех немного удивило, что Нянюшка Дворецкая теперь носила брюки.

— Не кажется ли вам, что черное платье и красивый белый передник с оборками подошел бы вам больше? — робко предложила миссис Милни, она немного смущалась, ведь Нянюшка Дворецкая была не ее няней.

— Дворецкий всегда носит брюки, — возразила Нянюшка Дворецкая. — Хотя, пожалуй, завтра я одену сверху передник с оборками. Это придаст костюму оригинальность. Так она и сделала.

Няни объявили, что впредь они не хотят, чтобы их называли «нянюшками», теперь их следует называть по фамилии, как это принято. Но если вы и сможете приучиться звать повара коком, называть дворецкого просто дворецким вам будет сложнее, так что в конце концов обеих нянь снова стали называть «Нянюшка, дорогая».

Спустя несколько недель после возвращения Милни из свадебного путешествия случилось еще одно радостное событие. Миссис Милни отвела Понго и Миссис к их доброму другу — Замечательному Ветеринару, который жил на другом конце парка в Сент-Джонс Вуд. Домой они вернулись с прекрасной новостью: Понго скоро станут папой и мамой. Щенки должны родиться через месяц.

Нянюшки приготовили Миссис великолепный обед, чтобы укрепить ее силы, и великолепный обед для Понго, чтобы он не чувствовал себя забытым (так случается иногда с будущими от-

цами), а потом обе собаки всласть поспали на самом лучшем диване. Когда мистер Милни вернулся с работы, они уже проснулись и ждали прогулки.

— Давайте все пойдем гулять, чтобы отпраздновать такую великолепную новость, — предложил мистер Милни. Нянюшка Кок сказала, что обед у нее уже готов, а нянюшка Дворецкая заметила, что ей не мешает поразмяться, и они отправились в парк.

Впереди шли супруги Милни, на миссис Милни был зеленый прогулочный костюм, который был ей очень к лицу, а на мистере Милни — старая твидовая куртка, в которой он всегда гулял с собаками. (Мистер Милни не был красавцем, но у него было значительное лицо.) Следом гордо шагали Понго; они несомненно были бы чемпионами на любой выставке, если бы мистер Милни не считал, что выставки утомительны для собак, впрочем, и для него самого тоже. У далматинцев были красивые головы, сильные лапы и прямые хвосты, большинство черных пятен на шерсти было размером с двухшиллинговую монету. Впрочем, на голове, лапах и хвосте пятна были поменьше. Носы и глаза у них были черные. Миссис выглядела весьма привлекательной, Понго казался строгим, но взгляд у него был добрый. Они гордо шагали вместе и лишь на переходах брали людей на поводок. Нянюшка Кок (весьма солидная) в белом халате и Нянюшка Дворецкая (еще более солидная) в прекрасной фрачной паре, дополненной изящным передником, замыкали процессию.

Был прекрасный сентябрьский вечер, тихий и

безветренный. Парк и старые кремового цвета фасады домов грелись в золотых лучах заката. Крики играющих детей и шум городского транспорта, казалось, в тот день звучали тише, чем обычно, как бы смягченные вечерним покоем. Птицы заканчивали свои последние песни, а из дома известного композитора, который жил на окраине парка, доносились звуки рояля.

— Я никогда не забуду эту счастливую прогулку, — сказал мистер Милни.

В этот миг тишину разорвал оглушительный автомобильный гудок. Навстречу мчался черно-белый автомобиль. Он затормозил у большого дома неподалеку от них, из парадной двери вышла высокая женщина и стала спускаться по ступенькам. На ней было узкое изумрудно-зеленое платье, рубиновое ожерелье и очень простое белое норковое мантио, касавшееся внизу каблук рубиново-красных туфель. У женщины было смуглое лицо, черные со странными красноватыми отблесками глаза и острый нос. Волосы были разделены прямым пробором, причем, что удивительно, с одной стороны они были светлые, а с другой темные.

— Да это же Лютелла д'Явол! — воскликнула миссис Милни. — Мы вместе учились в школе. Ее исключили за то, что она пила чернила.

— Не кажется ли тебе ее поведение несколько вызывающим? — спросил мистер Милни, собираясь повернуть обратно. Но высокая дама уже заметила миссис Милни и спустилась с крыльца к ним навстречу. Так что миссис Милни пришлось представить своего мужа школьной подруге.

— Зайдите, пожалуйста, я хочу вас познакомить.

мать с моим мужем, — попросила их высокая дама.

— Но ведь ты собиралась уезжать, — заметила миссис Милни и поглядела на шофера, который стоял у распахнутой дверцы автомобиля. Машина была полосами выкрашена в белый и черный цвета — весьма заметная раскраска.

— Я совсем не тороплюсь. Входите же.

Но няни заявили, что они должны вернуться домой и позаботиться об обеде, они хотели взять с собой и собак, но высокая дама настояла, чтобы собаки тоже зашли в дом.

— Они такие красивые. Я хотела бы показать их мужу, — объяснила она.

— Какая у тебя теперь фамилия, Лютелла?

— спросила миссис Милни, пока они шли через зеленый мраморный холл в красную мраморную гостиную.

— Я оставила свою девичью фамилию — Явол, — ответила Лютелла. — Я ведь последняя в своем роду, так что я настояла, чтобы муж взял мою фамилию.

В этот момент простое белое норковое манто соскользнуло с ее плеч на пол. Мистер Милни поднял его.

— Какое чудесное манто, — заметил он. — Но в нем, наверное, слишком жарко в такой вечер.

— Ни одна одежда никогда не кажется мне слишком теплой, — возразила Лютелла. — Я ношу меха круглый год. Я даже сплю под горностаевым одеялом.

— Как замечательно, — вежливо сказала миссис Милни. — А оно хорошо стирается?

Лютелла пропустила этот вопрос мимо ушей.

Она продолжала:

— Я обожаю меха, меха — главное в моей жизни. Поэтому я и вышла замуж за меховщика.

В это время в комнату вошел мистер д'Явол. Это был маленький озабоченный человек, самый заурядный скорняк. Лютелла представила его, а затем спросила:

— А где же эти замечательные собаки?

Понго и Миссис сидели под огромным роялем, они уже изрядно проголодались. Стены из красного мрамора пробуждали в них воспоминание о сыром мясе.

— У них скоро будут щенки, — радостно сообщила миссис Милни.

— Неужели? Как мило! — воскликнула Лютелла. — Идите-ка сюда, собачки.

Понго и Миссис вежливо подошли.

— Неправда ли, из них бы вышли великолепные манто? — обратилась Лютелла к своему мужу. — На весну, чтобы можно было носить черным костюмом. Как нам раньше в голову не приходило, что из собачьих шкур можно шить пальто!

Понго возмущенно залаял.

— Успокойся, это только шутка, — похлопала его по спине миссис Милни. А Лютелле она сказала: — Мне иногда кажется, что они понимают все, что мы говорим.

Так и было на самом деле.

Точнее, Понго понимал все, а Миссис это удавалось не всегда. Но и она поняла шутку Лютеллы и посчитала ее неудачной. А Понго просто рассвирепел. Как можно говорить такое в присутствии его жены, которая к тому же ждет своих первых щенят. Он немного успокоился.

увидев, что Миссис не обиделась.

— Вы обязательно должны пообедать у нас в следующую субботу, — пригласила Лютелла миссис Милни.

И поскольку миссис Милни не смогла найти подходящего предлога, чтобы отказаться (она всегда говорила правду), им пришлось принять приглашение.

Когда они проходили через холл, мимо них вверх по лестнице проскочила белая персидская кошка. Она очень понравилась миссис Милни.

— Я от нее не в восторге, — заметила Лютелла. — Я бы ее утопила, не будь она такой дорогой.

Кошка оглянулась и сердито зашипела. Может быть, она шипела на Понго и Миссис, а может, и нет.

— Я хочу продемонстрировать вам, как гудит мой новый автомобильный клаксон, — сказала Лютелла, когда они спустились с крыльца. — Это самый громкий клаксон во всей Англии.

Она отстранила шофера, сама нажала клаксон и гудела очень долго. Понго и Миссис едва не оглохли.

— Очаровательные собачки, — похвалила Лютелла, садясь в автомобиль. — Вы так сочетаетесь с моей машиной и моими черно-белыми волосами.

Шофер накрыл колени Лютеллы собольим покрывалом, и машина тронулась с места.

— Этот автомобиль похож на движущуюся дорожную «зебру», — промолвил мистер Милни.

— А что, в школе у твоей подруги тоже были черно-белые волосы?

— Она вовсе не была моей подругой, я ее

боялась, — возразила миссис Милни. — Но волосы у нее уже тогда были такими. Одна коса — белая, другая — черная.

Какое счастье, подумал мистер Милни, что он женат на миссис Милни, а не на Лютелле д'Явол. Ему стало жаль ее мужа. А Понго и Миссис стало жаль ее кошку.

Золотые лучи заката исчезли, опустились синие сумерки. Парк почти совсем опустел. Изда-

лека доносился голос сторожа: «Выходите! Закрываем!» С лугов долетал легкий запах сена, а от озер потянуло сыростью. Дома на окраине парка, в которых располагались правительственные конторы, были закрыты на ночь. В их окнах не было ни одного огонька. Зато Милни прекрасно различали приветливые огни своего дома. Скоро Понго и Миссис почуяли восхитительные обеденные запахи, а вслед за ними аппетитные запахи почуяли и Милни.

Они все приостановились, чтобы заглянуть в кухонное окно. Хотя кухня и находилась в подвале, там не было темно. Кухонная дверь и два больших окна выходили в маленький садик, какие бывают перед старыми лондонскими домами. Правильнее было бы назвать этот газон «палисадником», к которому с улицы спускались несколько ступенек.

— Какая замечательная у нас кухня! — влюблялись Милни и собаки. Белые стены, красный линолеум, в буфете фарфоровая посуда с голубым узором. В кухне красовалась новая электрическая плита, а рядом — старая печка, утеха нянюшек. Нянюшка Кок поливала жиром жаркое на плите, а Нянюшка Дворецкая уже ставила на подъемник тарелки, чтобы поднять готовую еду в гостиную. У очага стояли две собачьи корзинки. А в начищенных до блеска мисках Понго и Миссис ожидал восхитительный обед.

— Надеюсь, мы не утомили Миссис, — промолвил мистер Милни, отпирая парадную дверь.

Миссис хотелось ответить ему, что она ни разу в жизни не чувствовала себя лучше. Но поскольку говорить она не умела, то попыталась показать, насколько хорошо она себя чувствует, и, виляя хвостом, бегом припустила в кухню. Понго последовал за ней, предвкушая сытный обед и долгий сон у горящего камина подле его обожаемой Миссис.

— Иногда мне хочется, чтобы у нас тоже были хвосты и мы могли бы ими вилять, — вздохнул мистер Милни.

2

Рождение щенят

Обед в доме Лютеллы д'Явол проходил в комнате с черными мраморными стенами за белым мраморным столом.

Суп был темно-пурпурного цвета. А знаете каков он был на вкус? Один перец!

Рыба была ярко-зеленой! А на вкус? Сплошной перец!

Мясо было светло-синим. А на вкус? Тоже один перец!

Все блюда были ужасно переперчены, даже мороженое, которое к тому же было черное.

Других гостей не было. После обеда мистер и миссис Милни сидели в гостиной из красного

мрамора, где жарко пылал камин, и пытались отдышаться. Кажется, даже мистеру д'Яволу было немного не по себе от избытка перца. Лютелла в рубиновом атласном платье и изумрудном ожерелье сидела совсем близко к огню.

— Сделай, пожалуйста, так, чтобы он горел поярче, — обратилась она к мистеру д'Яволу.

Мистер д'Явол разжег такой сильный огонь, что Милни казалось, что пламя вот-вот вырвется в трубу.

— Прелестно! — воскликнула Лютелла и захлопала в ладоши от радости. — Жаль, что пламя так быстро затухает. — Как только огонь стал немного слабее, она поежилась и закуталась в совсем простое белое норковое манто.

Мистер и мисис Милни постарались уйти пораньше, насколько это позволяли приличия. Они решили пройтись вокруг парка, чтобы немного проветриться.

— Какая странная фамилия — д'Явол, — заметил мистер Милни. — Если сложить две части в одно слово, получится «дьявол». А что, если Лютелла — леди-дьявол! Может быть, поэтому она и любит жгучее и горячее!

Миссис Милни улыбнулась, она понимала, что муж просто шутит.

— Но, дорогой, раз мы отобедали у них, значит, нам теперь придется пригласить их к себе. Да и еще кой-кого надо бы позвать. Лучше это сделать до того, как у Миссис родятся щенки. Боже, что это?

Что-то мягкое потерлось о ее ноги.

— Да это кошка Лютеллы! — воскликнул мистер Милни. — Ну-ка, возвращайся домой, киска. А то еще потеряешься.

Но кошка проводила их до самого дома.

— Может, она голодная? — озабоченно спросила миссис Милни.

— Очень может быть, особенно, если она не любит переперченную пищу, — согласился мистер Милни. Он все еще глубоко вдыхал холодный ночной воздух, стараясь унять жжение в горле.

— Погладь ее, а я схожу принесу ей чего-нибудь поесть, — попросила миссис Милни. Она спустилась по ступенькам в палисадник и на цыпочках вошла в кухню, стараясь не разбудить Понго и Миссис. Вскоре она вернулась и принесла молоко и полбанки сардин. Кошка охотно отведала и то и другое и стала спускаться по ступенькам.

— Да ты никак хочешь остаться жить у нас? — удивилась миссис Милни.

Похоже, она угадала. Но как раз в это время Понго проснулся и громко залаял. Кошка резко повернулась и исчезла в ночи.

— Ну и ладно, — промолвил мистер Милни. — Лютелла бы потребовала вернуть эту дорогую кошку, ведь по закону она принадлежит ей.

Они спустились в кухню, где на них обрушились приветствия Понго. Миссис, хотя и немного заспанная, тоже весьма энергично выказывала свою радость. Собаки и люди закружились на ковре перед камином. Первой опомнилась миссис Милни: к выходному костюму мистера Милни могла пристать собачья шерсть.

Недели три спустя Миссис вдруг начала вести себя очень странно. Она тщательно обследовала весь дом, обращая особое внимание на шкафы и буфеты. Больше всего ее заинтересовал большой

стенной шкаф напротив спальни. Шкаф был полностью забит хозяйственными вещами: нянюшки хранили в нем ведра и швабры. Всякий раз, когда Миссис удавалось протиснуться внутрь, она что-то там с грохотом роняла и после выглядела весьма обиженной.

— Ей-ей, она задумала родить там щенят, — воскликнула Нянюшка Кок.

— Миссис, лапочка, ведь в шкафу так темно и пыльно, — попыталась отговорить собаку Нянюшка Дворецкая.

Миссис Милни обратилась за советом к Замечательному Ветеринару, и он объяснил ей, что Миссис лучше всего подойдет небольшое закрытое помещение, где бы она чувствовала себя в безопасности, и если ей вздумалось устроиться в шкафу, пусть сделает по своему. Хотя щенки появятся только через несколько дней, лучше сразу уступить ей шкаф, чтобы у нее было время освоиться.

Из шкафа вынули все ведра и швабры, и Миссис наконец-то туда вселилась. Понго немало задело то, что ему не разрешили последовать за женой, но Миссис объяснила ему, что мамы-собаки, когда они ждут щенков, предпочитают быть одни. После этого Понго нежно лизнул жену в ухо и сказал, что все понял.

— Надеюсь, что званый обед не очень беспокоит Миссис, — сказал мистер Милни, когда вернулся домой с работы и обнаружил, что собака перебралась в шкаф. — Скорей бы это все кончилось.

Обед был назначен как раз на этот день. Поскольку гостей было много, то и еду готовили, как обычно, но миссис Милни предусмотритель-

но поставила перед д'Яволами перечницу. Лютелла так обильно перчила свою еду, что гости стали чихать, но зато мистер д'Явол вовсе не притрагивался к перцу и ел на этот раз с гораздо большим аппетитом, чем у себя дома.

Лютелла как раз перчила фруктовый салат, когда в комнату вошла Нянюшка Дворецкая и шепнула что-то на ухо миссис Милни. Миссис Милни встревожилась, попросила у гостей извинения и поспешно вышла из комнаты. Через несколько минут Нянюшка Дворецкая появилась снова и на этот раз шепнула что-то мистеру Милни. Он тоже очень встревожился, извинился и вышел. Гости, прекратившие наконец-то чихать, продолжали вести вежливую беседу. Снова вошла Нянюшка.

— Леди и джентльмены, — сказала она взволнованно. — Очевидно, щенки появятся раньше, чем мы ожидали. Мистер и миссис Милни просили меня объяснить вам, что Миссис никогда прежде не была матерью. Ей нужен абсолютный покой.

Воцарилась тишина, прерываемая только чьим-то чиханием. Гости поднялись, шепотом произнесли тост за здоровье будущей матери и на цыпочках вышли из дома.

Все, кроме Лютеллы д'Явол. В холле она подошла к Нянюшке Дворецкой, провожавшей гостей, и решительно спросила:

— Ну, где же эти щенки?

Нянюшка Дворецкая не собиралась ей отвечать, но Лютелла услышала голоса Милни и взбежала вверх по лестнице. На этот раз на ней было черное атласное платье, несколько ниток жемчуга и все то же очень простое белое норко-

ное манто. Она не снимала его даже за столом, хотя в комнате было тепло (да и перец был очень жгучий).

— Я обязательно должна посмотреть щенят, — сказала она.

Дверца шкафа была слегка приоткрыта. Милни сидели внутри, успокаивая Миссис. Три щенка родились еще до того, как Нянюшка Дворецкая, принеся Миссис обед, обнаружила, что происходит.

Лютелла распахнула дверь и впилась взглядом в трех щенят.

— Но это же дворняжки! У них совсем нет пятен! Утопите их немедленно! — закричала она.

— Щенки далматинцев всегда рождаются белыми, — мистер Милни в изумлении глядел на Лютеллу. — Пятна появятся позже.

— Мы бы ни за что не стали их топить, даже если бы они оказались нечистопородными, — возмутилась миссис Милни.

— Это совсем несложно, — возразила Лютелла. — Я дюжинами топлю котят своей кошки, она вечно гуляет с какими-нибудь приبلудными котами, так что от котят никакой пользы.

— Но хоть одного котенка ты ведь ей оставляешь? — изумилась миссис Милни.

— Если бы я так поступала, у меня был бы полный дом кошек, — отрезала Лютелла. — А вы уверены, что из этих ужасных белых крысят действительно вырастут далматские собаки?

— Несомненно, — огрызнулся мистер Милни. — А теперь уходите, пожалуйста. Вы беспокоите Миссис.

Действительно, Миссис очень разволнова-

лась. Несмотря на то, что рядом были Милни, которые не дали бы в обиду щенят, она все же немного побаивалась этой высокой женщины с черно-белыми волосами и таким тяжелым взглядом. Никогда Миссис не забыть этот взгляд (но наступит день, когда она будет рада, что запомнила его).

— А когда щенков можно будет отлучить от матери? — поинтересовалась Лютелла. — На случай, если я захочу купить одного?

— Через семь или восемь недель, — ответил мистер Милни. — Но мы не собираемся их продавать. — И он захлопнул дверцу шкафа прямо перед носом Лютеллы, а Нянюшка Дворецкая настойчиво проводила ее до двери.

Нянюшка Кок тем временем пыталась дозвониться Замечательному Ветеринару, но он как раз уехал по другому вызову. Жена пообещала передать ему все, как только он вернется, она ободрила их: судя по всему, у Миссис все идет хорошо.

И правда. Уже появился на свет четвертый щенок. Миссис облизала его, а Мистер Милни обтер, пока миссис Милни ходила за теплым молоком для собаки. Щенят клали в корзинку, которую поставили так, чтобы Миссис могла их видеть. Вскоре появился пятый щенок, следом шестой и седьмой.

Время шло. Восьмой щенок, девятый! Ну теперь-то, наверное, уже все. У далматских догов в первый раз редко бывает больше девяти щенков. Но — десятый! А теперь щенят уже одиннадцать!

Двенадцатый щенок не был похож на своих братьев и сестер. Кожа, просвечивавшая через

белую шерсть, была у него не розовая, а болезненно-желтая. Он не шевелил лапками и лежал не двигаясь. Нянюшки, сидевшие снаружи у двери шкафа, сказали мистеру и миссис Милни, что он, наверное, родился мертвым.

— Но их так много, что мама вряд ли будет сильно горевать, — успокаивала Нянюшка Кок.

Мистер Милни держал на ладони тщедушное тельце и внимательно его разглядывал.

— Это нечестно, — прошептала миссис Милни со слезами на глазах.

Но тут мистер Милни вспомнил, о чем он когда-то читал, и стал массировать щенка, а потом осторожно растер полотенцем. И вдруг кожа возле носа порозовела, а затем и все тело! Лапки задвигались! Он открыл рот! Ожил!

Мистер Милни быстренько положил его поближе к Миссис, чтобы она его сразу же покормила. Так он и остался лежать у маминого теплого живота, до тех пор пока не родился следующий щенок. Теперь их было тринадцать.

Незадолго до рассвета зазвенел колокольчик у входной двери. Это приехал Замечательный Ветеринар, всю ночь он спасал собаку, которая попала под машину. К этому времени все щенки уже благополучно появились на свет, и восьмерых Миссис как раз кормила завтраком — больше восьми одновременно она кормить не могла.

— Великолечно! — сказал Замечательный Ветеринар. — Отличная получилась семейка. А как себя чувствует молодой отец?

Милни почувствовали себя виноватыми: занятые щенками, они не вспомнили о Понго. Его заперли на кухне. Всю ночь напролет он ходил там взад и вперед, и только раз ему удалось

узнать новости, когда Нянюшка Кок спустилась вниз, чтобы приготовить кофе и бутерброды. Она в шутку сказала ему, что у Миссис все в порядке, конечно, ей и в голову не приходило, что он все понимает.

— Бедный Понго! Надо его выпустить поскорее! — воскликнула миссис Милни.

Но Замечательный Ветеринар объяснил, что молодые мамы, как правило, не любят, чтобы папы крутились около щенят сразу после их рождения. В это время из холла донесся стук когтей по лакированному полу, и наверх одним прыжком влетел Понго. Это Нянюшка Кок спустилась вниз, чтобы приготовить чай для Замечательного Ветеринара, и обеспокоенный отец проскользнул в дверь, как только она ее открыла.

— Осторожно, Понго! — предупредил Замечательный Ветеринар. — Ты можешь ей помешать.

Но Миссис слабо виляла хвостом. «Спускайся вниз и позавтракай, а потом хорошенько выспись», — прошептала она, но никто, кроме Понго, этого не слышал. Его глаза и хвост показывали Миссис, что он очень любит ее и этих восьмерых малышей, которых она кормит сейчас. И конечно, остальных, что лежат в корзинке, ожидая своей очереди — сколько же их всего?

— Жаль, что собаки не умеют считать, — заметила миссис Милни.

Но Понго прекрасно умел считать. Он возвратился вниз с гордо поднятой головой, а в его темных глазах появился новый блеск. Он признавал себя счастливым отцом пятнадцати щенят.

3

Перита

— А теперь, — сказал Замечательный Ветеринар, обращаясь к Милни, — вам надо подыскать щенкам кормилицу.

Он объяснил, что хотя Миссис и будет стараться накормить всех пятнадцать щенят, забота о такой большой семье ей не по силам. К тому же сильным щенятам будет доставаться больше молока, чем слабым. А щенок, которого оживил мистер Милни, так мал, что потребует особого ухода.

У самого крупного щенка половина морды и ухо были черные. У далматинцев это считается большим изъяном: щенята, как миссис Милни объясняла Лютелле д'Явол, должны рождаться совершенно белыми. Может быть, другие хозяева и утопили бы такого щенка, ведь его трудно

будет продать за хорошую цену. Но Милни наоборот, особенно полюбили именно этого малыша, ведь его жизнь началась так неудачно. (Еще им нравилось, что его легко можно было отличить от других щенят. До тех пор пока всех щенят не начали появляться пятна, лишь его да еще малышку последыша можно было распознать среди всех прочих.)

Замечательный Ветеринар объяснил, что кормилицей может стать какая-нибудь несчастная собака, потерявшая собственных щенков. Возможно, ему удастся помочь найти такую собаку, но на всякий случай пусть они справятся во все приютах для потерявшихся собак. А пока кормилица не найдена, им придется самим помогать Миссис и докармливать щенят из кукольной бутылочки или при помощи наполнителя для авторучки.

Замечательный Ветеринар откланялся и ушел домой часок вздремнуть, пока не наступил следующий трудовой день.

Нянюшка Кок подала завтрак, а Нянюшка Дворецкая вывела Понго на прогулку. Его супругу убедили оставить щенят и тоже выйти минут на пять на улицу. Пока она гуляла, миссис Милни убралась в шкафу. Вернувшись, Миссис покормила вторую партию щенят, а потом они все заснули глубоким сном. Понго успокоился после ночных волнений и крепко спал внизу кухне.

Как только открылись магазины, миссис Милни пошла и купила кукольную бутылочку и наполнитель для авторучки. Потом мистер Милни и нянюшки принялись, сменяя друг друга, кормить щенят. Конечно, миссис Милни хоте

лось им помочь, но она в это время пыталась по телефону найти кормилицу. Для нянюшек шкаф оказался слишком тесен, в конце концов мистеру Милни пришлось кормить щенят одному, но он очень ловко с этим справлялся. Конечно, он не смог пойти на работу, что было не совсем прилично, ведь у него как раз было очень важное дело.

К счастью, у телефона в спальне был длинный

провод, так что мистер Милни мог звонить на работу, не покидая шкафа и не прекращая кормления. Так он и просидел весь день в тесном шкафу вместе с Миссис, пятнадцатью щенками и телефоном. Он едва не расстроил свои важные дела, когда по ошибке приложил к своему уху щенка, а в трубку накапал молока.

Едва мистер Милни повесил трубку, как позвонил Замечательный Ветеринар и сказал, что

не смог разыскать кормилицу. Миссис Милни тоже обзвонила весь Лондон, но безуспешно. Теперь она стала обзванивать собачьи приюты, расположенные за городом. Лишь к вечеру ей наконец удалось выяснить, что в одном приюте, расположенном в тридцати милях от города, есть подходящая собака. Но ее только что привели и по правилам она несколько дней должна оставаться в приюте, на случай, если найдутся хозяева.

Мистер Милни высунул голову из шкафа. Он выглядел очень усталым, ведь он не спал всю ночь, а весь день кормил щенят, но решительно отказался оставить Миссис до тех пор, пока не отыщется кормилица.

— А почему бы тебе не съездить туда и не попытаться *о до л ж и т ь* эту собаку? — предложил он. — Скажи, что мы вернем ее, как только объявится хозяин.

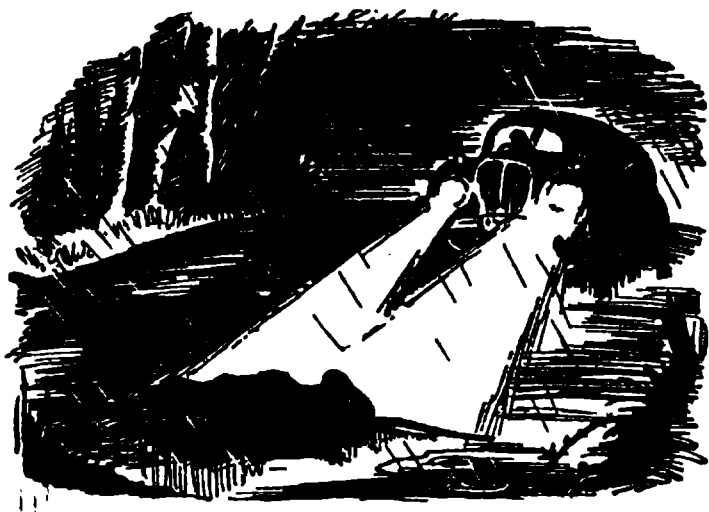
Миссис Милни вывела машину из старой конюшни за домом и, окрыленная надеждой, отправилась в путь. Но когда она добралась до приюта, оказалось, что собаку уже забрали. Конечно, миссис Милни была рада за собаку, но все же она огорчилась, представив себе, как бедная Миссис, выбиваясь из сил, кормит свое многочисленное потомство. А вдруг мистер Милни откажется покинуть шкаф и на ночь? Ей стало казаться, что она никогда не найдет кормилицу.

Было уже совсем темно, наступала мрачная и промозглая октябрьская ночь. Весь вечер лил дождь, но миссис Милни не замечала этого, пока в душе ее теплилась надежда. Теперь, на обратном пути, погода все больше и больше давила на нее. Дождь лил как из ведра, так что «дворники»

едва успевали расчищать стекло машины.

Дорога была пустынна, вдруг впереди на шоссе она заметила какой-то сверток. Миссис Милли притормозила и подъехала ближе, теперь она разглядела, что это был не сверток, а собака, и решила, что ее сбила машина. Она остановила автомобиль и вышла, заранее содрогаясь от того, что ей предстояло увидеть.

Сначала ей показалось, что собака мертва, но

когда миссис Милли наклонилась над ней, та вдруг попыталась встать на ноги. Собака была так перепачкана грязью, что невозможно было определить ее породу. Единственное, что можно было рассмотреть в свете фар, это то, что она была крайне истощена. Миссис Милли ласково заговорила с ней. Собака в ответ тихонько завиляла хвостом.

«Я не могу бросить ее здесь, — подумала

миссис Милни. — Даже если она и не попала в аварию, она, должно быть, умирает от голода. Бедняжка!» Конечно, миссис Милни понимала, что уже имея дома семнадцать собак, неразумно подбирать еще одну, но она просто не могла оставить ее в полицейском участке.

Она похлопала собаку по спине, приглашая ее последовать за собой. Та попыталась встать на ноги, но так ослабла, что миссис Милни пришлось отнести ее в машину на руках. Она уложила собаку на сиденье, включила свет и увидела, что это сука, у которой, должно быть, были щенки, и, хотя она была крайне истощена, еще осталось немного молока.

Миссис Милни торопилась домой, но, несмотря на это, старалась вести машину очень осторожно. Вскоре они доехали до пригородов Лондона. Миссис Милни понимала, что из-за большого движения в городе они еще не скоро доберутся до дому, поэтому притормозила у маленького ресторанчика и купила там немного молока и холодного мяса. Владелец ресторана любезно одолжил ей собачьи миски. Голодная собака накинулась на еду с поистине волчьим аппетитом, а потом сразу уснула. Владелец ресторана забрал миски и пожелал миссис Милни удачи.

Она вернулась домой почти одновременно с Замечательным Ветеринаром, который пришел осмотреть Миссис и щенят. Миссис Милни внесла бездомную собаку в теплую кухню, где ветеринар осмотрел ее и заключил, что если собаку хорошенько покормить, то молоко у нее не пропадет. Он предположил, что у нее, наверное, отобрали щенят, а она отправилась их

разыскивать и потерялась.

— Надо ее хорошенько вымыть, — сказала Нянюшка Кок, — вдруг у нее блохи, ведь она может заразить наших щенят.

Замечательный Ветеринар поддержал ее, и собаку отвели в маленькую комнатку, где обычно стирали белье. Нянюшка Кок очень торопилась с устройством бани, так как опасалась, что мистер Милни вздумает сам мыть собаку, — миссис Милни как раз поднялась наверх, чтобы обо всем ему рассказать.

Собака обрадовалась теплой воде. Она стояла вся в пене, когда в прачечную ворвался Понго, только что вернувшийся с прогулки.

— Не бойтесь, он ее не обидит, — успокоил Замечательный Ветеринар.

— Надеюсь, что нет, ведь ей предстоит кормить его детей, — согласилась Нянюшка Кок.

Понго стоял на задних лапах и лизал новенькую в нос, показывая, как он рад ее видеть и как благодарна будет ей его жена. (Но люди не слышали, что он ей сказал.) Собака ответила: «Конечно, я постараюсь, но ничего не могу обещать». (Ее ответа люди тоже не слышали.)

В этот момент вошел мистер Милни. Ему не терпелось увидеть находку.

— Что это за порода? — поинтересовался он.

Нянюшка Кок как раз смыла пену и все застыли в изумлении: перед ними был еще один далматинец! Только пятна были не черные, а коричневые.

— Восемнадцать далматских собак под одной крышей! — объявил мистер Милни. — Что может быть лучше! — Он тогда еще не знал, что бывает и лучше.

Мокрая собака казалась еще более истощенной.

— Мы назовем ее Перита, — сказала миссис Милни.

Периту высушили перед огнем в кухне и еще раз покормили. Замечательный Ветеринар посоветовал поскорее принести ей щенят, чтобы у нее не пропало молоко, так что как только собака немного отдохнула, ей принесли двух щенят из шкафа. Миссис на это время вывели немного подышать свежим воздухом. Замечательный Ветеринар объяснил, что Миссис скорее всего не заметит пропажи, ведь она не умеет считать. На самом деле она, конечно, обо всем догадалась, Понго рассказал ей про Периту, и Миссис даже попросила передать ей свою искреннюю благодарность. Ей было немного жаль расставаться со щенятами, но она понимала, что это делается для их пользы.

Уходя, Замечательный Ветеринар предупредил Милни, что если Перита откажется кормить щенят, их уже нельзя возвращать матери, так как она по запаху догадается, что они были у другой собаки, и может отказаться принять их обратно. Так случалось с некоторыми собаками. Конечно, с Миссис ничего подобного произойти не могло, ведь, как вы видите, они с Понго были незаурядными представителями собачьего племени. Это можно сказать и о Перите, как, впрочем, и о многих других, просто люди не догадываются об этом.

Что бы там не говорили, Перита оказалась прекрасной матерью для двоих приемышей. Понго сходил наверх и рассказал обо всем Миссис (Милни не услышали ничего, кроме постукива-

ния хвоста). Затем он пожелал всем спокойной ночи и вернулся в кухню, где Периту временно устроили в корзинке Миссис. Она покормила и вылизала щенят и теперь ужинала. (Замечательный Ветеринар советовал кормить ее до отвала, чтобы она скорее восстановила силы.) Понго тоже перекусил за компанию. Потом нянюшки отправились спать, и кухня погрузилась в темноту, только в очаге тлел огонь. Когда щенята уснули, Перита поведала Понго свою историю.

Она родилась в большом загородном доме недалеко от того места, где нашла ее миссис Милни. Хотя она и была весьма симпатичной, но оказалась не такой ценной, как ее братья и сестры: у нее были слишком маленькие пятна, а хвост немного загибался (он выпрямился, когда она подросла). Никто из богатых и солидных покупателей не захотел поручить себя ее заботам, и ее отдали на соседнюю ферму. Новый хозяин, хотя и не был жесток с ней, но и не проявлял особой любви, а ведь далматины так нуждаются в ласке и заботе. Он отпускал ее гулять одну, что вредно для любой собаки.

Пришла пора, когда она начала мечтать о замужестве. Но никто и не думал подыскивать ей пару, ферма была в стороне от деревни, и ни один пес не прибегал ухаживать за ней. Тогда, в один прекрасный день, она сама отправилась на поиски суженого.

Путь в деревню лежал через дуг, на котором она заметила большой красивый автомобиль. Несколько человек расположились там на пикник, с ними был великолепный далматский дог с коричневыми пятнами. Теперь такой окрас

встречается редко, в семье Периты такие пятна были только у нее, и она очень их стеснялась. Но пес на лугу выглядел настоящим красавцем, он несомненно был очень ценной собакой. На нем был дорогой ошейник, а шикарно одетая дама кормила его жареным цыпленком. Вдруг он заметил Периту.

Это была любовь с первого взгляда. Забыв про цыпленка, он подбежал к ней, и они вдвоем скрылись в лесу, прежде чем люди успели их остановить. Там они поспешно договорились о свадьбе и поклялись всегда любить друг друга. Счастливый муж сказал ей, что теперь она должна будет переехать жить к нему, и они вернулись на луг. Но когда они вышли из леса, на луг приехал хозяин Периты в своем старом дребезжащем автомобиле. Он запихал Периту в машину, а ее мужа хозяева усадили в свой лимузин. Собаки выли и вырывались, но тщетно. Машины разъехались в противоположных направлениях.

Через девять недель у Периты родилось восемь щенят. Фермер совсем не заботился о ней, держал ее впроголодь, не помогал кормить потомство, так что она худела на глазах, и когда малышам исполнился месяц, от нее остались кожа да кости. Тогда фермер стал кормить щенят отдельно, они быстро научились есть из миски, но все же прибегали полакомиться маминым молоком, так что у Периты не было возможности хоть немного поправиться. Хотя она была очень молода, совсем еще дитя, она души не чаяла в своих малышах и делала для них все, что могла. Чем больше она худела, тем толще становились щенята.

Первые пятна появились у щенят в две недели, а когда им исполнилось шесть недель, стало ясно, что они вырастут очень красивыми и очень дорогими: Перита слышала, как хозяин обсуждал это с незнакомцем, который появился на ферме как-то утром. Она все еще продолжала кормить щенят, дети съедали все, что давал им фермер, а затем прибегали к ней лакомиться молоком. Потом они, счастливые, укладывались спать в старом ящике, служившем им постелью.

Но однажды, проснувшись, она не обнаружила щенят подле себя. Она обыскала весь дом и двор. Щенят нигде не было. Выбежала на дорогу: а вдруг они попали под машину. Она металась взад и вперед, то и дело останавливаясь, чтобы лаем позвать их. Вскоре пошел дождь. Перита испугалась, что щенята промокнули, и стала лаять громче и громче. Она едва не угодила под машину, ее спасло лишь то, что она сумела быстро отпрыгнуть в сторону, прямо в грязную канаву, так что грязь забрызгала ее с ног до головы. Перита едва держалась на ногах и дрожала всем телом, когда наконец добежала до того самого луга, где встретила со своим мужем. Боль этой утраты усилила ее отчаянье. Она ничего не ела с прошлого вечера, ведь фермер кормил ее лишь раз в день. Измученная, она в конце концов упала на дорогу, где ее через некоторое время подобрала миссис Милни.

Вот о чем поведала Перита, она лишь скрыла от Понго, что фермер называл ее «Рябой», тогда как ее новое имя — Перита — нравилось ей намного больше.

Рассказ Периты расстрогал Понго, и он как мог старался утешить ее, убеждая, что, конечно

же, щенята не пропали, скорее всего хозяин продал их тому самому незнакомцу. Как знать, может так для них это и лучше: раз они оказались такими ценными, значит о них наверняка будут хорошо заботиться. А на ферме они бы постоянно голодали. Перита соглашалась с ним. Два крохотных щеночка, сопевших в корзинке подле нее, действовали на нее успокаивающе, так же, как и слова Понго о том, что они

признательны ей за помощь. Она уже не чувствовала себя такой несчастной и сама не заметила, как заснула теплым и сытным сном.

Понго долго не спал. Как было бы замечательно, мечтал он, если бы Миссис и щенята вдруг оказались здесь в кухне у горящего очага. Он поглядел на двух щенят, которые спали рядом с Перитой. Она и вправду хорошенькая, почти совсем, как его Миссис, подумал он.

Потом он лег на место. Огонь в очаге почти совсем потух, и теперь кухня освещалась лишь слабым светом уличного фонаря. Понго спал. Спала Перита. Два щенка, счастливо прожившие свой самый первый день на земле, безмя-

тежно спали, как будто рядом была их родная мать.

А наверху в шкафу Миссис как раз закончила кормить восьмерых щенят и устала, как собака. Мистер Милни только что покормил оставшихся пятерых малышей, он тоже так утомился за этот день, что смог выбраться из шкафа лишь на четвереньках. Миссис Милни постелила ему постель и напоила горячим молоком из термоса. Они не стали на ночь закрывать дверь в спальню: вдруг Миссис что-нибудь понадобится. Но собака безмятежно спала, хотя перед тем, как заснуть, она все же вспомнила о странной особе, поселившейся внизу в кухне с Понго. Нельзя сказать, что это ее беспокоило, ей просто было любопытно.

А наверху спали нянюшки. Нянюшке Кок снились щенки далматинцев, одетые, как дети, а Нянюшке Дворецкой снились дети, одетые, как щенки далматинцев.

Дом превратился в сонное царство, где обитали четыре человека, три собаки и пятнадцать щенят.

4

Лютелла д'Явол является дважды

На следующий день еще пять щенков были переданы на попечение Периты, так что мистер Милни смог наконец уйти на работу. Он очень спешил пораньше вернуться, чтобы поспеть к кормлению, но когда пришел домой, оказалось, что верхних щенят уже кормит миссис Милни, а в кухне нянюшки, сменяя друг друга, кормят остальных малышей. Это его немного задело, но он быстро поборол в себе чувство ревности: главное, чтобы щенята были сыты, а Миссис и бедняжка Перита не слишком выбивались из сил.

Теперь Перита перебралась в гардероб: там потемнее, и свет не будет резать щенятам глаза — они должны открыться на восьмой день. А еще через неделю появятся первые пятна.

Как ликовал мистер Милни, когда заметил первые крапинки! С каждым днем их станови-

лось все больше, но полностью все пятна появлялись лишь через несколько месяцев. Теперь щенят уже можно было отличить одного от другого. Их оказалось семь девочек и восемь мальчиков. Самым милым мальчиком оказался тот, которого спас мистер Милни. Он был такой маленький и беспомощный. Мистер Милни стал любовно называть его Последышем, как самого слабенького. В его устах имя звучало очень нежно.

Клякса — девочка, родившаяся с черным ушком, по-прежнему оставалась самой крупной и сильной. Ее часто можно было видеть рядом с Последышем, как будто они предвидели, что станут неразлучными друзьями. Был еще один очень смешной щенок по кличке Ролли-Полли, с ним все время случались разные недоразумения. Из всей малышни особенно выделялся щенок с пятном в виде подковы на спине. По этому пятну его прозвали Счастличик. Он был такой резвый, что все сразу поняли — быть ему заводилой в этой компании.

Несколько дней спустя после того, как у щенят появились первые пятна, у Периты внезапно пропало молоко. Она очень горевала, ведь она успела привязаться к семи своим приемышам, словно это были ее родные дети. Вдобавок она испугалась, а захотят ли Милни теперь, когда от нее больше нет никакой пользы, по-прежнему держать ее в своем теплом уютном доме, где она впервые в жизни смогла наесться досыта. Конечно, не еда и уют были для нее главными. Главное — это любовь. К ней относились как к члену семьи, даже мысль о разлуке была для нее непереносима.

Что станет с собакой, которая никому больше не нужна? Ей рисовались самые ужасные картины.

В то утро, когда она окончательно удостоверилась, что молока у нее больше не будет, она обреченно вылезла из гардероба и увидела миссис Милни, которая пила чай вместе с нянюшками. Миссис Милни протянула ей печенье, но Перита не взяла его. Она лишь уткнула голову в колени миссис Милни и тяжело вздохнула.

Миссис Милни погладила ее и сказала:

— Бедняжка, как бы объяснить тебе, что нет нужды волноваться. Мы теперь сами прокормим этих семерых щенят. Перита, дорогая, ты ведь так замечательно их вылизываешь, а по ночам греешь своим телом. Что бы мы без тебя делали!

Конечно, она не рассчитывала, что Перита поймет ее, она лишь надеялась, что ее голос успокоит собаку. Но Перита уже знала много человеческих слов и все прекрасно поняла. Она словно обезумела от счастья. В порыве радости она то прыгала, стараясь поцеловать миссис Милни в нос, то кидалась обратно к щенятам и принималась вылизывать их.

Через несколько дней щенята стали учиться самостоятельно лакать молоко из миски и вскоре уже могли сами есть молочный пудинг и хлеб, размоченный в мясной подливке. Они подросли, и им стало тесно в шкафах. Миссис с восемью щенятами переселилась в прачечную, а Перита с остальными семью перебралась в кухню, где малыши постоянно попадали под ноги нянюшкам.

— Экая незадача, что их нельзя поместить в прачечной вместе с братиками и сестричками,

— вздохнула Нянюшка Кок как-то утром.

— Миссис может не узнать их и обидеть, — отвечала Нянюшка Дворецкая. — Тогда они с Перитой еще того гляди сцепятся.

Понго слышал их разговор и решил, что пора принимать меры. Он-то знал, что как бы там не поступали *обычные* собаки, Миссис всегда узнает своих детей и не станет *сцеплять* — с я с Перитой. Он переговорил с Миссис через щель под дверью прачечной, и вечером того же дня, когда нянюшки были наверху, он с разбегу прыгнул на дверь и открыл ее. Миссис и восемь щенят выскочили из прачечной. Когда нянюшки спустились в кухню, они застали там Понго, Миссис и Периту, весело игравших с пятнадцатью щенятами. Малыши так перепутались, что нянюшкам стоило немалого труда определить, кто чей.

С тех пор все щенята поселились в прачечной. Дверь больше не запирали, просто перегородили ее снизу доской так, чтобы малыши не могли выбраться из комнаты, Перита же и Миссис легко перепрыгивали через препятствие, когда хотели спуститься в кухню.

Уже наступил декабрь, но погода стояла ясная и на удивление теплая, так что щенят без опаски можно было несколько раз в день выпускать погулять в палисадник. Они там были в полной безопасности: калитка наверху, к которой вели ступеньки, была накрепко закрыта. Как-то утром, когда три собаки и пятнадцать щенят играли в палисаднике, Понго вдруг заметил высокую женщину, она стояла у ограды и наблюдала за ними.

Он сразу ее узнал. Это была Лютелла д'Явол.

Как обычно она была в очень простом белом норковом манто, но теперь под ним было еще одно — коричневое. На ней была меховая шапка, на ногах — сапожки, отороченные мехом, а на руках — меховые перчатки.

«Интересно, в чем она станет щеголять, когда начнутся настоящие морозы», — подумала Нянюшка Дворецкая, которая в этот момент как раз вышла в палисадник.

Лютелла открыла калитку и спустилась вниз, приговаривая: «Какие милые крошки!» Счастливчик — главный озорник — бросился к ней и вцепился в меховую оторочку сапог. Она подняла его и приложила к своему манто, словно это была деталь костюма.

— Такая замечательная подковка, — похвалила она, разглядывая пятно у него на спине. — Какие у них очаровательные крапинки! А можно их уже отлучать от матери?

— Да уж пора, — ответила Нянюшка Дворецкая. — Только мистер и миссис Милни не хотят, они собираются их всех оставить у себя. (Нянюшки уже не раз ломали голову над тем, что из этого выйдет.)

— Как замечательно! — воскликнула Лютелла; она поднималась по ступенькам, не выпуская из рук Счастливчика. Понго, Миссис и Перита отчаянно залаяли, а щенок, изловчившись, укусил Лютеллу за ухо. Она вскрикнула и бросила его. К счастью, Нянюшка Дворецкая успела поймать его в свой передник.

— Опять эта женщина! — пробормотала Нянюшка Кок, которая тоже вышла во двор. — Она, пожалуй, так напугает малышей, что у них и вовсе пятна пропадут. Что с тобой, Счастлив-

чик, крошка?

Щенок пулей влетел в прачечную и бросился пить воду: ухо Лютеллы оказалось ужасно перченным.

Щенята крепили день ото дня и становились все более самостоятельными. Они уже сами ели мелконарезанное мясо. Миссис и Перита со спокойным сердцем оставляли их одних на часок-другой, когда трех взрослых собак выводили на утреннюю прогулку в парк миссис Милни и Нянюшка Дворецкая, пока Нянюшка Кок стряпала завтрак и приглядывала за щенятами. Однажды, как только взрослые ушли, раздался резкий звонок в дверь.

Это была Лютелла д'Явол. Услышав, что миссис Милни только что ушла, она заявила, что останется и подождет ее. Она без умолку болтала, расспрашивая о Милни и щенятах. В конце концов Нянюшка Кок сказала, что ей пора впустить щенят в дом, так как на улице ветрено и морозно. Тогда Лютелла заявила, что, пожалуй, она пойдет в парк — вдруг она там встретит миссис Милни.

— Может, я ее увижу отсюда, — сказала она, подойдя к окну.

Нянюшка Кок тоже подошла к окну, чтобы показать ей кратчайшую дорогу к парку. Выглянув из окна, она заметила напротив их дома небольшой черный фургон. В этот миг он тронулся с места и умчался прочь.

Лютелла вдруг заторопилась. Она почти выбежала из дома и торопливо спустилась по ступенькам парадного крыльца.

— И как это она ухитряется так бегать, закутанная во все свои меха, — удивилась Ня-

нюшка Кок. — Ах, мои бедные крошки, у вас-то ничего нет, кроме тоненьких шубок, неровен час, простудитесь!

Она поспешила в кухню и распахнула дверь в палисадник.

Но щенят нигде не было видно.

— Ах, шалуны, спрятались наверное! — про-
бормотала Нянюшка Кок.

Но она поняла, что пятнадцати щенятам негде спрятаться в маленьком палисаднике. Она все же осмотрела каждый кустик, под каким и мыши-то не укрыться. Калитка наверху была заперта, сами щенята открыть ее не могли. В отчаянии она выбежала на улицу, но там никого не было.

— Их украли, украли, — простонала она и разрыдалась. — Наверное, их увезли в том черном фургоне, который я заметила из окна.

А Лютелла д'Явол похоже раздумала идти в парк. Она была уже на полпути к дому и очень торопилась.

5

«Гав-гав»: собачий телеграф

Заливаясь слезами, Нянюшка Кок бежала к парку, надеясь встретить миссис Милни, Нянюшку Дворецкую и собак: они как раз должны были возвращаться домой. Какой ужас — вон они идут, такие счастливые, а дома их ожидает страшное известие!

Они шли по Окружной аллее, когда Нянюшка Кок подбежала к ним. Она так плакала, что миссис Милни не сразу поняла, что стряслось. Собаки слышали слово «щенки», увидели слезы Нянюшки Кок и пулей бросились к дому. Они

обшарили дом и сад, заглядывали во все углы. Миссис и Перита были от горя, а Понго отчаянно лаял.

Пока собаки обыскивали дом, а нянюшки плакали, обнявшись, миссис Милни позвонила мистеру Милни. Он сразу приехал домой вместе с Важным Полицейским из Скотланд-Ярда. Важный Полицейский обнаружил на ограде клочья мешковины и предположил, что щенят поймали в мешки и увезли в черном фургоне. Он пообещал прочесать все воровские притоны, но предупредил Милни, что украденные собаки редко находятся, если за их возвращение не обещано хорошенькое вознаграждение. Конечно, странно обещать вознаграждение вору, но мистер Милни был согласен на все.

Он помчался на Флит-стрит и дал большое объявление во все вечерние газеты (это было недешево), а также договорился, что еще большие объявления будут помещены на первых страницах утренних газет (это стоило еще дороже). Вот и все, что могли предпринять миссис и мистер Милни, им оставалось только попытаться утешить нянюшек и собак. Нянюшки вскоре успокоились и тоже принялись, как могли, утешать собак. Перво-наперво они приготовили им прекрасный ужин.

Наступила ночь, и темнота окутала потрясенный дом. Выбившись из сил, три собаки улеглись в корзинках перед очагом.

— Не могу представить себе Последыша в мешке, — всхлипывала Миссис.

— Клякса позаботится о нем, она все-таки старшая сестра, — попытался утешить ее Понго, хотя у самого сердце сжималось от горя.

— Счастливчик такой отважный, он перекусает всех воров, — с трудом сдерживая слезы, проговорила Перита. — А за это они убьют его.

— Ну, нет, — возразил Понго. — Щенят украли потому, что они очень ценные. Никто их не собирается убивать. Они ценны только живые.

При этих словах страшное сомнение закралось ему в душу. И чем темнее становилась ночь, тем мрачнее становились его предчувствия. Перита и Миссис наконец заснули, лишь Понго лежал, глядя на огонь и погрызывая прутик своей корзины.

Тем, кто мало знал Понго, он мог показаться красивым и забавным и только. Но даже Милни недооценивали его умственные способности. Он так часто вел себя по-щенячьи: любил бегать за мячом и палкой, прыгать через барьер. Кто бы мог догадаться, что это игривое существо — один из проницательнейших умов собачьего мира?

Сейчас мозг Понго напряженно работал. Бедняга! Конечно, он никогда не расскажет Миссис и Перите о своих подозрениях. Осиротевший отец, Понго решил взять на себя часть горя обеих матерей (с недавних пор ему стало казаться, что у щенят две мамы, хотя он никогда не ощущал себя мужем двух жен — Перита для него была любимой младшей сестрой). Нет, он не станет волновать их мрачными предчувствиями. Теперь ему предстояло сделать одно важное дело. Он все еще строил планы, когда нянюшки спустились в кухню готовить завтрак. Начинался новый день.

Обычно это было замечательное время — в плите разводили огонь, готовили еду, кормили собак, а щенята весело играли на полу. Но в то

утро, как призналась Нянюшка Дворецкая, даже вспоминать об этом было больно. И все же она не могла удержаться от воспоминаний, впрочем, как и все остальные обитатели осиротевшего дома. Как ни старались они не думать о прошлом, в памяти сами собой всплывали картины утраченного счастья.

День не принес добрых известий, хорошо еще, что у собак не пропал аппетит. (Понго был неумолим: «Девочки, вы должны беречь силы!») А вечером произошло удивительное событие. Понго и Миссис вздумалось прогулять своих питомцев. Перита не пошла с ними: что если щенята вернутся, ведь их сразу надо будет как следует вылизать!

На улице наконец-то подморозило — до Рождества оставалась всего одна неделя.

У Миссис было красивое синее пальто с белой окантовкой, она им очень гордилась. Понго и Перите тоже купили пальто, но Понго сразу дал понять, что это все дамские штучки и он не станет ходить в попоне.

Итак, Миссис нарядилась в пальто, обе собаки надели красивые ошейники-цепочки, а затем взяли на поводки супругов Милни и повели их в парк.

С самого начала стало ясно, что у собак был план. Они уверенно вели людей через парк к открытому участку, называемому Холмом Первоцветов. Ничего удивительного в этом не было: здесь было излюбленное место их прогулок. Странно выглядело лишь поведение собак на холме: они встали друг подле друга и залаяли.

Они лаяли на север, лаяли на юг, лаяли на запад и на восток. Всякий раз, когда собаки

меняли направление, они три раза отрывисто лаяли.

— Можно подумать, они подают сигналы, — заметил мистер Милни.

Он сказал это в шутку, но, сам того не сознавая, угадал истинную правду.

Замечено, что собаки любят лаять вечерами. Когда-то сумерки называли «временем собачьего лая». Городские псы лают реже, чем деревенские, но каждая собака знает, что «лай в сумерках» — это способ общения с далеким другом, возможность передать новости, да и просто посплетничать. Но никто из собак, ответивших на зов Понго и Миссис, не рассчитывал на свежие сплетни, ведь три коротких лая означали «Помогите! Помогите! Помогите!»

Такой сигнал подается только в крайнем случае, и любая собака, услышав его, обязательно ответится.

Через несколько минут весть о пропаже щенят разнеслась во все уголки Англии, и каждая собака, узнав об этом, превращалась в ищейку. Дворняги лондонского подпольного мира — потрепанные судьбой, они были отчаянными забияками — отдраивались прочесывать все закоулки воровских притонов. Породистые псы из зоомагазинов принялись проверять, нет ли среди щенят, предназначенных на продажу, детей Понго и Миссис. А собаки, которые не могли отправиться на поиски, старались хотя бы передать новость другим: по всему Лондону, его пригородам и дальше — в другие города. «Помогите! Помогите! Помогите! У семьи далматских собак украдено пятнадцать щенят! Новости направляйте Понго и Миссис Понго, Риджент-парк, Лондон. Конец связи».

Ожидания Понго и Миссис подтвердились: им ответили собаки, жившие неподалеку, они пообещали, что завтра снова выйдут на связь, чтобы передать полученные новости.

Особенно Понго рассчитывал на одного Датского Дoga из Хэмстеда.

— У меня друзья по всей Англии, — пролаял он глухим басом. — Я буду на чеку день и ночь. Мужайтесь! Мужайтесь, собаки из Риджент-парка!

Уже почти совсем стемнело. И Милни очень осторожно намекали собакам, что пора возвращаться домой. Понго и Миссис попрощались с Датским Догом и спустились с холма. Собаки, выходявшие с ними на связь, теперь замолкли, но «лай в сумерках» продолжался, новости распространялись все дальше и дальше. Лай не прекратился и ночью, когда над Англией взошла луна.

На следующий день многие люди прочли объявления в газетах и звонили Милни, чтобы выразить свое сочувствие. (Лютелла д'Явол тоже позвонила, по ее словам, ее особенно огорчило, что щенят украли как раз в тот момент, когда она болтала на кухне с Нянюшкой Кок.) Но никто из звонивших не мог ничем помочь. Скотланд-Ярд оказался в тупике. Так что для Милни, нянюшек и собак это был еще один печальный день.

Вечером Понго и Миссис снова выказали желание прогулять своих питомцев. Выйдя за калитку, собаки вновь направились в сторону Холма Первоцветов, снова встали рядом и пролаяли три раза. Но это был уже другой лай, он означал не «Помогите! Помогите! Помогите!», а

«Прием! Прием! Прием!», хотя ни одно человеческое ухо не уловило бы разницы.

Первыми откликнулись лондонские собаки. Донесения поступали из Ист-Энда, Вест-Энда, с Юга и с Темзы. Все они звучали одинаково: «Вызываем Понго и Миссис Понго из Риджент-парка. Никаких сведений о щенках. Глубоко сожалеем. Конец связи».

Бедная Миссис! Она так надеялась, что щенята еще в Лондоне. Понго больше надеялся на новости из пригородов. Скоро они начали поступать, но звучали так же: «Вызываем Понго и Миссис Понго из Риджент-парка. Никаких сведений о щенках. Глубоко сожалеем. Конец связи».

Снова и снова Понго и Миссис выходили на связь в надежде на добрые вести, и всякий раз их постигало разочарование. Наконец остался только Датский Дог — их последняя надежда. Они вызвали его на связь и слышали в ответ глухой бас:

— Вызываю Понго и Миссис Понго из Риджент-парка. Никаких сведений о щенках. Глубоко сожалею. Конец...

Датский Дог запнулся, не окончив фразы. Через секунду он залаял снова:

— Подождите! Подождите! Подождите!

Понго и Миссис застыли в ожидании, сердца их забились сильнее. Они ждали так долго, что мистер Милни положил руку на голову Понго и спросил:

— Не пора ли нам домой, дружище?

Впервые в жизни Понго мотнул головой и стряхнул руку мистера Милни. Пес остался стоять на месте. Наконец Датский Дог снова вышел на связь, его восторженный лай прорезал тишину сумерек.

— Вызываю Понго и Миссис Понго! Новости! Наконец-то новости! Ждите подробного сообщения!

А произошло вот что: когда Датский Дог уже заканчивал свое сообщение, до него внезапно донесся визгливый лай Шпица, который передавал, что получил сведения от Пуделя, а тот в свою очередь узнал это от Боксера, которому рассказал обо всем Пекинес. Собаки самых разных пород (впрочем, как и беспородные собаки, которые ничуть не хуже породистых) помогали передавать эту новость. Четыреста восемьдесят собак передавали эту новость по собачьему телеграфу на расстояние в шестьдесят миль. Каждая собака подчеркивала срочность сообщения специальным сигналом, который заставлял замолчать пустобрехов, использовавших телеграф для сплетен. Впрочем, в ту ночь собакам было не до сплетен, всех волновала судьба пропавших щенят.

Сообщение, полученное Понго и Миссис, звучало весьма странно: несколькими часами ранее почтенная Овчарка с отдаленной фермы в Суффолке вышла на вечернюю прогулку. Пес уже слышал о пропавших щенках и как раз обсуждал это событие со своей закадычной приятельницей — Пестрой Кошкой.

На пустыре, недалеко от их деревни, стоит старый дом, окруженный со всех сторон очень высокой оградой. За домом присматривают два брата — Саул и Джаспер Негодяйло. У дома дурная слава — ни одной из местных собак не придет в голову сунуть нос за высокие железные ворота, которые к тому же всегда на запоре.

В этот вечер почтенный пес случайно прохо-

дил мимо этого самого дома. Он ускорил шаги, не желая встречаться с кем-нибудь из Негодяйло. В этот момент из-за забора на дорогу выбросили какой-то предмет.

Это оказалась кость, но — увы! — на ней не было ни кусочка мяса. Просто старая обглоданная кость, но на ней можно было различить какие-то необычные царапины, которые образовывали буквы. Из букв сложилась надпись: «SOS».

Кто-то взывал о помощи. Кто-то, находившийся за высоким забором и железными воротами. Пес осторожно гавкнул, в ответ из-за забора раздался звонкий лай, а потом внезапно визг, словно собаку ударили. Тогда Овчарка снова пролаяла: «Я сделаю все, что в моих силах», взяла кость в зубы и побежала обратно на ферму.

Дома пес показал кость Пестрой Кошке и попросил помочь. Они вместе отправились обратно. За домом они обнаружили дерево, ветки которого свешивались за ограду. Кошка взобралась на дерево, перепрыгнула с него на другое, которое росло уже по ту сторону забора.

— Будь осторожна! — пролаяла собака. — Помни, что братья Негодяйло — опасные негодяи.

Кошка спустилась с дерева и пробралась сквозь кусты к кирпичной стене старого скотного двора. За стеной раздавались всхлипы и сопение. Она взобралась на стену и поглядела вниз.

В это время ее заметил один из братьев и швырнул в кошку камнем. Она увернулась, соскочила со стены и бросилась наутек. Через две минуты кошка была в безопасности.

— Они там! — победно доложила она овчар-

ке. — Там видимо-невидимо щенков далматских догов.

Пес был постоянным участником «лая в сумерках». В этот вечер он располагал важнейшими в Собачьем Королевстве сведениями, так что лаял изо всех сил. Итак, сообщение было отправлено, оно передавалось по цепочке все дальше и дальше, от сельских собак — городским, от больших — маленьким. Иногда лай покрывал расстояние в полмили и даже больше, иногда — всего в несколько ярдов. Один чуткий пес спас телеграфную связь, сумев принять сообщение с расстояния в целую милю, и поспешно передал его соседской собаке. Через мили и мили сельских полей, пригородных районов, по улицам Лондона по хорошо отлаженной цепочке передавалось сообщение из глубин Суффолка на вершину Холма Первоцветов, где Понго и Миссис все еще стояли, застыв, словно статуи, и слушали, слушали.

— Щенки обнаружены в уединенном доме... SOS на кости... — Миссис не могла сразу все разобрать, но Понго ничего не упустил. Сообщалось, как добраться до деревни, какую лучше выбрать дорогу, собаки предлагали свое гостеприимство. Все участники собачьего телеграфа оставались на местах, чтобы передать обратное сообщение щенятам. Овчарка пообещала пролаять его через забор глухой ночью.

Сначала Миссис была так взволнована, что не могла придумать ответ. Тогда Понго пролаял:

— Передайте им, что мы скоро придем. Скажите, что мы отправляемся в путь этой же ночью. Скажите им, чтобы они мужались.

Тут вступила Миссис:

— Передайте им, что мы любим их! Скажите Кляксе, пусть она заботится о Последыше, а Ролли-Полли пусть будет поосторожнее...

Она хотела передать что-нибудь каждому из пятнадцати щенят, но Понго прошептал:

— Достаточно, дорогая, сообщение не должно быть слишком сложным. Пусть Датский Дог скорее начинает обратную передачу.

Они замолкли, и в парке вдруг стало совсем тихо. Затем они вновь услышали лай Датского Дога. На этот раз он звучал тише. Дог передавал их сообщение в Суффолк.

6

«На помощь!»

Когда собаки привели супругов Милни домой, Понго спросил Миссис:

— Ты слышала, кому принадлежит дом, где томятся наши щенята?

— Нет, Понго, боюсь, что я не расслышала многое из того, что пролаял Датский Дог, — вздохнула Миссис.

— Я расскажу тебе все попозже, — пообещал Понго.

Он должен был разрешить одну проблему. Теперь, когда подтвердились его ужасные подозрения, Миссис пора было узнать правду. Но если он расскажет ей об этом до ужина, она потеряет аппетит, а если он расскажет после ужина, еда все равно не пойдет ей на пользу. Все же Понго решил отложить разговор. Он

заставил Миссис съесть весь ужин до последней крошки, да еще — к радости нянюшек — попросить добавку.

— Неизвестно, когда нам удастся поест в следующий раз, — предупредил он.

Пока нянюшки кормили мистера и миссис Милни, собаки обсуждали план действий. Перита сначала вызвалась отправиться в Суффолк вместе с ними.

Но Миссис возразила:

— Ты еще недостаточно окрепла для такого путешествия, дорогая. Да и что бы ты там стала делать?

— Я бы вылизала всех щенят! — ответила Перита.

Понго и Миссис принялись успокаивать ее, они говорили, что знают, как прекрасно умеет Перита ухаживать за щенятами, но сейчас ей следует остаться дома, чтобы утешать мистера и миссис Милни. В конце концов Перита согласилась.

— Как жаль, что мы не можем объяснить людям, почему нам приходится бежать из дома! — воскликнула Миссис.

— Если бы мы смогли объяснить им все, нам не пришлось бы с ними расставаться, — улыбнулся Понго. — Они бы довезли нас до Суффолка на машине и вызвали бы полицию.

— Давайте попытаемся еще раз поговорить с ними, — взмолилась Миссис.

Супруги Милни отдыхали у камина в просторной белой гостиной. Они обрадовались приходу собак и пригласили их разместиться на диване. Но Понго и Миссис не думали об уюте. Они встали бок о бок и пристально посмотрели на

людей. Затем Понго осторожно пролаял:

— Гав-гав-Гуффолк!

Мистер Милни потрепал пса по спине, но ничего не понял.

Тогда настала очередь Миссис:

— Гав-гав-Гуффолк!

— Уж не хотите ли вы сказать нам, что щенята находятся в Суффолке? — улыбнулась миссис Милни.

Собаки оживленно завиляли хвостами, но миссис Милни просто пошутила. Как собаки и предполагали с самого начала, их попытка ни к чему не привела.

Собакам никогда не научиться разговаривать по-человечьи, также как людям никогда не залаять по-собачьи. И все же многие собаки понимают почти все, о чем говорят люди, а вот люди, в лучшем случае, знают лишь один-два лая. А ведь лай составляет лишь небольшую часть собачьего языка. Как много можно выразить вилянием хвоста! Люди знают, что если собака виляет хвостом — значит она рада, но они не способны постичь все нюансы собачьего ликования. (Сказать по правде, то, что люди научились хоть немного понимать, что означает виляние собачьего хвоста, тоже немало: ведь у людей-то своих хвостов нет.) А сколько может выразить собака сопением, поскуливанием, да просто движением ушей!

В этот вечер Понго и Миссис прибегли к языку взглядов, они знали, что миссис и мистер Милни хорошо понимают одно слово этого языка — «любовь», — и повторяли его вновь и вновь, опустив головы на колени своих хозяев. А люди шептали в ответ: «Дорогая Миссис!» и «Милый Понго!»

— Я знаю, они просят нас разыскать их щенят, — вздохнула миссис Милни, она так и не догадалась, что, выказывая людям всю свою любовь, собаки говорили им:

— Мы отправляемся на поиски щенят. Простите нас, но мы вынуждены ненадолго вас покинуть. Мы обязательно вернемся.

В одиннадцать часов собаки в последний раз лизнули руку миссис Милни и в последний раз вывели мистера Милни на прогулку. Перита пошла вместе с ними, она провела весь вечер в обществе нянюшек, чтобы дать Понго и Миссис на прощанье побыть наедине со своими любимцами. Наконец собаки улеглись в корзинки, и в доме все стихло.

Так продолжалось недолго. Около полуночи Понго и Миссис встали, съели сухари, которые они предусмотрительно припрятали, и напились воды. Затем они нежно распростились с плачущей Перитой, открыли носом окно, выходившее на задний двор (они знали, что им не удастся открыть калитку у парадного входа) и выскочили наружу. Потом собаки аккуратно закрыли за собой окно, чтобы Периту не продуло на сквозняке, и подошли к другому окну в палисаднике — послать ей прощальную улыбку. (Собаки улыбаются по-разному, Понго и Миссис улыбались, сморщив носы.) Бедняжка Перита застыла у кухонного окна и вильнула хвостом в ответ.

Взгляд Миссис упал на три пустые корзинки в глубине кухни, и она вспомнила мирные ночи, проведенные под этим кровом в то счастливое время, когда она засыпала с мыслью о предстоящем завтраке. Бедная Миссис! Конечно, она любила Понго, щенят, супругов Милни, няню-

шек и добрую верную Периту больше всего на свете, но, сказать по правде, она любила и комфорт. Никогда еще ее дом не казался ей столь желанным, как теперь, когда предстояло опасное путешествие в неведомый мир.

В этом мире было очень холодно. Ночь стояла ясная, звездная, но ветер пронизывал до костей. Ах, если бы она могла прихватить свое замечательное синее пальто, которое так и осталось висеть на крючке в теплой кухне!

Понго заметил, что Миссис дрожит. Любящему мужу тяжело было видеть, как зябнет его жена.

— Тебе не холодно, Миссис? — спросил он заботливо.

— Нет, Понго, — пролепетала Миссис, дрожа всем телом.

— А я вот продрог, — солгал Понго. — Но не беда, я скоро согреюсь.

Он в последний раз вильнул хвостом Перите и потрусил по дороге мимо парка. Миссис последовала за ним.

Через несколько минут Понго спросил:

— Ну как, согрелась?

— Да, Понго, — отозвалась Миссис, стараясь скрыть дрожь.

Понго понимал, что ему необходимо подбодрить Миссис, иначе она не сможет преодолеть предстоящие трудности. Да и самому бы неплохо немного взбодриться. Он завел беседу, которая, как он надеялся, поднимет им настроение.

— Знаешь, мне иногда кажется, что мы с тобой стали слишком большими неженками. Конечно, хорошей собаке это не повредит, если только знать меру: изнеженные собаки быстрее

стареют. Мы-то с тобой никогда не забудем о своих диких предках и не утратим любви к приключениям. (В это время они как раз пробежали мимо зоопарка.) Конечно, сейчас все наши мысли о щенках, но слезами горю не поможешь, надо быть мужественными, даже веселыми, мы должны быть уверены в успехе. Ну как, теперь ты согрелась, Миссис?

— Да, Понго, — прошептала Миссис. Хвост ее был по-прежнему опущен, и она все еще дрожала.

Они добежали до моста, ведущего в Кэмден-таун.

— Остановись-ка на минутку, — попросил Понго. Он оглянулся, на дороге не было ни одной машины, ни в одном окне не горел свет, лишь фонари, как часовые, охраняли парк.

— Представь, как мы вернемся сюда в сопровождении пятнадцати щенят, — воскликнул Понго.

— О, Понго, уверен ли ты в этом?

— Конечно, уверен, — подтвердил Понго. — Ну как, согрелась ли ты наконец?

— Да, Понго, теперь я действительно согрелась.

— Тогда — в Суффолк! — пролаял дог.

Они побежали по мосту, и хвост у Миссис был снова задран кверху.

— Пока радоваться рано, дорогая, — заметил Понго. — Пусть у нас будет легче на сердце, но хвосты наши никто не должен назвать «веселыми». (Дело в том, что у далматинцев «веселым» называется хвост, который закручивается в баранку, это считается плохой приметой.)

Миссис все еще смеялась над этой маленькой шуткой, как вдруг сердце ее замерло: навстречу

шел полицейский.

Понго быстро шмыгнул в переулок, и скоро они были в безопасности. Встреча с полицейским напомнила Миссис об одной очень важной вещи:

— Понго! Мы ведь с тобой вне закона! Мы убежали без ошейников.

— И замечательно, а то нас было бы легко поймать за ошейник. Жаль только, что мы не прихватили твое пальто. — Он заметил, что

Миссис снова дрожит, в этот раз от испуга.

— Мне совсем не холодно, — запротестовала Миссис. — К тому же, если бы на мне было пальто, я бы не знала, каково сейчас нашим детям. У них-то нет одежды. О, Понго, как же мы поведем их обратно из Суффолка по такой ветреной погоде? А вдруг еще снег пойдет?

— Об этом пока рано беспокоиться, — отозвался Понго.

Миссис застыла в изумлении:

— Мы ведь должны как можно скорее увести детей, пока воры не успели их продать!

— Ну, *п о к а* им ничего не грозит, — повторил Понго.

Он понял, что настало время рассказать жене всю правду.

— Давай-ка отдохнем немного, — сказал он. Они устроились на крыльце дома, и Понго заговорил.

— Миссис, дорогая, наших щенят украли не обычные воры. Мужайся. Помни, что мы обязательно спасем их. наших детей украли по приказу Лютеллы д'Явол, чтоб она могла сшить себе новое манто из их шкурок. О, Миссис, не падай духом!

Миссис была потрясена. Она лежала на ступеньках и тяжело дышала, взгляд ее был полон ужаса.

— Вот увидишь, дорогая, все будет хорошо! Еще несколько месяцев их никто и пальцем не тронет. Они еще слишком маленькие и не годятся для шубы.

Миссис вздрогнула, затем с трудом поднялась на лапы.

— Я вернусь обратно! — закричала она. — Я вернусь и разорву в клочья Лютеллу д'Явол!

— Это не выход, — строго возразил Понго.

— Сначала мы должны спасти щенят, а уж потом думать о мести. Так что — в Суффолк!

— Что ж, тогда скорее в Суффолк! — Миссис еще не твердо держалась на лапах. — Но помни, Лютелла д'Явол, мы еще сквитаемся!

Вскоре Миссис оправилась от шока. Понго успокоил ее, он объяснил, что поскольку щенята

предназначаются для шубы, их будут хорошо кормить, за ними будут ухаживать, да и держать их будут всех вместе. Обычные собачьи воры давно бы их продали.

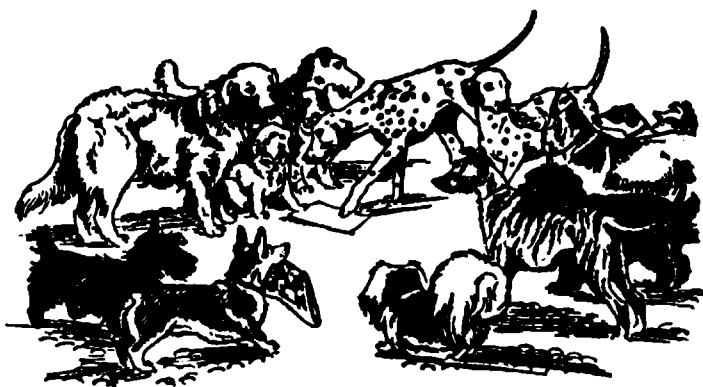
Миссис задавала все новые и новые вопросы, и Понго рассказал жене о своих первых подозрениях: как он вдруг вспомнил тот вечер, когда они впервые увидели Лютеллу, тогда они лежали под пианино в ее красной гостиной.

— Помнишь, Миссис, она сказала, что из нас бы вышло прекрасное манто?

— Да, на весну, чтобы можно было носить с черным костюмом, — отозвалась Миссис. — Она еще так интересовалась щенятами!

— Она специально отвлекала Нянюшку Кок разговорами, пока воровали щенят, — напомнил Понго. — Но я все же не был полностью уверен, пока мы не поговорили по собачьему телеграфу. Ты тогда не все расслышала. Они сообщили нам, что щенята находятся в Адском Замке — родовом поместье д'Яволов.

И еще Понго знал, но не сказал об этом Миссис, что буквы на старой кости означали: «Спасите наши шкурки!»

7

На старом постоялом дворе

Понго без труда нашел дорогу, которая вывела их из Лондона: в прежние дни, когда они с мистером Милни оба еще были холостяками, они часто ездили на машине за город, в том числе и в Суффолк. Милю за милей бежали собаки по пустынным улицам. К утру подморозило. Лондон остался позади, рассвет застал их у деревни Эплинг-форест, где они рассчитывали провести день.

Собаки решили, что будут двигаться по ночам, а днем отдыхать, поскольку были уверены, что мистер Милни объявит об их исчезновении и полиция будет их разыскивать. Ночью же они могли путешествовать без опаски.

Собаки смело вбежали в спящую деревню, как

вдруг услышали за спиной тихий лай. Их приветствовал огромный Золотой Ретривьер.

— Понго и Миссис Понго, я полагаю? У нас все подготовлено для вашей встречи. Следуйте за мной, пожалуйста.

Он повел их к старой гостинице с остроконечной крышей, а затем через арку во двор, вымощенный булыжником.

— Не хотите ли попить воды, вот моя личная миска, — предложил Ретривьер. — Завтрак ждет вас в вашей спальне, но воду туда мы доставить не сможем.

Понго и Миссис за ночь удалось попить лишь один раз: у дороги им попалась старая поилка для лошадей, к которой была приделана еще одна поменьше — для собак. Они были благодарны за заботу и с жадностью принялись лакать воду.

— Как хозяин гостиницы, я счел бы за честь предложить вам наши лучшие спальне апартаменты, — обратился к ним Золотой Ретривьер.

— Здесь очарование былых времен сочетается со всеми современными удобствами, и никакой дополнительной платы за завтрак в постель, разумеется. Но я полагаю, что это было бы неразумно.

— Совершенно с вами согласен, — отвечал Понго. — Там нас было бы легче обнаружить.

— Вот именно. Поэтому мы решили поместить вас в самом безопасном месте на нашем постоялом дворе. После последнего вечернего лая, когда мы узнали, что будем иметь честь принимать вас у себя, все собаки собрались обсудить, как все устроить наилучшим образом. Пожалуйста, пройдите вот сюда.

В глубине двора были старые конюшни, где в самом дальнем углу стояла сломанная почтовая карета.

— Вот это подходящее место для далматинцев! — заметил Понго, улыбаясь. — Ведь наших предков специально обучали сопровождать подобные экипажи. Некоторые люди до сих пор называют нас почтовыми собаками.

— Да, судя по тому, как быстро вы добрались сюда из Лондона, вы достойны своих предков, — отметил Ретревьер. — Когда я был щенком, мы иногда пользовались этим экипажем для школьных пикников, но с тех пор вот уже много лет он никому не нужен. Здесь вы будете в полной безопасности, а наши собаки будут вас

охранять. В случае внезапной тревоги вы сможете улизнуть через заднюю дверь, она выходит на поля.

Пол кареты был устлан толстым слоем соломы, а на сиденье были аккуратно разложены две громадные котлеты, полдюжины пирожков с салом и коробочка с мятными пастилками.

— Это подарки от собаки мясника, собаки булочника и собаки кондитера, — объяснил Ретривьер. — Я позабочусь об обеде. Как насчет бифштекста? — Понго и Миссис благодарно кивнули и постарались выразить свою признательность, но пес остановил их: — Ваш визит для нас большая честь. Мы даже собираемся изготовить небольшую памятную табличку «Здесь останавливались Понго и Миссис», конечно, такую, чтобы люди не заметили.

Он подвел их к окну, затянутому паутиной, и показал им свою уменьшенную копию: щенка, который сторожил двор.

— Это мой младшенький, уже на страже. Он мечтает увидеть вас хоть на миг, конечно, когда вы отдохнете, и собирается попросить у вас отпечатки лап, чтобы начать коллекцию автографов. Небольшой почетный эскорт проводит вас вечером из деревни, но я наказал им не отнимать у вас драгоценное время. Доброй ночи, хотя точнее было бы сказать: доброе утро. Приятных сновидений.

Как только он ушел, Понго и Миссис набросились на еду.

— Может быть, нам не следует слишком плотно есть перед сном? — заметил Понго, так что они отложили на вечер несколько мятных пастилок (Миссис все же съела их потом во сне).

Затем они устроились в сене, прижавшись друг к другу, чтобы было теплее.

— Ты действительно думаешь, что за нашими детьми будут хорошо ухаживать и сытно кормить? — беспокоилась Миссис.

— Наверняка. Они еще долго будут в полной безопасности, ведь у них пока очень маленькие пятна, значит они не годятся для шубы. О, Миссис, как прекрасно жить так, на свободе!

Миссис завиляла хвостом от радости и... облегчения: были моменты, когда она испытывала не то чтобы ревность, а скорее тоску, когда Понго, как ей казалось, слишком заботился о Перите. Она любила Периту, была благодарна ей и жалела ее, но как приятно, когда муж принадлежит лишь тебе одной, думала Миссис. Все же она заставила себя сказать:

— Бедняжка Перита! Ни мужа, ни детей! Мы никогда не должны ей показывать, что нам лучше вдвоем.

— Надеюсь, она сумеет утешить Милни, — отозвался Понго.

— Она будет их вылизывать, — пробормотала Миссис — и заснула.

Как крепко они спали! Впервые после исчезновения щенят они спали так спокойно. Даже «лай в сумерках» не потревожил их. Собачий телеграф принес хорошие вести, которые Ретревьер сообщил им. Он разбудил их, как только стемнело. У щенят все в порядке. Счастливчик просил передать, что их прекрасно кормят и они не голодают. Эта новость пробудила аппетит у Понго и Миссис, так что заботливо приготовленные бифштексы оказались весьма кстати.

За обедом далматинцы беседовали с Ретревьер-

ером, его женой и детьми, жившими в соседних домах. Ретревьер объяснил Понго, как им добраться до деревни, где им предстояло провести следующий день: все было заранее оговорено по собачьему телеграфу. Когда собаки съели бифштексы и собирались перейти к сыру, появился пес-почтальон с вечерней газетой в зубах. Мистер Милни действительно поместил в газете огромное объявление и фотографию Понго и Миссис, сделанную во время их медового месяца.

Понго обеспокоился: он понимал, что путь, намеченный собаками, теперь небезопасен. Им предстояло пройти через много деревень, где даже ночью их могли заметить, а если они станут ждать, пока уснут все жители, то потеряют много времени.

— Нам придется идти полями, — решил Понго.

— Но вы можете сбиться с пути, — испугалась жена Ретревьера.

— Понго прекрасно ориентируется, — гордо сказала Миссис.

— К тому же скоро полнолуние, — заметил Ретревьер. — Я думаю, все будет в порядке, но вам нигде будет перекусить, а я ведь договорился об этом в нескольких деревнях.

Понго ответил, что они так прекрасно подкрепились за этот день, что вполне обойдутся без пищи до утра, его волновало лишь то, что собаки будут напрасно ждать всю ночь.

— Я передам им с девятичасовой связью, что вы изменили маршрут, — успокоил Ретревьер.

За задней дверью конюшни послышалось чье-то сопение: все окрестные собаки пришли посмотреть на Понго и Миссис.

— Мы отправляемся в путь немедленно, — объявил Понго. — Где ваш юный коллекционер автографов?

Младший сын Ретревьера, смущаясь, выступил вперед, держа в лапах бланк меню. Понго и Миссис оставили на обороте свои лапографы, затем они поблагодарили Ретревьера и его семью.

Собаки, выстроившиеся в два ряда во дворе, радостно приветствовали их. Но даже самое чуткое человеческое ухо ничего бы не услышало: все собаки видели фотографию в газете и понимали, как важно соблюдать конспирацию.

Понго и Миссис кланялись налево и направо и благодарили всех за помощь. Наконец, попрощавшись с Ретревьером, они отправились в путь через освещенные лунным светом поля.

— В Суффолк! — пролаял Понго.

8

Сельскими тропами

Собаки прекрасно отдохнули и подкрепились. Вскоре они увидели пруд, о котором им рассказывал Ретревьер, здесь они смогли напиться (на постоялом дворе им это сделать не удалось, поскольку там было слишком много людей). Теперь настроение у них было более бодрое, чем накануне, когда они покидали Риджент-парк. Им казалось, что они уже давно в пути, хотя прошли-то всего одни сутки с тех пор, как они грелись у огня, лежа в корзинках. Конечно, они по-прежнему беспокоились о щенятах и с грустью вспоминали бедных оставленных супругов Милни. Но сведения, переданные Счастливицом, вселяли в них надежду на скорое возвращение. Слезами горю не поможешь, справедливо

заметил Понго, в то время как путешествие по сельским дорогам, без сомнения, пойдет им на пользу.

Понго с радостью отмечал, как бодро бежит Миссис и как она похорошела, — материнство пошло ей на пользу.

— Ты у меня настоящая красавица, — восхищенно сказал Понго. — Я горжусь тобой.

От таких слов Миссис стала еще краше, и Понго стал гордиться ею еще больше. Минуту спустя он спросил:

— Как ты думаешь, пара я тебе, такой красавице, или нет?

Миссис принялась уверять его, что он просто великолепен, она сожалела, что не догадалась похвалить его раньше. Понго не был ревнивцем, но всякому мужу приятно сознавать, что жена души в нем не чает.

Они бежали рядом, плечо к плечу, и было видно, какая они прекрасная пара. Ветер стих, и ночь от этого казалась теплее, но Понго знал, что к утру похолодает. Действительно, когда они добежали до следующего пруда, он оказался покрыт тоненькой корочкой льда. Собаки легко разбили лед и напились вдосталь. Понго немного беспокоился, где они проведут день: в такой мороз им понадобится надежное укрытие. Поскольку они изменили маршрут и шли теперь проселочными тропинками, они не могли рассчитывать на гостеприимство в одной из деревень, но все же надеялись, что местные собаки тоже слышали об их горе и не оставят в беде.

«К рассвету нам надо выйти к какой-нибудь деревне, иначе мы не встретим собак», — думал Понго.

Вскоре далматинцы услышали, как церковный колокол пробил полночь: теперь они вряд ли встретят людей на дороге. Понго попытался отыскать какой-нибудь дорожный указатель, чтобы проверить, не сбились ли они с пути. Собаки пошли по тропинке через поле и вскоре приблизились к погруженной в сон деревне. В лунном свете Понго прочел на указателе название деревушки (он неплохо читал, так как в детстве часто играл с алфавитными кубиками). Все в порядке. Проселочные тропинки сократили их путь на несколько миль, теперь они находились в центре графства Эссекс. (Деревня, где им заранее был приготовлен приют, осталась далеко позади.) Если они будут двигаться прямо на север, то скоро окажутся в Суффолке.

Единственное, что их теперь огорчало, это то, что после роскошного обеда в старой гостинице прошло уже много времени. Собакам негде было подкрепиться по дороге, так что им оставалось лишь идти и идти вперед всю ночь напролет, преодолевая голод.

К рассвету подморозило, они сильно продрогли. Лед на прудах, встречавшихся им по дороге, делался все тверже и тверже. В конце концов они остановились у пруда, но не смогли разбить лед и напиться.

Понго очень волновался: похоже, что в этих местах было очень мало деревень. Где же они найдут приют и угощение? Где укроются на день?

Он не делился с Миссис своими опасениями, а она изо всех сил старалась скрыть, что проголодалась, но хвост ее поник, а бег становился все медленнее и медленнее. Понго страдал: сам

усталый и голодный, он испытывал угрызения совести от того, что его красавица-жена вынуждена терпеть такие лишения. Несомненно, вот-вот покажется какая-нибудь деревушка или ферма.

— А не передохнуть ли нам немного? — взмолилась наконец Миссис.

— Только после того, как мы встретим каких-нибудь собак, — ответил Понго. Вдруг сердце его радостно екнуло: он заметил впереди несколько домов с соломенными крышами! Уже совсем рассвело, и он мог различить дымки, поднимавшиеся из труб. А где люди — там и собаки.

— Если кто-то попробует нас поймать, мы бросимся обратно в поля, — предупредил Понго.

— Да, Понго, — покорно отозвалась Миссис, хотя она сомневалась, что сможет убежать очень далеко.

Собаки подошли к первому дому. Понго пролаял в полголоса, но никто не отозвался.

Они прошли еще немного и поняли, что перед ними не деревня, а всего-навсего несколько домов, большинство из которых пустые и заброшенные. Только струйки дыма над некоторыми крышами указывали на то, что в домах кто-то живет. Лишь в окне последнего дома они заметили голову ребенка. Когда они подошли поближе, из окна выглянул маленький мальчик.

Увидев их, он быстро распахнул входную дверь. В руке он держал кусок хлеба с маслом, казалось, он хотел угостить собак.

— Осторожно, Понго, — предупредила Миссис, — не напугай его.

Они вошли в открытые ворота, завиляли хво-

стами, всем своим видом стараясь показать свою любовь к мальчику и хлебу с маслом. Ребенок, улыбаясь, смотрел на них, помахивая бутербродом. Вдруг, когда их разделяло каких-нибудь три-четыре ярда, он схватил с земли камень и со всей силы швырнул им в собак. Увидев, что попал в Понго, мальчишка расхохотался и убежал в дом.

В этот миг из дома слышался мужской голос. Собаки бросились наутек.

— Тебе не больно, Понго? — на бегу спросила Миссис: она заметила, что он прихрамывал.

Они выбежали в поле и укрылись за стогом сена. Нога Понго кровоточила — очевидно, у камня были острые края. Понго весь дрожал от боли и от гнева.

Миссис испугалась, но старалась не показывать этого. Она вылизала ему рану и, желая ободрить мужа, заметила, что хороший отдых — лучшее лекарство.

— Отдых? Где? — горько усмехнулся Понго.

Миссис обратила внимание, что стог был довольно рыхлым. Она немного разрыла его и сказала:

— Понго, посмотри, ты можешь забраться внутрь и согреться. Поспи немного, а я тем временем постараюсь раздобыть еды — вот увидишь, у меня получится. Я уверена, что первая же встречная собака с радостью поможет мне.

Миссис сделала в сене достаточно большую нору. Мягкая постель из душистого сена так манила Понго. Но нет! Он не может отпустить Миссис одну. Превозмогая боль, он поднялся на лапы.

— Я пойду с тобой на поиски еды и укушу этого гадкого мальчишку!

— Нет, Понго, нет! — в испуге закричала Миссис. — Пойми, он ведь еще очень маленький человечек. А маленькие часто бывают неосознанно жестоки — даже наши щенята, сами того не желая, часто делали мне больно. Ты не совершишь такого страшного греха из-за этого жестокого и глупого мальчишки. Твои боль и гнев пройдут, а чувство вины останется навсегда.

Понго понимал, что она права. У него пропало желание наказать ребенка.

— Все равно я не пущу тебя одну, — буркнул он.

— Тогда давай оба сначала немного отдохнем, — мужественно сказала Миссис. — Здесь хватит места для двоих, — и она забралась в сено.

— Нам бы следовало сначала раздобыть еды, а то, когда мы проснемся, у нас может не хватить сил на поиски, — пробормотал Понго, но полез за ней.

— Поспи немного, милый, а я постерегу, — ласково сказала Миссис.

И Понго сдался. Он уснул, не успев dospo-рять. Миссис подождала несколько минут, а затем выбралась наружу и заткнула отверстие сеном. Ей больше не хотелось спать, она была слишком взволнована. У нее даже на время пропал аппетит. Миссис понимала, что должна раздобыть еду для них обоих, но не представляла, как это можно сделать. Миссис была почти уверена, что поблизости нет ни одной собаки, и, значит, помощи ждать неоткуда. Но пока она старалась подбодрить Понго, она и сама поверила в удачу, и хвост ее больше не был поджат.

Деревушка была перед ней как на ладони. Миссис заметила несколько кур, копошившихся у домов. Может, ей удастся, скажем, занять у кур несколько хлебных корок. Она потрусила к деревне. Первым на ее пути был дом, где жил гадкий мальчишка. Он гулял на заднем дворе и снова заметил ее. Теперь он держал в руке еще больший кусок хлеба с маслом, да еще и с вареньем. Он подбежал к ней, держа хлеб в вытянутой руке.

«Может, в этот раз он не замыслил ничего плохого, — подумала Миссис. — Может, он раскаивается, что обидел Понго». Она с надеждой шагнула вперед, но все-таки была начеку.

Мальчик подождал, пока она подошла совсем близко, а затем опять наклонился за камнем. Но на этот раз он стоял в траве и камней под рукой не оказалось, поэтому он вместо камня швырнул в Миссис куском хлеба. Он сделал это от злости, а не из сострадания, но это оказался добрый поступок. Миссис осторожно поймала хлеб зубами.

«На самом-то деле малышу просто нравится бросать всякие вещи! — догадалась Миссис. — Родителям следовало бы купить ему мячик».

Она отнесла свою добычу к стогу и положила ее перед носом спящего мужа. Миссис даже ни разу не лизнула хлеб по дороге, но теперь она позволила себе откусить один кусочек. Вкус хлеба пробудил в ней волчий аппетит, но она оставила хлеб Понго, чтобы ему было чем подкрепиться, когда проснется.

Миссис снова заткнула отверстие сеном и побежала по дороге. Во дворе дома, где жил

мальчик, она увидела взрослого мужчину и, побоявшись подойти к курам, побежала в противоположную сторону.

Занималось великолепное зимнее утро. Каждый стебелек травы был покрыт серебряным инеем, сверкавшим под лучами утреннего солнца. Но у Миссис было слишком много забот, и ей некогда было любоваться природой. Радость обретения куска хлеба померкла, и множество забот захватило ее.

А вдруг рана Понго опасна? Вдруг он не сможет продолжать путь? Вдруг она не найдет больше еды поблизости? А если она уйдет слишком далеко, то наверняка заблудится. Она даже в Риджент-парке умудрялась терять дорогу, когда они с Понго спускали с поводка супругов Милни. Люди часто смеялись, заметив, как она оглядывается по сторонам, разыскивая их. Что если она не сможет найти дорогу обратно к Понго, а он, в свою очередь, не сможет разыскать ее! Потерянная собака! Какие ужасные слова!

А сейчас-то она помнит дорогу обратно к стогу?

«Ничего удивительного, — решила Миссис. — От таких переживаний у любого бы аппетит разыгрался». К тому же ее мучила жажда. Она попыталась было лизать лед, но лишь язык оцарапала.

Миссис уже начала думать, что надо бы вернуться назад к стогу, но тут она подошла к старым воротам из красного кирпича, от которых вглубь вела гравиевая дорожка. Она немного приободрилась: несомненно, это были парадные ворота какой-нибудь усадьбы, вроде тех, в которых они с миссис Милни гостили до замуже-

ства. В таких домах, как правило, много собак, большие кухни и полным-полно еды. Она радостно вбежала в ворота.

Миссис не могла разглядеть дом, так как дорога впереди заворачивала. Дорога, заросшая травой, оказалась такой длинной, что Миссис засомневалась, действительно ли она ведет к дому. Дорога выглядела такой заброшенной, что, скорее, напоминала лесную тропинку, чем

въезд в поместье. В парке было так тихо, что Миссис стало страшно и очень одиноко.

С каждым шагом опасения Миссис увеличивались. Наконец, после очередного поворота, она вдруг очутилась на поляне, а прямо перед ней высился дом.

Дом, построенный из такого же красного кирпича, что и ворота, был очень старым. Окна обрамляли узкие косые переплеты, лучи ут-

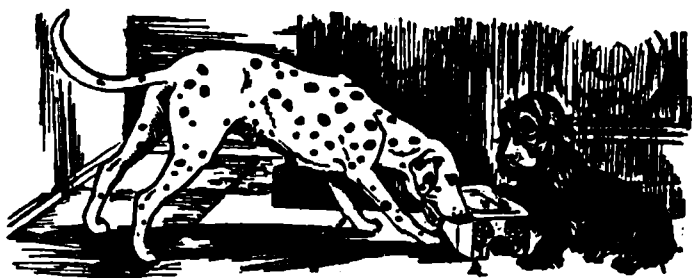
ренного солнца отражались в них, и этот блеск придавал дому веселый и гостеприимный вид, однако ничто не говорило о том, что здесь живут люди. Сквозь щели крыльца пробивалась трава.

— Дом пуст! — пробормотала в отчаянии Миссис.

Но это было не так. Из открытого окна выглядывал спаниель, шерсть у него была черная, на морде — с проседью.

— Доброго вам утра, — произнес он галантно.

— Чем могу служить, моя милая?

9

Горячие тосты с маслом

Просто удивительно, как быстро Спаниель разобрался в истории, поведенной Миссис, хотя он и не получал новостей по собачьему телеграфу.

— Я уже много лет им не пользуюсь, — объяснил он, — да и вряд ли я что-нибудь услышу: на мили вокруг нет ни одной собаки. Во всяком случае в сумерки я должен быть с сэром Чарльзом — он почти не может без меня обходиться. Сейчас он принимает ванну, поэтому я смог ненадолго отлучиться.

Они стояли в большой кухне с каменным полом. Спаниель провел Миссис сюда после того, как она приняла его приглашение и заскочила в дом через окно.

Он продолжал:

— Не хотите ли позавтракать, сударыня, прежде чем продолжите свой рассказ, — и он подвел Миссис к большой тарелке с мясом.

— Но это же *ваши* завтрак! — смутилась

Миссис, изо всех сил стараясь не показать, как она голодна.

— Вовсе нет. Это мой ужин, если вам это интересно. Видите ли, у меня нет аппетита, а через несколько минут мне подадут завтрак. Я пью только чай. Угощайтесь, моя милая, если вы не съедите мясо, его просто выбросят.

Миссис проглотила один аппетитный кусочек и замерла.

— Видите ли, мой муж...

Спаниель не дал ей договорить:

— О его завтраке мы позаботимся позднее. Ешьте спокойно, моя милочка.

Миссис проглотила кусок за куском, а потом вволю напилась из белой фаянсовой миски. Никогда прежде она не видела такой посуды.

— Это собачья поилка XVIII века, — объяснил Спаниель. — В этой семье она передавалась по наследству от собаки к собаке. А теперь, пока вас не сморил сон, отправляйтесь и приведите своего мужа.

— О, да! — радостно воскликнула Миссис. — Пожалуйста, объясните мне, как вернуться к стогу.

— Просто идите по дороге до ворот, а потом сверните налево.

— Видите ли, я не очень твердо знаю, где лево, а где право, — смутилась Миссис, — особенно, где лево.

Спаниель улыбнулся и посмотрел на ее лапы.

— Вот смотрите, — объяснил он. — Это милое пятно у вас как раз на правой лапе.

— А тогда где же левая лапа?

— Ну, само собой разумеется, что другая лапа у вас — левая.

— Задняя или передняя? — переспросила Миссис.

— Про задние лапы можете просто забыть.

Миссис была озадачена: сможет ли она забыть про задние лапы, а если сможет, то не опасно ли это?

А Спаниель продолжал:

— Посмотрите на свои передние лапы и запомните: правая лапа — с пятном, левая лапа — без пятна.

Миссис пристально глядела на свои лапы,

— Мне надо еще немного потренироваться, — призналась она. — Пожалуйста, объясните мне репер, как *п о в о р а ч и в а т ь* налево.

— Поверните в сторону той лапы, на которой нет пятна.

— В какую бы сторону я ни шла?

— Конечно, — успокоил ее Спаниель. — Лапа с пятном всегда будет вашей правой лапой. Можете не сомневаться.

— Вот если я сейчас повернусь в вашу сторону, это и будет налево? — спросила Миссис после долгого раздумья.

— Ну, конечно, — похвалил ее Спаниель.

Миссис повернулась кругом и снова уставилась на лапы.

— А теперь вы стоите со стороны моей лапы с пятном, — сказала она озадаченно, — значит ли это, что моя правая лапа превратилась в левую?

Спаниель махнул лапой.

— Пожалуй, я лучше покажу вам этот стог, — сказал он и повел ее через заросли травы; очевидно, некогда здесь был огород. Внизу растилась поля, и Миссис увидела деревушку и знакомый стог сена.

— Это единственный стог сена, так что всю дорогу не выпускайте его из виду, — посоветовал Спаниель. — Я бы с радостью проводил вас, если бы не ревматизм. К тому же я должен буду помочь сэру Чарльзу снести вниз его очешник. Мы, видите ли, очень старая пара. Моему хозяину девяносто лет, а мне, если пользоваться глупыми человеческими расчетами, по которым один собачий год равен семи человеческим, так мне уже сто пять лет.

— Я бы никогда не дала вам столько, — вежливо, но искренне заметила Миссис.

— Но я еще достаточно молод, чтобы при встрече оценить красоту собаки, — Спаниель галантно поклонился. — А теперь отправляйтесь-ка в путь и приведите вашего мужа. Вы легко найдете обратную дорогу: трубы нашего дома хорошо видны с поля.

— Слева или справа? — озабоченно спросила Миссис.

— Прямо перед вашим очаровательным носиком. Если я не смогу вас встретить, смело проводите вашего мужа на кухню, я спущусь к вам, как только освобожусь.

Миссис радостно бежала по покрытым инеем полям, она не сводила глаз с заветного стога и была очень горда, что не сбилась с пути. Понго все еще крепко спал, кусок хлеба с маслом лежал нетронутый у его морды.

Бедный Понго! Проснувшись, он узнал, что пока он спал, его жена бегала одна по окрестностям. Лапа все еще болела, но, подкрепившись хлебом с маслом, он почувствовал себя лучше, а Миссис тем временем поведала ему подробности своего путешествия. Теперь, хотя

и прихрамывая, Понго мог следовать за Миссис.

— Куда идти? — спросил он жену, когда они выбрались из стога.

Миссис выглядела озадаченной: перед ее носом не было никаких труб — ведь сейчас она смотрела в противоположную сторону. Но Понго сам заметил трубы и позвал ее за собой. Когда они приблизились к огороду, Миссис вдруг спросила:

— Дорогой, пятна у собак бывают на правых лапах или на левых?

— Это зависит от собаки.

Миссис покачала головой:

— Это бессмысленно. Как я могу зависеть от вещей, которые сами от чего-то зависят?

Спаниель поджидал их.

— Я устроил сэра Чарльза у камина, — сообщил он, — так что в течение часа я свободен. Завтрак подан, мой друг.

Он провел Понго на кухню, где снова стояла чашечная миска.

— Но ведь это же *ваши* завтрак, сэр, — протестовал Понго.

— О, я позавтракал вместе с сэром Чарльзом. Обычно я вообще не завтракаю, но визит вашей очаровательной жены разбудил мой аппетит, и я съел пару кусочков бекона. Ешьте, мой друг, не беспокойтесь обо мне.

И Понго ел и ел, а потом пил и пил.

— А теперь вам необходимо как следует выспаться. Спаниель провел их наверх по черной лестнице, затем они шли длинными коридорами, пока наконец не оказались в большой залитой солнцем спальне, где стояла высокая кровать с пологом. Подле кровати они заметили круглую корзинку.

— Это моя, — объяснил Спаниель, — только я в ней никогда не сплю. Сэр Чарльз любит, чтобы я спал на постели. Удачно, что кровать уже застелена — наш дворецкий Джон сегодня выходной, так что устраивайтесь поудобнее.

Понго и Миссис блаженно растянулись на кровати.

— До вечера сюда никто не придет. Сэр Чарльз не может подняться наверх без помощи Джона, — объяснил Спаниель. — Камин будет гореть еще несколько часов — мы всегда разводим огонь, чтобы сэр Чарльз мог умыться перед ним. В доме нет всяких новомодных водопроводов. Спите спокойно, дети мои.

Солнечные лучи, языки пламени в камине, узор на обоях — все было так прекрасно, что жаль было засыпать. И они любовались всем этим почти целую минуту, пока не заснули. Проснулись они оттого, что Спаниель осторожно толкал их. Солнце уже село, огонь потух, в комнате стало прохладно. Понго и Миссис потянулись.

— Теперь вам следует выпить чаю, — решил Спаниель. — Но сначала — глоток свежего воздуха, идите за мной.

В лучах догорающего заката они прогуливались по холодному заросшему саду. Понго оглянулся, чтобы рассмотреть красивый старинный дом. Спаниель сообщил ему, что дому уже сорок лет и что теперь в нем живут только он, сэр Чарльз и дворецкий Джон. Большинство комнат закрыты.

— Время от времени мы ходим туда вытирать пыль, — рассказал он, — но мне это уже нелегко.

На стеклах самого большого окна играли отблески заката.

— В этой комнате мы проводим большую часть дня, — продолжал Спаниель. — Конечно, в маленькой комнате было бы теплее, но сэр Чарльз любит сидеть именно в Большом Зале. — Раздался звук серебряного колокольчика. — Он зовет меня. Пора возвращаться. Чай готов. А теперь делайте то, что я вам скажу.

Он провел их в дом. Далматинцы вошли в большую залу с высоким потолком и огромным камином в дальнем конце комнаты. Перед камином сидел старый джентльмен. Они не смогли как следует рассмотреть его, поскольку он сидел к ним спиной в кресле с высокой спинкой.

— Прилягте, пожалуйста, за креслом, — прошептал Спаниель. — Позже, когда сэр Чарльз уснет, вы сможете подойти поближе к огню.

Понго и Миссис на цыпочках приблизились к креслу, они заметили возле кресла стол, на котором стоял поднос с остатками обеда, накрытыми салфеткой, и все необходимое для чая. В серебряном чайнике на спиртовке уже закипала вода. Сэр Чарльз налил кипяток в заварочный чайник и накрыл его грелкой. Затем он снял серебряную крышку с блюда с хлебом. Спаниель, виляя хвостом, уселся у его ног.

— Ну что, проголодался? — спросил сэр Чарльз. — Что ж, сейчас мы приготовим замечательные тосты. Он нанизал кусочек хлеба на специальную вилку. Это была необычная вилка — железная, почти в четыре фута длиной. Очевидно, она предназначалась для переворачивания поленьев. Именно такая вилка и нужна была

сэр Чарльзу, он весьма искусно с ней обращался, устраивая кусочки хлеба на раскаленных красных поленьях. Тост был готов в мгновение ока, сэр Чарльз густо намазал его маслом и протянул Спаниелю, который под взглядом хозяйки проглотил его.

Миссис была несколько задета тем, что такой вежливый Спаниель не предложил первый кусок ей. Еще больше она удивилась, увидев, что он ест и второй кусок (сэр Чарльз все еще смотрел на собаку). Она почувствовала, что проголодалась, и забеспокоилась. Не мог же Спаниель пригласить их на чай лишь для того, чтобы продемонстрировать им, как он ест. Вот ему предложили третий тост — в это время сэр Чарльз отвернулся, и Спаниель быстро швырнул хлеб за кресло. Так он бросал им кусок за куском, а сам ел лишь изредка, если сэр Чарльз смотрел на него. Миссис стало стыдно за ее голодные подозрения.

— Я уж и забыл, дружок, когда у тебя был такой аппетит, — радостно заметил старый джентльмен. И он поджаривал кусок за куском, пока весь хлеб не кончился. Тогда наступил черед кексов. А затем сэр Чарльз поставил перед Спаниелем серебряный котелок с чаем. Котелок стоял так близко к спинке кресла, что Миссис и Понго сумели отхлебнуть немного чая, пока сэр Чарльз смотрел в другую сторону. Когда старик увидел, что котелок пуст, он снова наполнил его. Понго и Миссис всегда превосходно кормили, но никогда прежде они не пробовали горячие тосты с маслом и чай с молоком. Собаки навсегда запомнили это угощение.

Наконец сэр Чарльз приподнялся, подбросил в огонь еще одно полено, а потом сел и закрыл глаза. Вскоре он задремал, и тогда Спаниель пригласил Понго и Миссис перебраться поближе к огню. Они устроились у пылающего камина и разглядывали старого джентльмена. Его лицо было испещрено морщинами и казалось печальным, он был похож на Спаниеля, а может быть, Спаниель был похож на сэра Чарльза. Человек и собака сидели перед ними в отблесках огня на фоне огромного окна, за которым сгущались синие сумерки.

— Нам пора в путь, — прошептали Понго и Миссис. Но в комнате было тепло и тихо, а съеденные тосты вызвали в них ощущение блаженной сытости, и неожиданно они задремали.

Внезапно Понго открыл глаза: кто-то окликнул его по имени.

Пламя уже не было таким сильным, но в отблесках огня он разглядел, что старый джентльмен уже проснулся и, наклонившись вперед, смотрит на них с Миссис.

— Да неужели это Понго и его жена? — пробормотал старик. — Ну и ну! Вот так радость! Вот так радость!

Теперь и Миссис проснулась.

— Не двигайтесь, — прошептал Спаниель.

— А ты видишь их? — спросил старый джентльмен и положил руку на голову Спаниеля. — Если видишь, то не бойся. Они тебя не тронут. Они бы тебе понравились. Постой-ка, они ведь умерли лет за пятьдесят, а то и больше до твоего рождения. Это были первые собаки, с которыми я познакомился. Обычно я просил маму остановить карету и пустить их внутрь: я не мог

смотреть, как они бегут сзади. Так что в конце концов они стали домашними собаками. Как часто они сидели вот так у огня! Эй, вы двое! Если собаки умеют возвращаться после смерти, отчего вы не приходили раньше?

Тогда Понго понял, что сэр Чарльз считает их призраками. Он вспомнил, что мистер Милни называл его Понго потому, что это было старинное имя, очень распространенное в те давние дни, когда далматские доги еще бегали за каре-

тами. Сэр Чарльз принял его и Миссис за тех далматинцев, которых он видел в детстве.

— Может быть, это моя вина, — продолжал сэр Чарльз, — я никогда не был, как теперь говорят, «медиумом». Этот дом, наверное, кишит привидениями, только я ни одного не замечал. И вас-то, по чести сказать, я вижу только потому, что уже сам подошел к этой черте. Я уже готов перейти ее. Как приятно сознавать, что и у собак есть душа, — я всегда на это надеялся. Это и тебе важно знать, мой мальчик.

— Он потрепал Спаниеля за уши. — Ну вот, снова Понго и его жена, спустя столько лет! Я вас уже не очень хорошо вижу, но я вас помню!

Огонь постепенно затухал. Собаки уже не различали лицо человека, вскоре они вновь услышали его ровное дыхание и поняли, что он опять уснул. Спаниель тихо поднялся.

— Теперь следуйте за мной, — прошептал он.

— Скоро вернется Джон, чтобы приготовить ужин. Вы доставили моему питомцу большую радость. Я вам искренне благодарен.

Они на цыпочках вышли из огромного теплого зала и прошли в кухню, где Спаниель еще угостил их напоследок.

— Всего лишь несколько печений. Джон всегда оставляет для меня открытую коробку, когда уходит.

Потом они в последний раз попили воды, и Спаниель рассказал Понго, как добраться до Суффолка. Его объяснения были полны «налево» и «направо», так что Миссис не поняла ни слова. Спаниель заметил ее озадаченный взгляд и весело спросил:

— Ну, где у вас теперь правая лапа?

Это одна из передних, — убежденно сказала Миссис. Понго и Спаниеля очень развеселил этот женский ответ.

Затем они попрощались со Спаниелем, поблагодарив его еще раз. Миссис сказала, что никогда не забудет этот день.

— И я тоже, — улыбнулся Спаниель. — Ах, Понго, какой вы счастливчик!

— Да, я знаю это, — согласился Понго и с гордостью посмотрел на Миссис.

Несколько минут спустя, когда они уже бежали по полю, Миссис спросила:

— Как твоя нога, Понго?

— Намного лучше. О, Миссис, мне так стыдно перед тобой. Я доставил тебе столько беспокойства. Я был почти в ярости, а когда злишься, боль кажется еще сильнее. Ты так заботилась обо мне, и ты оказалась такой бесстрашной.

— А помнишь, как ты заботился обо мне в ту ночь, когда мы убежали из Лондона? — отозвалась Миссис. — Все будет хорошо, если мы оба не станем падать духом.

— Я благодарен тебе за то, что ты не позволила мне укунить того маленького человечка.

— Ничто на свете не может заставить собаку укунить человека, — важно сказала Миссис.

— А помнишь, как прошлой ночью ты грозилась разорвать на кусочки Лютеллу д'Явол?

— Это совсем другое, — хмуро ответила Миссис. — Я не считаю Лютеллу д'Явол человеком.

Воспоминание о Лютелле вновь пробудило в них тревогу за щенков, они ускорили бег и долго ни о чем не разговаривали. Наконец Миссис заинтересовалась:

- Понго, как далеко нам еще бежать?
- Если повезет, то к утру мы будем на месте,
- отозвался Понго.

В полночь они достигли города Садбери, на мосту через реку Понго задержался.

— Мы пересекаем границу Суффолка, — объявил он.

Они побежали по старым тихим улочкам и оказались на рыночной площади. Доги надеялись встретить какую-нибудь собаку и узнать от нее, не поступало ли новостей от щенят, но им повстречалась лишь кошка. Пока они пили воду из фонтана, церковные часы пробили полночь.

— О, Понго, вот и завтра наступило! — радостно воскликнула Миссис. — Значит мы встретимся с нашими детьми уже сегодня!

10

Что они увидели с Башни-Монстра

За ночь они пробежали мимо многих деревень и оказались наконец в весьма необжитом краю. Леса сменялись пустошами, и лишь изредка встречалось человеческое жилье. Местность была настолько глухая, что Понго из боязни заблудиться решил держаться поближе к узкой извилистой дороге.

— Как бы мы случайно не пробежали мимо нашей деревни, — пробормотал он. — Мы не смогли известить о своем прибытии заранее по

собацъему телеграфу, и нас там никто не встречает.

Но он ошибался. Вдруг из темноты раздалось громкое «Мяу!»

Доги застыли как вкопанные. Прямо над их головами на дереве сидела полосатая кошка. Она сказала:

— Понго и Миссис? Надеюсь вы не из тех, кто гоняется за кошками?

— Конечно, нет, мадам, — заверил ее Понго.

— Уж не та ли вы кошка, которая помогла отыскать наших щенят?

— Та самая, — призналась кошка.

— О, как я вам благодарна, — воскликнула Миссис.

Кошка спрыгнула с дерева.

— Извините мою подозрительность, но некоторые собаки совершенно не в силах сдерживать себя, когда видят кошек, хотя со мной таких недоразумений не случалось. Что ж, милости просим.

— Как любезно с вашей стороны, мадам, встречать нас на дороге, — поблагодарил Понго.

— Мне это не составило труда, я имею обыкновение гулять по ночам. Можете звать меня Тиб. На самом деле меня зовут Пусси Уиллоу, но многим, к сожалению, это имя кажется слишком длинным, а мне оно так нравится!

— И оно вам подходит! — подтвердил Понго галантно (он научился у Спаниеля говорить комплименты). — У вас такая стройная фигура и прекрасные мягкие серые лапки.

На самом деле было слишком темно, чтобы Понго сумел оценить достоинства кошачьей фигуры, единственное, что ему удалось разглядеть — это кошачьи лапы.

Кошка была польщена.

— Я слежу за своей фигурой и именно за нее меня называли Пусси Уиллоу, что значит «гибкая». А теперь вам необходимо подкрепиться и как следует отдохнуть.

— Скажите пожалуйста, как наши щенята? — озабоченно спросила Миссис.

— В последний раз я видела их вчера вечером. Они выглядели все такими же веселыми крепкими.

— Нельзя ли нам сначала хоть одним глазком взглянуть на них? — попросила Миссис.

— Мы же не можем лазить по деревьям, как миссис Уиллоу, — засомневался Понго.

— Вам это и не понадобится, — возразила кошка — Полковник все приготовил. Только надо подождать, когда щенят выпустят во двор конюшни, а это еще не скоро. Эти Негодяйло — страшные сони. Пойдемте, я представлю вас Полковнику.

— Полковник, это что — человек? — озадаченно спросила Миссис.

— Что вы, нет. Полковник — это наша овчарка. Великий стратег, можете овец спросить. А меня он зовет своим лейтенантом.

Теперь кошка вела их по дороге. Понго любопытствовал, как далеко до фермы.

— Сейчас мы идем не на ферму. Полковник проводит ночь на посту в Башне Монстре. Странное сооружение, но вот пригодилось.

Светало. Дорога шла через пустырь. Впереди они увидели темное массивное сооружение, возвышающееся на фоне светлеющего неба. Вскоре Понго различил, что это — огромная каменная стена.

— Вот мы и пришли, — промяукала кошка.
— Щенята там, внутри.

— Это похоже на тюремную ограду, — заметил Понго.

— Ужасное место, — согласилась кошка. — Полковник расскажет вам его историю.

Она свернула с дороги и пошла напрямик по траве. Когда они приблизились к стене, Понго заметил, что она закругляется, словно принадлежит круглой башне. Из-за нее выглядывали макушки высоких деревьев, их ветви чернели на фоне неба.

— Не правда ли, кажется, что за такой огромной стеной должен быть по крайней мере какой-нибудь замок? — заговорила кошка. — Говорят, что его и хотели там построить, только что-то разладилось. Все, что осталось, это... впрочем, взгляните сами.

Она подвела их к ржавым железным воротам, и собаки заглянули сквозь прутья. Уже достаточно рассвело, и в глубине, за заросшей высокой травой поляной, ничем не отличавшейся от окрестных пустырей, они смогли различить блеск воды — но, странно, вода показалась им черной. Они догадались, почему: в воде отражался черный дом.

Это был самый отвратительный дом из всех, какие когда-либо видели Понго и Миссис. Мно-

гие окна его огромного безликого фасада были заложены кирпичами, а оставшиеся образовывали странную картину: они напоминали глаза и нос, а парадная дверь — рот. Глаз было слишком много, а нос и рот располагались не посередине, а сбоку, так что все лицо казалось перекошенным.

«Он глядит на нас», — испугалась Миссис. И действительно, казалось, что окна дома смотрят на них.

— Вот это и есть Адский Замок, — мяукнула кошка.

Она двинулась дальше, собаки последовали за ней вдоль закруглявшейся стены. Через несколько минут они увидели башню, возвышавшуюся над деревьями. Она, как и стена, была сложена из грубого серого камня и напоминала колокольню. Некоторые узкие окна были разбиты, кладка облупилась. Хотя башня и не выглядела развалиной, но было видно, что конец ее предрешен.

— Вот эту-то башню и прозвали Монстром, — объяснила кошка.

Миссис не знала, что означает это слово, но Понго уже встречал прежде подобные постройки. Он объяснил, что так называют дорогостоящие вычурные здания, построенные по чьей-то глупой прихоти.

Кошка мяукнула три раза, в ответ из башни трижды пролаяли.

Минуту спустя они услышали звук отодвигаемого засова.

— Полковник — единственный из знакомых мне псов — умеет зубами отпирать засов, — гордо сообщила кошка.

Понго решил про себя, что он тоже обязательно научится открывать засовы.

— Входите, входите, — прорычал кто-то, — только дайте-ка мне сперва рассмотреть вас корошенько, а то внутри слишком темно.

Им навстречу вышла огромная овчарка. Понго сразу догадался, что перед ними не какой-нибудь военный щеголь, а старый служака, быть может, он и тугодум, но, несомненно, парень бывалый. Добрые глаза пса блеснули сквозь густую серо-белую шерсть.

— Рад видеть, что вы большие далматские доги, — одобрительно проворчал Полковник. — Не то чтобы я был против маленьких собачек, но считаю, что каждая порода должна стараться поддерживать свои размеры. А теперь рассказывайте, что с вами стряслось. Ну и переполох же был вчера, когда все собаки узнали, что вы пропали и от вас нет никаких известий.

Он провел далматинцев внутрь башни, и по дороге Понго рассказал ему, как они провели день в гостях у Спаниеля.

— Похоже, он славный малый, — одобрил Полковник. — Жаль, что он не выходит на связь по вечерам. Я приготовил вам завтрак, на случай, если вы все же объявитесь. Так что прошу, налетайте.

В башне собак ждала прекрасная деревенская еда и полная консервная банка воды.

— Как вам удалось доставить сюда все это? — удивился Понго.

— Я сложил продукты в консервную банку, заткнул ее сеном, чтобы ничего не вывалилось, а потом катил ее от фермы досюда. А еще я позаимствовал маленькое ведерко у моего вос-

питанника Томми — это прелестный малыш, готов мне все отдать. Шесть пробежек до пруда и обратно — хорошо, что вчера потеплело, — вот вам и вода. Пейте! Можно принести еще.

За завтраком кошка выступала в роли гостеприимной хозяйки. Понго неизменно обращался к ней «Миссис Уиллоу».

— Что это еще за Миссис Уиллоу такая? — вдруг не выдержал Полковник.

— Видите ли, меня зовут Пусси Уиллоу, — заявила кошка. — И уж я, конечно, настоящая миссис.

— Больно много у вас имен, дорогуша, — заворчал Полковник. — Вы просто Пусси. Всех кошек так зовут. Вас называли Пусси Уиллоу, пусть так. Но большинство людей зовет вас Тиб. А я зову вас Лейтенант или Лейтенант Тиб. И вы, похоже, ничего не имели против.

— Мне нравится «Лейтенант», но не «Лейтенант Тиб».

— Но «Миссис Уиллоу» — это уж чересчур. Не может же у вас быть шесть имен!

— На самом деле у меня девять имен, ведь у меня девять жизней. Но я согласна, чтобы на службе меня звали Лейтенант Уиллоу, а на досуге — Пусси.

— Вот это правильно. А теперь давайте покажем нашим гостям их спальни.

— А нельзя ли нам, прежде чем мы отправимся спать, хоть одним глазком взглянуть на наших щенят? — взмолилась Миссис.

Кошка бросила быстрый взгляд на Полковника.

— Я объясняла им, что щенят выпустят на прогулку лишь через несколько часов.

К тому же, вы разволнуетесь и не сможете потом заснуть, — пробурчал Полковник. — Вы должны как следует отдохнуть, а потом уже ложнитесь на здоровье.

— Волноваться? — резко переспросил Понго.

— А разве что-то стряслось?

— Даю вам честное слово, ничего с вашими вещами не случилось, — заверил их Полковник.

У Понго и Миссис не было причин не доверять ему, но отчего его голос звучит так криливо, и почему они так странно переглянулись с кошкой?

— А теперь пройдемте наверх, — отрывисто пролаял Полковник. — Мы решили устроить вас на верхнем этаже, это единственный этаж, где уцелели оконные стекла. Ну что ж, по коням, Лейтенант Уиб, я хотел сказать, Лейтенант Тилду — тьфу, черт, кошка!

— Я не позволю называть меня просто «кошкой»! — запротестовала Пусси.

— И правильно. Мне тоже не нравится, когда меня называют просто собакой, — согласился Полковник. — Прошу прощения, Лейтенант Уиллоу. А теперь прыгайте-ка ко мне на спину, если не хотите идти пешком.

Кошка запрыгнула на спину псу и уцепилась за его густую шерсть. Никогда прежде Понго не видел чтоб кошка прыгала на спину собаке с мирными намерениями. Он был потрясен доверчивостью Полковника и кошачьей преданностью.

Наверх вела винтовая лестница. Пять этажей Башни-Монстра были завалены сломанной мебелью старыми чемоданами и всяким другим

хламом. Лишь на последнем этаже была приготовлена подстилка из соломы, которую Полковник натаскал сюда в мешке. Миссис заинтересовало узкое окно — а вдруг из него виден Адский Замок?

Она подбежала посмотреть. Действительно, сквозь ветви деревьев можно было разглядеть задворки Адского Замка — отсюда дом казался таким же уродливым, как и с фасада, хотя выглядел не так устрашающе. С одной стороны был большой загон для лошадей.

— Уж не здесь ли гуляют наши щенята? — спросила Миссис.

— Да, да, — отозвался Полковник. — Но время прогулки наступит лишь через несколько часов.

— Я ни за что не усну, пока не увижу их! — воскликнула Миссис.

— Уснете как миленькая. Я вас усыплю своим рассказом, — возразил Полковник. — Ваш муж как раз просил меня рассказать вам историю Адского Поместья. Ложитесь и слушайте.

Понто, так же как и Миссис, не терпелось увидеть щенят, но он понимал, что прежде они должны выспаться, и убедил в этом жену. Полковник заботливо поправил их соломенную постель.

— Здесь довольно прохладно, хотя я этого и не чувствую, — объяснил он. Потом пес отправил кошку собирать еду на обед, а сам начал рассказ. Вот что они узнали.

Некогда Адское Поместье было обыкновенной фермой и называлось Хилл-холл, по фамилии построившего ее фермера Хилла. Дом был построен лет двести назад, тогда же, когда и ферма, на которой жили пес и кошка.

— Оба дома немного похожи, — заметил Полковник, — только наш дом выкрашен в белый цвет и более ухожен. Я помню, что пока Адский Замок не выкрасили в черный цвет, он выглядел совсем неплохо.

Но фермер по фамилии Хилл разорился и продал Хилл-холл предку Лютеллы д'Явол, которому понравилось, что дом стоит особняком на пустыре. Он задумал сломать старую усадьбу и построить на ее месте фантастический дом — наполовину замок, наполовину собор, он даже приступил к работе: возвел огромную каменную ограду и вот эту Башню-Монстр. (Всю эту историю Полковник услышал, когда как-то раз заехал в гости к священнику.)

Едва постройка ограды была завершена и были установлены тяжелые железные ворота, по округе поползли слухи. Местные жители, которым случалось проходить по пустоши вблизи от Поместья, слышали вопли и дьявольский смех, доносившиеся из дома. Неужели за этой оградой, напоминавшей тюремную стену, томились узники? Взрослые запретили детям играть вблизи Адского Поместья.

— Ходят слухи... Впрочем, мне не следует рассказывать вам об этом перед сном, — засомневался Полковник, — да и в доме священника об этом не говорили. Но я все же скажу вам одну вещь, вас это не так напугает, как окрестных жителей. Говорили, что у этого самого д'Явола был длинный хвост. Впрочем, священник никогда не упоминал об этом.

Миссис заснула очень быстро и почти не слышала рассказа овчарки, но Понго внимал ей с живейшим интересом.

— В те времена люди уже называли это место Адским Поместьем, а этого парня, д'Явола, считали настоящим дьяволом. В конце концов жители окрестных деревень пришли как-то ночью к этому дому с зажженными факелами, они собирались сломать ворота и поджечь дом. Но когда они приблизились к воротам, разразилась ужасная гроза, и все факелы потухли. Потом ворота распахнулись как бы сами собой, и они увидели самого д'Явола, он ехал в карете, запряженной четверкой лошадей. Говорят, что молнии появлялись не с неба: он сам излучал всполохи огня. Люди с криками разбежались и никогда больше не возвращались обратно. Впрочем, и д'Явол тоже. Дом пустовал тридцать лет. Потом кто-то снял его. Владельцы сменяли один другого, но никто не задерживался надолго.

— А что, дом все еще принадлежит семейству д'Яволов? — поинтересовался Понго.

— От всей семьи осталась на сегодня одна Лютелла д'Явол. Ей и принадлежит дом. Она приезжала сюда несколько лет назад и приказала перекрасить дом в черный цвет. Говорят, что внутри он красный. Только она сама никогда здесь не жила. За домом присматривают братья Негодайло. Вот уж кому бы я никогда не доверил уход за своей конурой!

Это были последние слова, которые расслышал Понго: сон наконец сморил и его. Старый служака стоял и любовался на мирно спящую пару, затем он спустился вниз.

И часа не прошло, как Миссис снова открыла глаза. Ей приснились щенята, она слышала их голоса, а теперь их лай звучит наяву! Она вскочила с соломы и бросилась к окну. Щенят

не было видно, но голоса их были прекрасно слышны, они доносились из черного дома. Затем голоса стали громче, дверь, выходящая во двор конюшни, распахнулась, и из дома вылился настоящий щенячий поток.

Миссис зажмурилась. Не могли же ее щенята так подрасти за неделю! И уж конечно, у нее их было не так много! А щенят становилось все больше и больше. Вот уже весь двор был заполнен прекрасными, здоровыми и крепкими щенками далматинцев, но...

Миссис в отчаянии замотала головой. Это были не ее щенята! Произошла ошибка! Ее дети так и не нашлись, может быть, в эту самую минуту они умирают от голода, может быть, они уже умерли! Она завывала от горя.

Вой разбудил Понго. Через несколько секунд он уже сидел подле жены и так же смотрел во двор, полный копошащихся щенят. Все новые и новые щенки выскакивали из дома во двор, теперь это были щенята поменьше.

И тогда они заметили *его*. Счастливчик! Они не могли ошибиться, они разглядели знакомое пятнышко в виде подковки у него на спине. А вот появился Ролли-Полли, как всегда спотыкаясь на ходу. Затем настал черед Кляксы и крошки Последыша, а потом они увидели и всех остальных, живых и невредимых. Щенята, весело виляя хвостами, бросились к поилке.

— Смотри-ка, Клякса помогает Последышу протиснуться к воде! — радостно воскликнула Миссис. — Но что все это значит? Откуда взялись остальные щенята?

Первое изумление прошло, и Понго, проснувшись окончательно, был уже в состоянии трезво

оценить ситуацию. Он все понял. Очевидно, Лютелла уже целый месяц похищала щенят, с тех самых пор, как ей захотелось иметь манто из меха далматинцев. Самым крупным щенятам во дворе было уже месяцев пять. А самыми маленькими были их щенята, которых, по-видимому, украли последними.

Он как раз закончил объяснять все это Миссис, когда наверху появился Полковник — он бегал за свежей водой и слышал снизу вой Миссис.

— Теперь вы все знаете, — проворчал он. — Мне просто хотелось, чтобы вы прежде как следует выпались.

— Но отчего вы оба так встревожены? — спросила Миссис. Ведь наши щенята в безопасности и прекрасно выглядят?

— Да, моя дорогая. Полюбуйся на них еще немного, — сказал Понго нежно, а затем повернулся к овчарке.

— Пойдем-ка вниз, приятель, я приготовил тебе свежей воды, — сказал Полковник.

11

Во вражеском лагере

У Понго на самом деле пересохло в горле.

— Давайте-ка пройдемся до пруда, — предложил Полковник. Он зажал зубами ручку маленького ведерка. — Теперь вам вряд ли захочется спать.

Понго казалось, что он уже больше никогда не сможет заснуть.

— Не могу себе простить, что не уберег вас от такого потрясения, — ворчал Полковник, пока они шли по тропинке в лучах утреннего солнца. — Конечно, нельзя винить Лейтенанта. Она еще неопытный разведчик. Когда она доложила мне, что дом «кишит далматскими щенка-

ми», я поначалу решил, что речь идет лишь о ваших детях. Ведь и пятнадцать щенят могут свести с ума кого угодно. Я лишь вчера перенес мой штаб в башню и только тогда разглядел, как все обстоит на самом деле. Само собой, я вчера же передал новости по собачьему телеграфу, но вы их не услышали.

— Сколько там щенят? — поинтересовался Понго.

— Не могу сказать наверняка, ведь они ни минуты не сидят на месте. По крайней мере — вместе с вашими — никак не меньше сотни.

— Сотни?

Они подошли к пруду.

— Попейте-ка еще, — предложил Полковник.

Понго полакал немного, а потом с отчаяньем поглядел на овчарку.

— Что мне делать, Полковник?

— Ваша жена хочет спасти только своих щенят?

— Может быть, поначалу она так и думала, — сказал Понго, — но теперь она понимает, что это означало бы обречь на смерть всех остальных.

— В любом случае, ваши щенята еще слишком малы для такого путешествия, — заметил Полковник. — Надеюсь, вы меня понимаете?

Понго был согласен с овчаркой. Он был согласен оставить щенят еще ненадолго в Адском Поместье, пусть подрастут, а они с Миссис будут на чеку, и в случае опасности спасут малышей. Понго поделился этими соображениями с Полковником.

— Вы приняли правильное решение, — одобрил пес. — А как насчет других щенят?

— Я сообщу о них во все уголки Англии, может быть, их родители отзовутся и тоже придут на помощь.

— Маловероятно, ведь прошло столько времени, — засомневался Полковник. — В крайнем случае, не могли бы ваши подопечные принять в свой дом и этих щенков?

Понго не представлял, чтобы Милни могли отказать в помощи какой-нибудь собаке. Но сотне! Хотя гостиная и достаточно просторная...

— Не думаю, чтобы они выгнали их, — ответил он: — Только я не смогу довести их всех до Лондона.

— Таких малышей, конечно, нет. Им всем необходима предварительная тренировка. Они должны научиться ходить строем, выполнять команды, самых старших я мог бы научить добывать продовольствие.

— Я бы и сам хотел этому научиться, — заметил Понго.

— Замечательно! Попробуйте-ка понести это ведро. Вам следует этому научиться. Нет-нет, вытяните-ка шею получше, чтоб ведро не било вас в грудь. Вот так!

Понго быстро научился носить ведро с водой. Настроение у него поднялось. С помощью этого замечательного Полковника он действительно сможет спасти *в с е х* щенят. В башне он поставил ведро на пол.

— Ну вот, теперь вы выглядите молодцом, — подбодрил его Полковник. Может быть, и сон к вам вернется. До вечера ни вы, ни ваша жена все равно ничего не сможете сделать. А с наступлением темноты вы сможете повидаться с

малышами. Я же тем временем сообщу всем, что мы добрались благополучно.

Но одно обстоятельство по-прежнему озадачивало Понго.

— Как вы думаете, Полковник, зачем Лютелле д'Явол столько далматинцев? Неужели ей мало одного манто?

Пес с изумлением взглянул на него.

— Разве вы не знаете, что ее муж — меховщик? Я так понимаю, что она и замуж-то за него вышла только ради его мехов.

Вот оно что! Понго совсем забыл об этом. Но если д'Яволы собираются заняться торговлей манто из далматинцев, то Адское Поместье — не что иное как ферма по разведению пушных животных, и ни одна собака не сможет чувствовать себя в безопасности, пока не будет покончено с Лютеллой д'Явол. «Я должен положить этому конец, как только мы вернемся в Лондон», — размышлял Понго, поднимаясь по ступеням.

Он нашел Миссис распростертой на голых досках у окна. Она смотрела во двор до тех пор, пока щенки не ушли обратно в дом, а потом в изнеможении уснула. Понго подоткнул солому и улегся рядом, чтобы согреть ее. Она не пошевелилась. Перед тем как заснуть, Понго с нежностью вспомнил о Полковнике. Поначалу он показался ему немощным деревенским старичком. Но как много теперь зависело от находчивости этого бывалого служака.

Уже темнело, когда Полковник разбудил их.

— У щенят все по-прежнему, но никто из родителей не объявился. Я сообщил по телеграфу о вашем благополучном прибытии и получил в ответ множество добрых пожеланий и поздрав-

лений. Похоже, что весь Собачий мир теперь только и ждет вестей из нашей тихой деревушки. Я пообещал, что вы сами выйдете на связь, как только отдохнете и придете в себя.

— Охотно, — согласился Понго.

— А теперь спускайтесь вниз, обед готов, — сказал Полковник.

Внизу их ожидали великолепные сосиски, которые сумела раздобыть кошка. Она убежала на ферму. Полковник объяснил, что Пусси боялась огорчить своих подопечных, которые очень бы горевали, если бы она не пришла к вечернему чаю: в это время ей всегда давали блюдечко молока.

— Я тоже должен буду отлучиться вечером, мой воспитанник Томми привык, что я лично слежу за его купанием. Так что приступим к делу, — сказал он.

Он поднялся и распахнул окно.

— Фортификационные заграждения в Адском Поместье никудышные, — заметил он. — Зачем запирают на засов ворота, если можно пройти сзади через башню?

Теперь Понго заметил, что в башне были окно и дверь, выходившие во двор, и точно такие же дверь и окно выходили на пустырь, то есть башня являлась своего рода проходной. Полковник обычно входил через окно со стороны пустыря. Дверь во двор была снаружи закрыта на засов, поэтому он вывел Понго и Миссис через другое окно.

— Будьте осторожны: окно может захлопнуться, а снаружи нет ручки, и чтобы отпереть дверь, понадобится время, — предупредил Полковник. — Он отодвинул засов на входной двери,

распахнул ее и припер снаружи тяжелым камнем. — Ну вот, это на случай если вы захотите побыстрее вернуться, — впрочем, не думаю. Не удивлюсь, увидев, что вы останетесь у щенят на всю ночь.

Миссис охнула от восторга и засыпала овчарку вопросами.

— Я вам все объясню по дороге, — сказал Полковник, направляясь в Адское Поместье.

Над черным домом вставала полная луна.

— Полковник, что это там на крыше? — Неужели в доме есть телевизор?

— Конечно, — отозвался Полковник, — с тех пор как в нашу деревню провели электричество, телевизоры появились почти у всех. Большинство купили их в кредит, но я слышал, что Негодяйло не платят уже много месяцев.

Потом он поведал свой план и, как оказалось, телевизор играл в нем не последнюю роль. Братья Негодяйло были заядлыми телезрителями, но собачий лай раньше мешал им смотреть передачи. Щенята таякали без умолку, пока не оказывались в тепле. Самым теплым помещением в доме была кухня — здесь и был телевизор, и здесь же находились щенята (в то время, когда они не гуляли во дворе). Одним щенкам нравилось смотреть телепередачи, другие в это время спали, но, по крайней мере, никто не лаял, так что Негодяйло развлекались в свое удовольствие. Все это Полковник узнал от Счастливого, с которым долго перелаивался через забор.

— Из вашего малыша выйдет толк, — сказал Полковник. — Он из молодых да ранних.

Понго и Миссис были польщены.

План состоял в том, что, пока Негодяйло

будут смотреть телевизор, Счастливчик выведет своих братьев и сестер во двор конюшни.

— Но они не могут оставаться там слишком долго: ночи теперь холодные, они же замерзнут. Впрочем, почему бы вам не пойти вместе с детьми на кухню? — заметил Полковник. — Счастливчик рассказал мне, что в это время в кухне выключают свет, так что, если вы пригнетесь, никто вас не заметит. Даже если Негодяйло и увидят вас, они примут вас за подросших щенят. Но вряд ли они обратят на вас внимание. Счастливчик сказал мне, что братья сидят весь вечер у экрана, как приклеенные, а когда передача заканчивается, переворачиваются на другой бок и сразу же засыпают: их матрасы — прямо на кухонном полу. Мне кажется, вы вполне могли бы провести с детьми всю ночь. На рассвете я позову вас, и вы уйдете, прежде чем эти типы проснутся.

Понго и Миссис были очень довольны такой возможностью.

— А не могли бы мы ночевать там каждый день? — спросила Миссис.

Полковник ответил, что это вполне возможно, тогда у Миссис и Понго будет достаточно времени, чтобы тренировать щенят, готовить их к обратному походу в Лондон.

— Счастливчик говорил, что этих Негодяйло и пушкой не разбудишь, так что я сам собираюсь появиться в кухне и начать тренировки. Мы разделим их на десятки, и я буду по очереди заниматься с ними на плацу во дворе. Но для начала вам следует попробовать просто переночевать там, — объяснил Полковник.

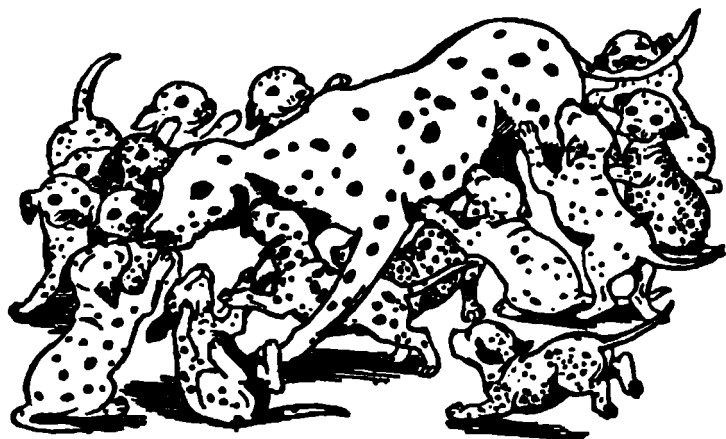
Так они подошли к конюшне.

— Давайте отложим этот разговор, Полковник, — попросил Понго. — Я сейчас слишком изволнован, а ты Миссис?

Миссис дрожала от волнения.

— Не могу поверить, что вновь увижу детей, — прошептала она.

Полковник открыл калитку во двор. Миссис со стоном устремила к заднему крыльцу. Она заметила Счастливого. Он стоял у дверей, поджидая их.

За ним в темноте коридора толпились его братишки и сестренки. Как можно описать, что чувствовали в эти минуты родители, им хотелось облизать каждого щенка, каждому вильнуть хвостом, каждого ободрить. Все старались соблюдать тишину, но все же то и дело раздавалось счастливое сопение и поскуливание, так что Полковник начал беспокоиться.

— Как бы нас не услышали в доме, — шепнул он Счастливику.

— Кто, Негодяйло? — с трудом проговорил

щенок: в это время он как раз жевал материнское ухо. — Да нет, они всегда включают телевизор на полную громкость.

И все же Полковник успокоился, лишь когда утихла первая радость от встречи.

— А теперь — тихо! — скомандовал Понго.

— Ведите себя тихо, словно мыши, — добавила Миссис.

Они с удивлением заметили, что щенята сразу притихли. Раздавался только звук, похожий на шелест сухих листьев: это от избытка чувств виляли пятнадцать маленьких хвостиков.

— Ну-ка, смирно! — твякнул Счастливчик.

И все хвосты сразу же остановились.

— Я учил их выполнять команды, — объяснял Счастливчик Полковнику.

— Молодец, парень. Днем я произвел тебя в капралы, не так ли? А теперь я присваиваю тебе звание сержанта. Если так и дальше пойдет, на следующей неделе ты станешь офицером. А теперь я должен вас оставить: мой малыш Томми ждет меня, ему пора принимать ванну.

Он предупредил Понго, что вернется через пару часов.

— Попробуйте отлучиться ненадолго, чтобы рассказать мне, как у вас дела, или пошлите Сержанта с донесением.

— Не желаете ли вы, сэр, прийти посмотреть телевизор? — спросил Счастливчик.

— Только когда уснут Негодяйло, — ответил Полковник. — Меня они навряд ли примут за далматинца.

Как только он ушел, Счастливчик отослал щенят на кухню, а затем проводил туда мать и отца.

— Оставайтесь в глубине комнаты, пока ваши глаза не привыкнут к темноте, — предупредил он.

В кухне было темно. Лишь в дальнем углу светился экран телевизора, да в камине мерцал огонь, но поскольку пол и потолок были выкрашены в темно-красный цвет, они совсем не отражали света. В кухне стояла нестерпимая жара, один камин не смог бы так нагреть комнату: Лютелла и Явол, собираясь поселиться в Адском Поместье, провела центральное отопление.

Наконец глаза Понго и Миссис привыкли к темноте, и они увидели странное зрелище. Всего в нескольких шагах от телевизора на матрацах лежали два человека и не отрываясь смотрели на экран. А за ними в несколько рядов сидели щенки далматинцев, самые маленькие — впереди, старшие — сзади. Те, кому не хотелось смотреть телевизор, дремали у камина. Жаркая красная комната выглядела на удивление уютной, хотя Понго временами казалось, что он находится внутри гигантской пасти.

— Пусть мама остается здесь с малышами, а мы тем временем осмотрим помещение, — прошептал Счастличик. — Все щенята мечтают посмотреть на тебя. Папочка, ты спасешь их всех, правда?

— Мне бы очень этого хотелось, — признался Понго. Ведь он непрерывно думал об этом, но пока еще не пришел ни к какому решению.

— Я им так и сказал, но они все равно очень волнуются, — обрадовался Счастличик. Он шепнул что-то на ухо ближайшему щенку, и добрая весть пронеслась по рядам, словно ветер по пшеничному полю. Человеческое ухо ничего бы не услышало, ведь щенята не проронили ни

слова, лишь изредка слышалось радостное постукивание чьего-то хвоста. Все понимали, что люди не должны догадываться о присутствии взрослых собак; пока Понго проходил по рядам, никто даже не пошевелился. Но он чувствовал, как огромные волны любви и надежды накатываются на него. Прежде щенята были для него лишь задачей, которую необходимо решить, теперь же они стали для него родными и близкими. Понго почувствовал, что все они — его дети. И он знал, что никогда не бросит их на произвол судьбы.

С особой нежностью он глядел на самых старших щенков. Они были уже почти совсем взрослые, но еще долговязые и нескладные. Они напомнили Понго о его собственной недавней юности. Сколько еще времени их шкурки будут в безопасности, надолго ли хватит терпения у Лютеллы д'Явол? Понимают ли щенята, что опасность увеличивается с каждым днем? Что-то в их взгляде показало ему, что они обо всем догадываются. А ведь многие из них томились в этом ужасном доме по нескольку месяцев, до того как Счастличик сообщил всем, что их папа и мама идут к ним на помощь. Теперь, обходя с героем-отцом ряды щенят, Счастличик сиял от гордости.

Блаженно счастливая сидела Миссис в окружении своих детей. И хотя она не сводила с них глаз, не забывала посматривать и на экран. Миссис никогда прежде не видела телевизора (мистер и миссис Милни не смотрели телепередач, считая это занятие пустой тратой времени). С непривычки ей было трудно следить за ним. Щенята почти ничего не понимали, ведь они

...или еще слишком мало человеческих слов, но добавляли движущиеся картинки, и малыши смотрели на экран в надежде, что покажут собак.

А когда мы вернемся домой, у нас будет телевизор? — спросил Последыш.

Конечно, дорогой, — ответила Миссис. Уж сумеет как-нибудь убедить Милни купить телевизор

Понго тем временем бесшумно обошел всех нянь. Он шепнул Счастливику, что хотел бы лучше рассмотреть этих Негодяйло, и щенок проводил его к черной лестнице, откуда можно было незаметно наблюдать за людьми.

Никто бы никогда не догадался, что Саул и Джаспер были братьями. Саул был толстый и темноволосый, а лоб у него был такой низкий, что уголки густых бровей то и дело упирались в путанную челку. Джаспер же был худым и русоволосым, у него был такой острый подбородок, что он протер им дырки на всех своих рубашках, которых, впрочем, у него было не слишком много. Оба брата выглядели весьма тумазыми.

— Они никогда не меняют одежду, — прошептал Счастливчик, — и никогда не моются. Может, они не настоящие люди, а, пап? Бывают полулюди?

Увидев Негодяйло, Понго мог бы сам поверить — бывают, но что же тогда представляет собой их нечеловеческая половина? Подобных животных он не встречал.

— Они вас не обижали? — с тревогой спросил Понго.

— Нет, они очень боятся, что их покусают, — отвечал Счастливчик. Они страшные трусы.

Щенки постарше хотели было на них напасть, но все равно ведь отсюда не выбраться. А если бы они убили Негодяйло, кто бы стал нас кормить? Ой, папочка, как я рад, что вы пришли!

Понго лизнул сына в ухо. Щенята, как и мальчишки, не любят, когда папы слишком нежничают (мамы — другое дело), но это был особый случай.

Потом они вернулись к Миссис и другим щенкам. Удивительно, как покойно они чувствовали себя, находясь во вражеском логове. Все дети, кроме Счастливого, Кляксы и Последыша постепенно заснули. Счастливчик не хотел спать. У Кляксы слипались глаза, но она старалась не заснуть, ведь Последыш не спал, потому что обожал смотреть телевизор.

Старшие тоже стали укладываться спать, растянувшись на полу. Впервые с тех пор, как они попали в Адское Поместье, щенята чувствовали себя в безопасности. Ведь пришел Понго! И Миссис! Они робко поглядывали на нее, понимая, что сначала она должна позаботиться о собственных малышах, но все же надеялись, что и для них у нее найдется минутка-другая. Некоторые щенята уже почти не помнили своих матерей, но малыши еще не успели забыть их и не могли заснуть. Тихо и незаметно они старались подползти поближе к Миссис.

Миссис смотрела телевизор: увлечение Последыша передалось и ей. Вдруг какой-то едва различимый звук заставил ее обернуться. Ее дети все спали, но в нескольких шагах от нее теперь сидело около тридцати их ровесников, и все они с надеждой смотрели на нее.

— Боже, какие они замарашки! — была ее

первая мысль. — Неужели матери не научили их умываться?

Но потом ей стало жаль малышей. Где теперь их мамы? Она улыбнулась им, и они наморщили носы, стараясь улыбнуться в ответ. Потом она поглядела на старших щенков, сидевших поодаль. Девочки-подростки напомнили ей ее юность: такие же долговязые глупышки. Умыться они умели, но еще многого не знали и нуждались в материнском совете. И вдруг все щенята стали ее щенятами, она ощутила себя их матерью — так же, как Понго почувствовал себя их отцом. Малыши так близко подползли к ней, что она не смогла бы теперь сказать, где кончалась ее маленькая семья и начиналась большая.

Жаркая красная комната наполнилась дремотой. Даже Негодяйло клевали носами. Им не очень нравилось то, что передавали по телевизору, но они ждали следующую программу и из всех сил старались не заснуть. Даже Миссис Немного вздремнула, ведь она знала, что Понго всегда начеку. В конце концов наступил момент, когда лишь три пары глаз светились в ночи. Понго не спал, он думал, Счастливчик не спал, потому что считал себя часовым на посту, и Последыш не спал: он с увлечением смотрел телевизор.

Вдруг кто-то заколотил в парадную дверь. Щенята в испуге проснулись. Негодяйло вскочили и бросились к двери. Но прежде чем они добежали до нее, дверь распахнулась настежь.

В дверях на фоне освещенного луной неба стояла фигура в длинном пальто.

Это была Лютелла д'Явол.

12

ВНЕЗАПНАЯ УГРОЗА

Несколько секунд она вглядывалась в тускло освещенную комнату, а потом крикнула:

— Саул! Джаспер! Да выключите вы телевизор! И зажгите свет!

— Мы не можем включить свет, у нас перегорели все лампочки, — отозвался Саул Негодяйло, — когда программа кончается, мы ложимся спать.

— А если мы выключим телевизор, станет

совсем темно, — объяснил Джаспер Негодяйло.

— Ну тогда хоть звук приглушите, — раздраженно велела Лютелла.

Джаспер выполнил приказ, и маленькие движущиеся фигурки на экране вдруг утратили дар речи. Последыш возмущенно взвизгнул. Миссис, которая лежала пригнувшись среди своих детей, сразу одернула ее. Понго тоже пригнулся, но он в любую минуту был готов наброситься на Лютеллу, если ей вздумалось бы обидеть кого-нибудь из щенят. Впрочем, она, казалось, совсем их не замечала. Щенята, что лежали у дверей, отпрянули, когда Лютелла ворвалась в комнату.

— У меня есть для вас работенка, — сказала Лютелла братьям Негодяйло. — Щенят надо сегодня же убить — всех до единого.

Негодяйло в изумлении уставились на нее.

— Но они еще малы для пальто, — пробормотал Саул.

— Старшие уже достаточно подросли, а малышню можно пустить на перчатки. В любом случае их следует убить, пока их здесь не обнаружили. В газетах подняли такой шум по поводу псов этих Милни. Вся Англия теперь бросилась на поиски далматинцев.

— Но здесь-то их кто станет искать? — удивился Джаспер. — Они могли бы спокойно остаться здесь и еще подрасти.

— Это слишком рискованно, — отрезала Лютелла. — Кто-нибудь может услышать их визг и сообщить в полицию. Мой муж переправит шкурки за границу, кроме тех, которые я отберу себе на новое манто. Я его сделаю двусторонним — с одной стороны — каракуль, а с другой — далматинец — и буду носить собачьим мехом

внутри, до тех пор пока все не забудут о пропавших щенках. А уж потом я соберу еще одну партию, и мы вновь откроем собачью ферму. Но от нынешних надо избавиться немедленно.

— Но как? — завопили оба брата.

— Как угодно. Отравите их, утопите, прибейте. Есть у вас хлороформ?

— Ни капли, — сказал Саул Негодяйло. — И эфира тоже нет.

— Мы себе такой роскоши не позволяем, — вставил Джаспер.

— Ну, так утопите их!

— Но собаки умеют плавать, — возразил Саул. — К тому же, в пруду воды по колено, не больше.

— Так прибейте!

Саул Негодяйло переменился в лице:

— Вы что, хотите, чтобы мы каждого били по голове? Их здесь девяносто семь! Эта работка не для нас. Сожалею, миссис д'Явол, но так дело не пойдет.

— Да послушайте же, — вскипела Лютелла д'Явол. — Мне наплевать, *как* вы убьете этих тварей. Повесьте их, придушите, сбросьте с крыши — бог мой, есть ведь сотни прелестных способов. Жаль, что у меня нет времени самой заняться этим.

— А может, вы улучите часок-другой, миссис д'Явол? — обрадовался Джаспер. — У вас это так замечательно получится — просто любо-дорого поглядеть.

Лютелла покачала головой:

— Я должна вернуться в Лондон. — Вдруг ее глаза вспыхнули недобрым огнем. — У меня есть идея: закройте их, и они от голода сами друг друга перекусают.

— Но они наделают столько шума, — возразил Саул, — и помешают нам смотреть телевизор.

— Да к тому же испортят друг другу шкурки, — спохватилась Лютелла, — и потеряют ценность; нет, вы должны прикончить их осторожно. А потом — принимайтесь за сдирание шкур.

— Но мы не умеем снимать шкуры, — завопил Джаспер. — Мы никогда этим не занимались.

— Мой муж вас научит, — отрезала она. — Мы с ним приедем завтра ночью. И я пересчитаю шкурки, помните об этом! Если хоть один щенок сбежит, я вышвырну вас из Адского Поместья. Так что лучше принимайтесь за дело. Спокойной ночи.

К счастью, мало кто из щенят настолько хорошо разбирал человеческую речь, чтобы понять все, о чем говорила Лютелла, но все они почувствовали недоброе. Уходя, она поддала ногой маленького щенка, оказавшегося случайно у нее на пути. Малыш громко завизжал, скорее от страха, чем от боли. Несколько старших щенков с рычанием бросились на Лютеллу, но Счастливчик, вспомнив о том, как он однажды укусил ее за ухо, остановил их:

— Не кусайте ее, она вся насквозь проперчена.

Так что Лютелле удалось безнаказанно улизнуть. Она настежь распахнула дверь, и все увидели, как лунный свет засиял на ее чернобелых волосах и норковом манто. Она оглянулась и посмотрела на щенят.

— Прощайте, ужасные твари, — крикнула она. — Ваши шкурки я буду любить гораздо больше, чем вас самих. Я просто без ума от тех

из вас, кто пойдет мне на пальто. О, как я о нем мечтаю!

Они увидели, как Лютелла шла мимо пруда, в котором отражался черный дом, к большим железным воротам. Она заперла их за собой. Затем в тишине ночи взревел мотор отъезжающей машины и раздался оглушительный гудок самого громкого автомобильного клаксона во всей Англии.

Понго и Миссис не забыли этот ужасный звук. Собаки вновь вспомнили тот счастливый вечер, когда они стояли перед черно-белым автомобилем на Окружной Аллее. Тогда они были в безопасности и не догадывались, какие испытания ждали их впереди.

Джаспер Негодяйло поспешил захлопнуть дверь, проворчав:

— Если уж нам предстоит извести всех этих щенят, лучше их держать в одном месте.

Понго оцепенел от ужаса. Надо срочно что-то предпринять! Если бы Полковник оказался рядом, он бы что-нибудь придумал!

— Если ты решишь напасть на этих негодяев, я помогу тебе, Понго! — прошептала Миссис.

— Они всегда носят с собой ножи, — предупредил Счастливчик.

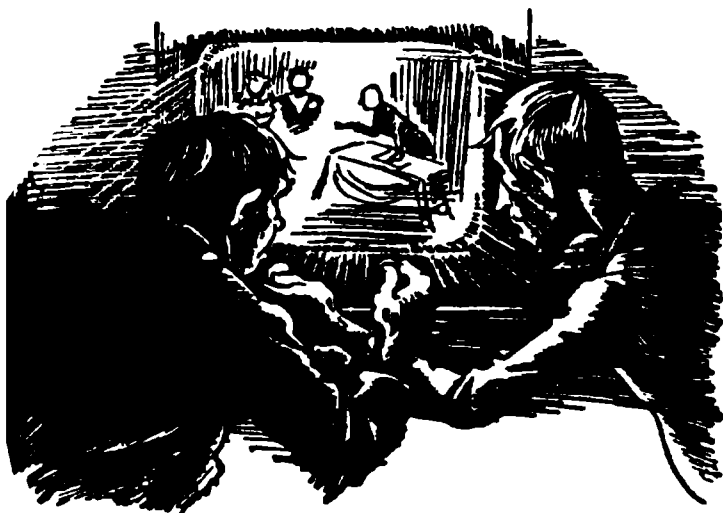
Мозг Понго напряженно работал.

— Если мы нападём на них, они могут нас убить, — ответил он Миссис, — и тогда никому будет помочь щенятам. Тише! Дайте мне все как следует обдумать!

Негодяйло тоже переговаривались шепотом.

— Одно ясно, — проговорил Джаспер, — сегодня мы этого сделать не сможем, иначе мы пропустим «В чем мое преступление?»

Это была их любимая телевизионная программа. Две леди и два джентльмена в безупречных исчерненных туалетах должны были разгадать преступление, совершенное другой парой — в столь же безупречных туалетах. Строгие моралисты утверждали, что эта программа вызывает волну преступлений, набивая тюрьмы до отказа, потому что многие специально идут на это в надежде, что их покажут по телевизору. Но ведь преступления совершаются постоянно, и в тюрьмах всег-

да полно заключенных, так что, может быть, программа «В чем мое преступление?» и не приносила особого вреда. Братья Негодяйло тоже мечтали попасть на экран, но они понимали, что для этого надо совершить действительно *н е б ы - в а л о е* преступление, а у них не хватало сметки выдумать что-нибудь необыкновенное.

— Мы можем укокошить щенков после передачи, Джаспер, — возразил Саул. — Надо

сделать это ночью, пока они спят. Когда они проснутся, с ними будет не так-то легко сладить.

— Черт возьми, придется попотеть! — проворчал Джаспер. — Каким бы способом мы ни убивали, работенка будет не из легких, а потом еще и шкуры сдирай!

— Вот бы так наловчиться, — вздохнул Саул, — чтобы одновременно сдирать шкуры и смотреть телевизор!

— Целых девяносто семь щенков! — возмущился Джаспер. Вдруг его глаза дико заблестели.

— Саул, бьюсь об заклад, что никто еще не убивал сразу девяносто семь собак. Может выйти замечательное дельце! И нас покажут по телевизору!

— Ну ты и загнул! — отозвался Саул Негодяйло. — Мы с тобой в вечерних туалетах и с гвоздиками в петлицах, а вся Англия на нас тарашится! Но надо выдумать какой-нибудь необыкновенный способ. А что если с них живьем сдирать шкуры?

— Будет трудно удержать собак на месте, — возразил Джаспер. — Может, их сварить?

— Схватки не избежать, — прошептал Понго, — это наша единственная надежда.

— Я соберу вам на подмогу старших щенят, — вызвался Счастличик. — Мы все вам поможем. Я уже здорово научился кусаться!

Вдруг Последыш, который не сводил глаз с немного экрана, звонко тьякнул три раза. Люди и не догадывались, что это означало «В чем мое преступление?» Но встревоженные братья Негодяйло обернулись и ненароком взглянули на экран. Саул Негодяйло взревел от ярости. Джаспер Негодяйло завыл от отчаянья. «В чем мое

преступление?» уже началось — но звук был исключен, и они пропустили начало своей любимой передачи как раз тогда, когда у них впервые появилась надежда стать ее участниками. Братья бросились к телевизору. Джаспер настроил изображение, и они завалились на матрасы, хрюкая от радости.

— Они не сойдут с места в течение получаса,
— объяснил Счастливчик.

И мозг Понго лихорадочно заработал.

— Выведи щенят во двор, — приказал он Счастливчику, — а мы с мамой последуем за Негодяйло.

— Если бы мы могли выйти через кладовую,
— прошептал Счастливчик, — то заодно бы позавтракали. Туда ведет дверь возле камина. Она заперта, но ты, наверное, смог бы ее открыть, правда, пап?

Понго никогда не пробовал отпирать двери, но он видел, как это делал Полковник.

— Да, Счастливчик, — сказал он уверенно,
— я смогу открыть ее.

Они на цыпочках прошли через кухню. Затем Понго встал на задние лапы и ухватился зубами за засов. Он не поддавался. Пес выпустил засов и снова хорошенько осмотрел его при свете очага. Он увидел, что запор был опущен и его необходимо было поднять, прежде чем отодвигать задвижку.

— Сейчас, уже скоро, — шепнул он Счастливчику и снова ухватился зубами за запор, поднял его и попытался отодвинуть. Но засов не поддавался. «Счастливчик потеряет веру в меня», — подумал он и стал тянуть изо всех сил, так, что, казалось, вот-вот хрустнут зубы. Вдруг

он испугался, что лязг засова привлечет внимание людей. Как раз в этот момент из телевизора раздался гром аплодисментов — кто-то отгадал преступника (того, кто украл двести пробок для ванн из гостиниц). Понго напрог все свои силы, засов поддался, и дверь в кладовую распахнулась.

— Я знал, что у тебя получится, отец, — гордо сказал Счастличик.

— Просто надо знать, как это делается, — отвечал Понго, проводя языком по зубам: все ли целы.

Из кладовой потянуло холодом. Когда Адское Поместье было фермой, здесь была сыроварня, и вместо окон были деревянные ставни. Лунный свет, проникая сквозь узкие планки, оставлял полосы на каменном полу. Мясо щенкам на завтрак было приготовлено: братья Негодяйло не любили работать по утрам. На полу стояли маленькие миски для малышей и миски побольше — для щенят постарше.

— Подожди, пока я схожу за мамой, — сказал Понго Счастличику.

— Потом выведи всех щенят сюда, а мы с мамой будем вас прикрывать. Предупреди всех, что никто не должен прикасаться к мясу, пока все щенята не займут места у своих мисок, затем, по моей команде, приступайте к еде.

Удивительно, как быстро щенята выбрались из кухни. Сержант Счастличик руководил эвакуацией. Строй за строем выходили они из кухни, словно школьники, покидающие зал после молитвы, только первыми были старшие — они сидели ближе к двери. Пока сотни маленьких коготков стучали по полу, Понго и Миссис

внимательно следили за Негодяйло. Время от времени раздавалось тихое фыркание и сопение, но никто не залаял: щенята понимали, что их спасение в молчании. Впрочем, Негодяйло, уставясь в телевизор, ничего не замечали.

Последними Счастливики вывел своих братьев и сестер, позади всех шел Последыш. Он был умницей и понимал, что надо спасаться бегством, но как трудно было оторваться от телевизора! Щенок пятился, не отрывая глаз от экрана.

Затем Понго и Миссис быстро прошмыгнули через огромную красную кухню. Выглянув из вери кладовой, они увидели, что братья даже не пошевелились.

— Сколько еще будет идти передача? — заинтересовался Понго.

— Еще двадцать минут, — ответил Последыш.

Понго и Миссис закрыли дверь. Запор снаружи помещался довольно низко, и под восхищенные взгляды щенят Понго легко с ним справился. Щенки стояли каждый у своей миски, но ни один не прикасался к еде.

— Раз, два, три — ешьте! — скомандовал Понго.

За пятьдесят пять секунд все мясо до последнего кусочка было съедено.

— А как же вы с мамой? — заволновался Счастливики. — Я, кажется, знаю, где лежит воскресный обед Негодяйло.

Он нашел на полке два бифштекса, весьма посредственных, но Понго и Миссис быстро их проглотили. Затем Понго позволил своему войску поискать в кладовке еще трофеев. Все съе-

добное было тут же проглочено, старшие поделились найденным с малышами.

— А в этом шкафу что? — спросил наконец Понго.

— Там только уголь для отопления, — объяснил Счастливчик. — Так что завтра Негодяй-ло придется поголодать.

— Пусть уголь едят, — сказал Понго.

Завтрак занял минут пять. Понго чувствовал,

что надо как можно скорее вывести отряд из Адского Поместья.

Строить планы на будущее сейчас не было времени. Он рассчитывал на советы Полковника. Пока важно было отвести щенят в башню. Наружная дверь кладовой открылась легко, и они прошли через старый сад и вошли в дверь башни, которую Полковник предусмотрительно оставил открытой. Миссис в последний раз оглянулась

на Адское Поместье, освещенное лунным светом. Что станут делать Негодяйло, когда обнаружат исчезновение щенят?

На первом этаже места для девяноста семи щенят не хватило, в верхних комнатах тоже было тесно, и Понго отвел всех на пустырь. Полковник подоспел, когда последний щенок уже завершил переход.

Поначалу он решил, что Понго опрометчиво собрался слишком рано увести щенят, но когда услышал, как обстояло дело, похвалил Понго и был особенно доволен, что всех щенят благоразумно покормили перед побегом.

— Это сержант Счастливичик догадался, — гордо сказал Понго.

— Молодец, *с т а р ш и й* сержант, — похвалил Полковник.

— Но куда мы пойдем? — с беспокойством спросила Миссис. — Смотрите, как дрожат щенята.

Малыши действительно дрожали: после жаркой кухни легкий морозец пробирал их до костей.

Полковник озабоченно оглядел щенят, но никто не заметил его беспокойства: густая шерсть всегда скрывала выражение его морды. Что было ему делать с девяноста семью щенками и двумя взрослыми далматскими собаками?

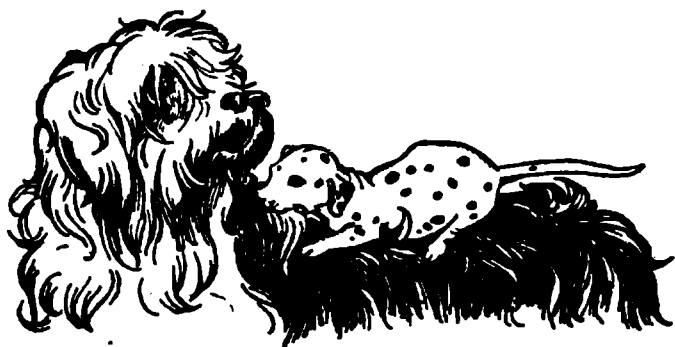
Наконец он проговорил:

— Можно переночевать в нашем большом сарае. Щенятам будет тепло в соломе. Это всего в полумиле отсюда.

Полмили! Совсем пустяк для Понго и Миссис. Но как много, как ужасно далеко для малютки Последыша! Через несколько сотен ярдов Понго

с отчаяньем подумал о предстоящем возвращении в Лондон.

Старшие щенки резво бежали вперед. Средние тоже держались молодцом. Даже малышам оказалась под силу долгая прогулка, но самые маленькие, дети Понго и Миссис, — как они пройдут эти шестьдесят миль? Счастливчик, Клякса, Ролли-Полли и другие щенки покрепче — с ними все было в порядке, но те, что послабее, то и дело спотыкались и останавливались передохнуть. А Последыш и вовсе никогда

бы не дошел до сарая, если бы Полковник не подвез его на спине. Большой пес лег, а малыш вскарабкался ему на спину и вцепился зубами в шерсть, чтобы не упасть. И все же по дороге он два раза чуть не свалился.

— Ему нипочем не удержаться на наших гладких спинах, — вздохнула Миссис. — Вот если бы у нас была игрушечная детская коляска.

— Даже если бы у нас была коляска, ты бы все равно не смогла идти до Лондона на задних лапах, — возразил Понго.

Наконец они добрались до сарая на ферме,

где жил Полковник. Выбившиеся из сил щенята сразу же заснули на соломе. Понго, Миссис и Полковник стояли на пороге и обдумывали предстоящий переход.

— Вы не сможете здесь долго скрываться, — вздохнул Полковник. — Здесь вас найдут, а кроме того, мне не прокормить столько щенят. Вам надо двигаться в Лондон короткими переходами, по несколько миль в день.

— Но где нам ночевать? Чем кормиться? — волновался Понго.

— Все это потребует тщательной организации, — согласился Полковник. — Я сейчас же приступлю к подготовке первого этапа. Я воспользуюсь собачьим телеграфом, только надо будет отойти подальше от фермы, чтобы не разбудить людей.

Понго предложил свою помощь, но Полковник и слышать об этом не хотел:

— Вы оба должны как следует отдохнуть. Уже почти десять часов. Если мне удастся все уладить, то я разбужу вас в четыре, за три часа до рассвета. Этого времени хватит, чтобы добраться до места, где я собираюсь подготовить для вас привал.

— Но мой младшенький еще такой слабенький, — воскликнула Миссис, — он не выдержит перехода.

Полковник улыбнулся, но никто этого не заметил:

— Я кое-что придумал, ну, спите, спите пока.

Понго и Миссис вернулись в сарай и нашли свою семью. Не спал только Счастливчик: он пытался дремать, зажав один глаз, чтобы быть начеку.

— Ну-ка, закрывай глаза! — строго сказала Миссис.

Счастливец послушался, он был рад, что родители снова рядом с ним.

— А что если нас здесь найдут? — беспокоилась Миссис. — Ты уверен, что на ферме живут добрые люди? Вдруг они нас обижают?

Понго тоже думал об этом. Он догадывался, что в газетах так много писали о нем, Миссис и их детях, что они могли бы легко добраться до Лондона, ничего не опасаясь. Но как быть с остальными щенками? Даже добрые, самые добрые супруги Милни не примут к себе восемьдесят двух незнакомых щенков. Бедняжек отправят в полицейский участок, а потом с ними может случиться все что угодно. Вот если бы мистер и миссис Милни хоть раз поглядели на них, тогда, несомненно, они приняли бы всех щенят. Понго вспомнил, как сам, впервые увидев их в темной кухне, почувствовал вдруг, что все они — его дети. Надо, надо постараться довести их всех до Лондона.

Миссис думала о том же, но не могла представить себе, как Последыш и другие малыши выдержат это путешествие.

— Спи пока, — сказал Понго, ласково лизнув ее. — Ну как, рада, что тебе не пришлось укусить человека?

— Негодяйло, как и Лютелла, «нелюди», — возразила Миссис, — и все же я рада, что не пустила в ход зубы.

Едва ли бы им удалось заснуть, если бы они увидели то, что увидел Полковник. По пустырю ходили люди с фонариками — это братья Негодяйло разыскивали пропавших щенят.

13

МАЛЕНЬКАЯ ГОЛУБАЯ ТЕЛЕЖКА

Понго снилось, что он снова в Риджент-парке и бежит за палочкой, которую бросает ему мистер Милни. Вдруг он почувствовал легкое прикосновение и проснулся. Это была Лейтенант Уиллоу.

— Полковник передает вам привет и просит вас и вашу жену прийти к нему.

Миссис мирно спала. Понго осторожно разбудил жену, боясь, что вид мрачного сарая испугает ее, как это случилось с ним минуту назад. Она мгновенно вскочила и тревожно огляделась.

— Все в порядке, — успокоила ее кошка. — Провизия и пристанище подготовлены для вас

на два дня вперед. Собачий телеграф работал великолепно. Следуйте за мной.

Она ни словом не обмолвилась о братьях Негодяйло и их фонариках. Еще не рассвело, когда они вышли из сарая и пересекли скотный двор. Кошка подвела их к заднему крыльцу большого белого дома.

— Помогите мне толкнуть дверь, — мяукнула она. — Полковник заранее отпер ее.

Дверь легко открылась. Они прошли через кухню и оказались в коридоре, в конце которого собаки увидели распахнутую дверь. Кошка провела их в комнату, это оказалась детская, и здесь горел ночник. Полковник стоял в дальнем углу подле маленькой кровати, в которой сидел двухлетний мальчуган.

— Вот он, мой Томми, — сказал Полковник.
— Он так хотел с вами познакомиться.

Понго и Миссис подошли к кровати, и ребенок погладил их. Потом он издал странный звук, не похожий ни на человеческий, ни на собачий. Но Полковник, казалось, все понял и ответил ему. Понго решил, что это какой-то новый язык: получеловечий, полусобачий.

— Томми хочет вам одолжить одну вещь, — объяснил Полковник. — Он знает, что вам без нее не обойтись, и очень рад вам помочь. Посмотрите, вот она!

Понго и Миссис увидели маленькую деревянную тележку, покрашенную голубой краской. Она была похожа на настоящую фермерскую телегу с четырьмя колесами и деревянными бортами, чтобы не высыпалось сено. Спереди была длинная палка, оканчивавшаяся поперечной перекладиной, чтобы Томми было удобно ее возить.

— Вы можете выбрать двух щенят постарше, — объяснил Полковник, — и они будут тянуть ее, уцепившись зубами за перекладину. А если потребуется, другие смогут подталкивать ее сзади носами. Ваш сынишка прекрасно доедет в этом экипаже, а если кто устанет в пути, для него тоже найдется место в тележке.

Понго и Миссис с восторгом глядели на тележку. Для них она была слишком маленькой, но зато они были уверены, что старшие щенята легко с ней управятся.

— А он действительно согласен нам ее одолжить?

Пес что-то сказал мальчугану, тот закивал головой и залепетал на своем непонятном языке.

— На тележке написаны его имя и адрес, — объяснил Полковник, — он будет рад, если вы сумеете со временем вернуть ее назад. А если и не получится — ничего, он все понимает.

— Если мы доберемся домой, я уверен, что мистер Милни обязательно вернет ее. Пожалуйста, скажите Томми, что мы ему очень-очень благодарны, — сказал Понго.

Полковник перевел это мальчику, тот радостно улыбнулся и снова залопотал на своем языке.

— Он очень доволен, что вы рады, и еще он говорит, что хотел бы увидеть щенят. Я думаю, мы сможем провести их перед его окном, когда вы будете уходить, а это уже скоро.

Они попрощались с Томми. Полковник, пятясь, покати́л тележку по коридору и вывез ее во двор. Это было непросто.

— Хорошо, что мой малыш спит внизу, — заметил пес, — а то лестница слишком крутая. Я бы не смог спустить по ней тележку.

Они вернулись в сарай и разбудили щенят. Старшие по очереди попробовали впрячься в тележку. Восьми щенятам она оказалась как раз впору, еще дюжина смогла худо-бедно с ней управляться. Понго решил, что все они должны идти подле тележки и тянуть ее по очереди, парой за парой. Последыша устроили на соломе, и щенята приступили к тренировкам.

Тем временем Полковник доложил Понго, о чем он договорился по телеграфу. До рассвета им нужно было пройти только пять миль — это займет у них не больше трех часов — до деревни, где в булочной жила приятельница Полковника.

— А по соседству живет мясник, так что едой все улажено, — заверил Полковник. — Вечером, как только стемнеет, вы пройдете еще пять миль. Моя подруга вам все подробно объяснит. Я полагаю, что дней через десять-двенадцать вы доберетесь до Лондона. Последние переходы будут самыми тяжелыми, на это время предусмотрены остановки на складах, мы постараемся связаться со сторожевыми псами. Королевский Дог, что живет возле Хэмпстеда, уже приступил к переговорам. Чудо-парень! Я слышал, что он в чине бригадного генерала.

Десять дней, а то и больше! У Миссис упало сердце.

— Понго, — вдруг заволновалась она, — а когда Рождество?

— Через день, — ответил Полковник. — Да нет, постойте, уже завтра, ведь сегодня — сочельник, хоть еще и не рассвело. Не беспокойтесь, Миссис Понго, рождественский обед вам обеспечен.

Но не обед беспокоил Миссис: она думала о мистере и миссис Милни, как одиноко им будет справлять Рождество. Миссис вспомнила их последний вечер, как она положила голову на колени миссис Милни и пыталась объяснить ей, почему они должны были уйти. Она вспомнила теплую светлую гостиную, где сегодня поставят елку и положат подарки для трех взрослых собак и пятнадцати щенят. Миссис слышала, как люди шептались об этом.

Понго угадал мысли жены — это было несложно, ведь он думал о том же.

— Не горюй, Миссис, — ободрил он ее. — Следующее Рождество мы будем справлять все вместе.

Щенята закончили тренировку и были вполне готовы к походу.

— Пора в путь, — сказал Полковник, — но прежде наши коровы пригласили вас зайти к ним отведать молока.

Он проводил Понго, Миссис и щенят в хлев,

где сено до сих пор пахло летом. Старшие коровы, Ромашка и Кашка, приветствовали их и объяснили, как следует пить молоко. Щенята легко с этим справились, особенно те, кто еще помнил, как их кормили мамы. Правда, малышам приходилось вставать на задние лапы, но старшие поддерживали их. Щенята вдоволь напились теплого парного молока.

Наконец, поблагодарив хозяев за гостеприимство, они тронулись в путь.

Томми, стоя на подоконнике, внимательно наблюдал за собаками, проходившими под окном. Понго и Миссис улыбнулись ему, наморщив носы, каждый щенок оглянулся на прощанье, все, кроме Последыша, который лежал на спине в тележке и махал всеми четырьмя лапами.

— Как не похож Томми на того мальчишку, что бросал в нас камни, — заметил Понго.

— Тот мальчик поступал так потому, что никогда не был знаком ни с одной собакой, — возразила Миссис, и, может быть, она была права.

Полковник проводил их до перекрестка, дальше им предстояло идти самим.

— Я бы с радостью пошел с вами, но служба есть служба, — вздохнул Полковник.

Он и кошка, ехавшая у него на спине, поспешно попрощались с собаками и заторопились обратно. Так что Понго успел лишь пролаять «Спасибо!» им вслед. Полковник на бегу пролаял в ответ, что Счастливчик может считать себя произведенным в лейтенанты. Вскоре пес и кот скрылись из виду. «Что за работа заставила их так спешить?» — недоумевал Понго. И лишь много дней спустя он узнал истинную причину.

А дело было в том, что Лейтенант Уиллоу доложила Полковнику о том, что братья Негодяйло, отчаявшись разыскать щенят на пустыре, стали прочесывать окрестности деревни и были сейчас всего в полумиле от догов. Полковник знал лишь один способ избавиться от них, и он с удовольствием им воспользовался.

Пес бежал, пока не различил впереди свет фонариков. Тогда он приказал кошке слезть. Едва она соскочила на землю, овчарка набросилась на братьев Негодяйло. Полковник кусал их за ноги. Вряд ли когда еще одна собака успевала так быстро искусать четыре ноги. Негодяйло ревели от ярости, страха и боли. Они бросили фонарики и пустились наутек. (Нелегко спастись бегством, когда у тебя все ноги искусаны.) Они так никогда и не узнали,

кто на них напал. Но это все равно послужило им хорошим уроком.

— Отлично сработано, Полковник! — восхищенно мяукнула Лейтенант Уиллоу.

— Я присваиваю вам звание капитана, — прорычал пес. Потом он откашлялся и добавил:

— Кстати, а себя я теперь произвожу в бригадные генералы.

14

КАНУН РОЖДЕСТВА

Отряд далматинцев резво трусил по дороге. Ночь была хоть и морозная, но тихая. Щенята хорошо отдохнули и были бодры. Сознание того, что если устанешь, можно будет отдохнуть в тележке рядом с Последышем, укрепляло силы малышей. Поначалу Миссис даже приходилось заставлять их отдыхать. И все же они двигались медленно. Им приходилось то и дело останавливаться, чтобы поменять щенят в упряжке, а через каждые полмили они делали привал. Но и это не беда. Вот уже до деревни осталось не больше полумили.

Уже забрезжил рассвет, но Понго не сомневался, что они успеют добраться до деревни в

предрассветных сумерках. Он немного ускорил бег и напомнил щенятам о завтраке, который ожидал их в булочной.

Вдруг Последыш твякнул:

— Смотрите! Цветные лошадки на колесах!

Понго тоже заметил их и сразу догадался, что это были крытые повозки — кибитки. Мистер Милни как-то показывал ему похожие и рассказывал, что в них живут цыгане и что цыгане воруют дорогих собак.

— Стойте! — приказал Понго.

Смогут ли они проскользнуть незамеченными мимо табора? Пожалуй, это слишком рискованно, но Понго увидел между ними и ближайшей повозкой распахнутые ворота. Он решил провести через них свой отряд: тогда они смогут обойти табор полем. Понго быстро отдавал приказания, которые щенята передавали друг другу: «Ни звука! Идем за Понго через ворота».

Так один из умнейших псов Англии совершил роковую ошибку: в ближней кибитке не спала старая цыганка, она смотрела в заднее окошко. Цыганка заметила собак и разбудила мужа. Он как раз выглянул из окна, когда Понго повернул свой отряд в поле.

Старая цыганка никогда не читала газет и ничего не знала об украденных щенятах. Но она увидела, что это породистые дорогие собаки, и она знала еще одно, чего не знал Понго: между далматскими догами и цыганами издавна существует связь. Считается, что именно цыгане много-много лет назад завезли далматинцев в Англию. Еще не так давно можно было встретить цыган, кочующих по стране с дрессированными далматскими догами. Ученые собаки добывали

деньги для своих хозяев. Старая цыганка помнила эти времена и подумала: вот было бы замечательно выдрессировать этих собак и заставить их зарабатывать деньги.

— А ну, живо! Закрывай ворота! — приказала она своему мужу. — С этого поля есть еще только один выход — через пролом в изгороди. Я подниму весь табор, мы перекроем дорогу и поймаем их.

Не прошло и двух минут, как весь табор был уже на ногах. Дети кричали, собаки лаяли, кони ржали. Было еще так темно, что Понго не сразу нашел пролом в изгороди, но когда они приблизились к нему, то увидели, что путь закрыт. Его преграждали цыгане с палками и веревками.

— Быстрее обратно к воротам! — приказал Понго щенятам.

Но ворота оказались заперты. Собаки попали в западню.

Понго отчаянно лаял: он надеялся, что цыганские собаки придут им на помощь. Многие псы отозвались громким лаем, но они ничем не могли помочь, так как были заперты в фургонах. К тому же, они лаяли по-цыгански и не понимали ни слова из того, что кричал им Понго.

Лишь одно существо поняло его. Понго внезапно услышал неподалеку лошадиное ржание. Как чудесно, что хоть лошадь умела говорить не только по-цыгански! Она поняла Понго, а Понго понял ее. Лошади издавна относились к далматинцам с симпатией, с тех самых времен, когда далматинцы сопровождали экипажи. Эта лошадь была еще молода и не могла помнить те дни, но она инстинктивно прониклась участием к Понго, Миссис и щенятам. Если эта милая семья хочет

выйти из загона — нет ничего проще... Она подбежала и отрыла зубами ворота, распахнув их настежь.

— Пробирайтесь за фургонами, да побыстрее! — скомандовал Понго Миссис, а сам остался у ворот следить за тем, чтобы все щенята выбрались из загона.

— Да, семейка у вас немаленькая, — заметила лошадь. — У меня никогда не бывало больше одного жеребенка. Желаю вам удачи, и не за что меня благодарить.

Лошадь была очень аккуратная, поэтому, проводив собак, она осторожно закрыла ворота. Так что цыгане, поджидавшие тем временем у пролома в изгороди, так никогда и не узнали, каким образом удалось спастись пленникам.

Миссис и щенята мчались по тропинке, Понго бежал последним. (Щенки, которым было поручено тащить тележку, не оставили своих обязанностей.) Цыганские собаки почуяли их и с остервенением залаяли, пытаясь выскочить на волю.

— Караван лает — собаки идут*, — усмехнулся Понго, когда почувствовал, что опасность миновала.

Через несколько минут они добрались до деревни, где им было приготовлено пристанище. Подруга Полковника, красавица Колли, уже поджидала их.

— Разговоры — потом, сначала надо вас как следует спрятать, — сказала она. — Уже совсем рассвело.

* Понго перефразировал известную восточную пословицу: «Собака лает — караван идет».

Они потрусили за ней через зеленые луга к трем старым домам с остроконечными крышами. Средний дом оказался домом булочника. А дома по бокам принадлежали мяснику и трубочисту. Все трое соседей были вдовцами и уехали на Рождество в гости к своим замужним дочерям. Это было очень кстати.

Дом булочника не смог бы вместить всех щенят, но, к счастью, на задворках была пекарня. Там они все и разместились. Каждому был приготовлен кружок замечательной вкусной колбасы. Пока щенята ели, Понго и Миссис переговаривали с Колли. Услышав о цыганах, она озабоченно покачала головой.

— Вам повезло, — сказала она. — Уж очень вы, далматские доги, заметные. А когда вас сразу девяносто девять — зрелище получается живописное — это, как вы понимаете, комплимент. Но все же будь вы серыми или черными, было бы не так опасно.

— Например, как вон тот малыш, — согласилась Миссис.

— Какой малыш? — Колли оглядела пекарню. — Это не местный. Ты кто, мальчуган? Откуда ты?

Черный щенок не ответил. Вместо этого он подбежал к Миссис и уткнулся головой ей в живот.

— Эй, потише, карапуз! — строго сказала Миссис, но осеклась. — Боже! Ведь это... Ролли-Полли!

Толстый щенок, с которым вечно случались какие-нибудь неприятности, на этот раз забрел на задний двор к трубочисту и затеял там драку с мешком сажи.

— Да тебя теперь мыть придется! — ужаснулась его мать.

Но один из лучших умов Собачьего мира рассудил иначе:

— А что, Ролли-Полли, много там было сажи? — поинтересовался Понго.

— Видимо-невидимо, полные мешки, — радостно сообщил щенок.

— Тогда мы все станем черными собаками, — заявил Понго.

— Ваш муж — гений, — шепнула Колли Миссис, пока вела их во двор трубочиста.

Сажу оказалось действительно много.

— Разделитесь на группы по десять щенят! — приказал Понго. — Первая группа — ко мне! А ну, ребятки, повозитесь-ка в саже, только носы потом ототрите!

Вскоре во дворе оказалось девяносто семь абсолютно черных щенят.

— А теперь, любимая, настал наш черед, — улыбнулся Понго.

Честно говоря, Миссис была не в восторге от этой затеи. Ей жаль было портить свою шубку, ослепительную белизну которой так удачно оттеняли черные пятна. Но Понго ободрил ее:

— Знаешь, Миссис, черный цвет подчеркнет твою грацию. Ты будешь просто очаровательна!

— И у нее отлегло от сердца.

— Ну как, а мне идет черный окрас? — спросил ее Понго.

— Ты великолепен, — признала Миссис.

Потом они вернулись в пекарню и улеглись спать. Колли пообещала разбудить их как только стемнеет. Им предстояло пройти еще пять миль — до следующей пекарни, и Колли хотела,

чтобы они поскорее справились с переходом. Она опасалась, что ночью может выпасть снег.

— На дороге будет много машин: сочельник, да к тому же — воскресенье, — предупредила Колли. — Так что вам придется пробираться полями. Я провожу вас. А теперь — отдыхайте.

Бедняжка Миссис! Она не смогла сдержать слезы, когда, проснувшись, увидела подле себя черных щенят.

— Я не могу теперь отличить их друг от друга, — всхлипывала она. Но вскоре Миссис заметила, что это не так, хотя она и не смогла бы объяснить, как ей удавалось различить щенят.

Был подан ужин, но не слишком сытный, поскольку мясник, уезжая, запер лавку.

— Это все, что я смогла найти в булочной, — извинилась Колли, кладя перед ними черствый каравай. — Но впереди вас ждет достойное угощение. Пути вам часа на три-четыре, не больше. — Она вышла узнать по Собачьему телеграфу, нет ли каких новостей.

Прошло полчаса, и Понго забеспокоился. Уже совсем стемнело, им пора было выступить. Что могло задержать Колли?

— Послушайте! — вдруг воскликнула Миссис.

Они с трудом смогли различить лай Колли, доносившийся издалека. Она звала Понго.

Понго и Миссис выскочили во двор. Теперь лай был слышен немного лучше. Понго отозвался, и Колли объяснила им, что произошло.

Почтальонша, которая обещала булочнику приглядеть за собакой, пока он будет в отъезде, решила, что ночь слишком холодная, и заперла Колли в своем доме на другом конце луга, а сама ушла в гости. Колли перепробовала все окна и

двери, но тщетно. Ей очень жаль, но она не сможет, как обещала, проводить их.

— Но вы не заблудитесь, Понго, — лаяла она.

— Если выйти со двора через заднюю калитку и идти напрямиком через поля, будет ровно пять миль.

Понго просил ее не беспокоиться. Но бедняжка ужасно переживала:

— Я сижу тут, запертая в тепле и достатке, и ничем не могу вам помочь!

Понго и Миссис, как могли, успокоили ее и поблагодарили за помощь.

— А теперь — в путь, — скомандовал Понго, выводя щенят из пекарни. — И не вздумайте затеять возню — сажа вмиг слетит с ваших шубок.

Уже появились на небе луна и звезды. Ночь была достаточно светлая. Одна звезда сияла ярче всех.

«Колли сказала: идите прямо вперед, значит надо идти прямо на эту звезду», — решил Понго. Он помнил, что Лютелла предупреждала братьев Негодяйло, что вернется «завтра ночью, сосчитать шкурки», и был рад, что они пошли полем, а не по дороге.

Вот и наступила «завтрашняя ночь», и огромный полосатый автомобиль мчался уже, верно, по дороге из Лондона в Суффолк. Только бы им не встретиться! Он представил себе ослепительный свет фар, представил, как Лютелла направляет машину прямо на испуганных щенят. Конечно, им следует держаться подальше от дороги. Но и в поле они не чувствовали себя в безопасности, сознавая, что Лютелла где-то поблизости.

Тропинка шла через луга, и тележка Последыша легко катилась по пожухлой траве. У каждой изгороди или канавы Понго останавливался, чтобы пересчитать свой отряд и удостовериться, что никто не отстал. Миссис в это время меняла возниц в тележке и устраивала на отдых следующего малыша. Но и самые маленькие понемногу окрепли, даже Последыш иногда выбирался из экипажа и шел наравне со всеми.

— Если так и дальше пойдет, то скоро мы сможем делать по десять миль в день, — заметил Понго.

Они прошли три мили, когда стряслось первое несчастье. Послышался удар и визг Последыша: у тележки отвалилось колесо.

Понго сразу увидел, что это дело поправимое: выпал деревянный штырь, закреплявший колесо на оси. Но сможет ли он одними зубами вставить штырь обратно? Он попытался, но ничего не вышло.

— А не мог бы Последыш обойтись без тележки? — спросил он шепотом Миссис.

Миссис покачала головой. Последыш самостоятельно прошел три поля, но дальше идти он не сможет. Да и другие малыши могут пройти своими ногами не больше мили.

— Значит, я должен починить тележку, — решительно сказал Понго. — Но тебе придется мне помочь, поддержи-ка колесо, чтобы оно не соскакивало.

Собаки предпринимали новые попытки, но все напрасно. Вдруг Миссис заметила, что многие щенята дрожат.

— Может, ты побегаешь с ними, чтобы они согрелись, — предложил Понго.

- Тогда они устанут, — возразила Миссис.
— Не лучше ли нам укрыться в том амбаре?

Невдалеке они заметили остроконечную черепичную крышу, но в это время луна скрылась за облаками и они не успели как следует рассмотреть амбар. Теперь и тележку стало чинить сложнее.

— Правильно, — согласился Понго, — а когда я починю тележку, мы позовем их.

Миссис считала, что Последышу лучше было бы остаться в тележке, в теплом сене, но малыш пожелал идти со всеми. Ему очень хотелось увидеть амбар, он уверял мать, что легко дойдет туда и обратно, и Миссис его отпустила. У тележки остались лишь два старших щенка. Они заявили, что не боятся холода.

Итак, девяносто пять щенят под командой лейтенанта Счастливого отправились к амбару. Но когда они добрались до цели, дом оказался совсем не похожим на амбар, который они видели на ферме Полковника. Это было серое каменное здание, с одной стороны увенчанное башней. Окна украшали цветные стекла.

— Да это Башня-Монстр, — взвизгнул Последыш, вспомнив башню в Адском Поместье.

Счастливчик нашел дверь, но она оказалась запертой. Он велел щенятам обождать, пока он обойдет здание и найдет другой вход.

Но Последыш не желал ждать.

— Пойдем, — шепнул он своей заботливой сестричке Кляксе. — Я хочу осмотреть башню.

Когда они добрались до башни, то увидели узкую дверцу. Она была приоткрыта. У них не хватило бы сил распахнуть ее, но щенята смогли про... про... протиснуться внутрь через щель.

Башня вела в серое каменное здание, изнутри оно совсем не было похоже на Адское Поместье.

— В этом амбаре нет сена, — удивился Последыш.

Он надеялся найти сено, чтобы в нем согреться, но вскоре заметил, что больше не мерзнет: в башне топилась большая печь. Длинная железная труба уходила в потолок. Луна уже снова выглянула из-за туч, и ее свет струился внутрь через стрельчатые окна. Лучи, проходившие через обычные стекла, оставляли на каменном полу серебряный след, а от цветных стекол на полу оставались синие, золотые и розовые пятна. Последыш осторожно потрогал лапой одно пятнышко.

— Мне нравится этот амбар, — заявил он.

— Мне кажется, это не амбар, — возразила Клякса, но и ей очень нравился этот удивительный дом, уставленный внутри длинными рядами скамеек.

Они походили по дому и неожиданно сделали открытие: как бы это таинственное здание ни называлось, оно несомненно предназначалось для щенят, поскольку перед каждым сиденьем — а их здесь было очень много — лежала маленькая подушка — в самую пору для щенят.

— Да здесь все специально устроено для нашего ночлега, — удивился Последыш.

— Пойду, скажу остальным, — сказала Клякса и направилась к двери. Но радостный крик Последыша заставил ее вернуться.

— Ой, смотри, телевизор!

Только это был не такой телевизор, как в Адском Поместье. Он был намного больше, а люди на экране не двигались и не разговаривали.

Просто на площадке стояли фигурки: люди и животные, совсем как живые, только меньше. Они расположились в хлеву, над которым горела яркая звезда.

— Посмотри, маленькие люди стоят на коленях, — восхищенно прошептала Клякса.

— А вот, смотри, коровка, — твякнул Последний. Он вспомнил, как коровы на ферме поили их молоком.

— А вот лошадка, — отозвалась Клякса. Она вспомнила добрую лошадь, которая выпустила их из загона.

— Жалко, что собак нет, — вздохнул Последний. — Но все равно мне это нравится больше, чем телевизор, не знаю почему.

Тут они услышали Счастливчика и остальных щенят, которые наконец отыскивали вход. Вскоре все щенята расположились на удобных подушеч-

ках и крепко заснули, все, кроме Последыша. Он перетащил к «телевизору» одну подушечку и, устроившись поудобней, как зачарованный, не сводил глаз с волшебного экрана.

Когда луна вышла из-за туч, Понго все-таки сумел починить тележку. Как он обрадовался, когда штырь наконец встал на место! Миссис тоже была горда. Разве это не она держала колесо? Она, собака, ничего не смыслившая в технике. Щенята быстро подхватили перекладину и все вчетвером поспешили к амбару.

Когда они подошли поближе, Понго разглядел, что это был никакой не амбар.

— Неужели они зашли с ю д а? — спросил Понго Миссис.

— Почему бы и нет, если они замерзли, — удивилась Миссис. — Они еще слишком малы, чтобы понимать, что им здесь не место.

Понго и Миссис хорошо знали, что люди не любят, когда собаки заходят в дома с башнями и стрелчатými окнами. Они не могли понять, почему, и даже поначалу обижались, когда им строго наказывали ждать снаружи. Но миссис Милни как-то призналась: «Мы бы вас с радостью впустили, если бы это было возможно. Я и сама бы чаще сюда ходила, если бы могла брать вас с собой». Это было одно из загадочных правил, вроде того, что запрещено гулять на некоторых лужайках Риджент-парка.

— Надо побыстрей увести их отсюда, — прошептала Миссис. — Пора продолжать путешествие.

Они легко нашли вход в башню: старшие щенята оставили дверь открытой. Поскольку Миссис приходилось всегда ждать на улице, она

не питала любви к подобным странным зданиям, но едва она переступила порог, отношение ее изменилось. Это было замечательное место — такое мирное и приветливое.

— Но где же дети? — забеспокоилась она, оглядываясь кругом.

Она различила множество черных пятен на залитом лунным светом полу, но совсем забыла, что щенята теперь были черными. А когда она вспомнила об этом и приблизилась к спящим, на глаза ей навернулись слезы.

— Посмотри скорее на эти чудесные собачьи подушки! — позвала она Понго. — Какие замечательные люди, должно быть, здесь живут!

— Я себе так это и представлял, — пробормотал Понго.

Он уже собрался будить щенят, но Миссис остановила его.

— Дай мне немного посидеть у огня, — попросила она.

— Только недолго, — предупредил Понго.

Но он напрасно беспокоился. Миссис просто присела на несколько минут. Потом она встала, отряхнулась и бодро сказала:

— Можно идти. Кажется, все налаживается.

Час спустя, как раз перед вечерней службой, церковный служитель говорил викарию:

— Что-то стряслось с печкой, сэр.

На каждой подушечке он обнаружил следы сажи.

15

СПАСЕТ ЛИШЬ ЧУДО

— Еще один пробег перед ужином, — сказал Понго, и они снова пустились в путь по залитым лунным светом полям.

Напоминание об ужине приободрило щенят, все они успели проголодаться. Понго догадался об этом потому, что и сам был голоден. Миссис тоже, но она не обращала на это внимания.

Они прошли почти две мили, когда Понго заметил впереди за полями ряд крыш.

— Наверное, это там, — предположил он.

— А что это за зарево в небе над домами? — спросила Миссис.

Понго не знал. Он видел подобное сияние в небе над городом, залитым электрическими огнями, но над деревнями — ни разу. К тому же, это было очень яркое сияние. «Может, эта де-

ревня больше, чем мы предполагаем», — про-
бормотал он, но счел все же опасным продолжать
путь и решил остановиться и подождать, пока
какая-нибудь собака не выйдет им навстречу.
Понго лаем предупредил об их прибытии.

Ему ответили сразу же, хотя и весьма странно:
«Оставайтесь на месте и ждите. Я к вам сейчас
приду». Что-то насторожило Понго в этом отве-
те, хотя он и не решился поделиться с Миссис
своими сомнениями. Прежде всего, он не услы-
шал слов приветствия.

Вскоре к ним подбежал грациозный красный
Сеттер. Они сразу же догадались, что стряслось
что-то непредвиденное.

— Пекарня горит! — выпалил Сеттер.

Загорелся неисправный дымоход. Всего не-
сколько минут назад. Даже пожарники еще не
успели приехать. Никто не пострадал, но пекар-
ня вся в дыму, и все запасы, собранные для
встречи далматинцев, сгорели.

— Мне нечем вас накормить и негде разме-
стить на ночлег, — проскулил Сеттер почти в
истерике. — На улицах полно народу. — Он с
сочувствием поглядел на Миссис. — А ваши
крошки наверное очень голодны!

Удивительно, но Миссис была совершенно
спокойна. Она попыталась успокоить Сеттера и
заверила его, что они подыщут какое-нибудь
другое пристанище.

— Но ведь там вас никто не ждет, — виновато
вдохнул Сеттер, — и еды вы нигде не найдете.
Все окрестные собаки принесли, что могли, в
пекарню.

Тут раздался отдаленный свист.

— Это мой питомец меня зовет, — всполо-

шился Сеттер. — Он местный врач. У пекаря нет собаки, и все организовать поручили мне — ведь я занял первое место на собачьей выставке. А я все провалил.

— Вовсе нет, — возразила Миссис. — Не собаки же подожгли пекарню. Возвращайтесь к вашему питомцу и не беспокойтесь о нас. Мы просто пойдем в другую деревню.

— Правда? — вздохнул Сеттер, но на этот раз с облегчением.

Миссис лизнула его в нос.

— Возвращайтесь и выкиньте из головы все тревоги. Спасибо за все, что вы для нас сделали.

Снова послышался свист, и Сеттер опрометью бросился назад, его великолепная шерсть развивалась на ветру.

— Ветер в шерсти, как и в голове, — пробурчал Понго.

— Он просто еще очень молод, — улыбнулась Миссис. — У него, наверное, и семьи-то еще нет. Что ж, пойдемте искать ближайшую деревню.

— Я восхищаюсь твоим бесстрашием, дорогая, — сказал Понго, — но где эта ближайшая деревня?

— За городом деревни повсюду, — беспечно заявила Миссис.

Понго нежно улыбнулся ей и постарался скрыть собственное беспокойство.

— Тогда пойдем по дороге, — решил он.

— Там ведь машины, — удивилась Миссис.

— Мы не будем все время идти по дороге, — поправился Понго.

Он объяснил, что задумал: даже если ближайшая деревня окажется всего в нескольких милях отсюда, многие щенята уже слишком устали и

проголодались. Они не смогут продолжать путь, некоторые из них уже спали прямо на мерзлой земле. А мороз все крепчал.

— Даже если мы доберемся до деревни, кто нас там ждет? Чем мы накормим детей? И что делать дальше? Нам придется сдать. Ну-ка, буди детей. Живо в путь!

Сонные щенята дрожали от холода. Миссис заметила, что озябли даже самые старшие. Она, как и Понго, заставляла щенят идти побыстрей, чтобы они согрелись на бегу. Потом она прошептала:

— Но что значит сдать, Понго?

— Мы пойдем в деревню и найдем полицейский участок, — объяснил Понго.

Миссис в ужасе уставилась на него.

— Нет, Понго, только не это! В полиции нас разлучат с щенятами.

— Зато их накормят, Миссис! И может, нам разрешат оставаться с ними до приезда мистера Милни. Они же читали газеты и сразу поймут, что мы и есть пропавшие далматские доги.

— Но ведь мы больше не далматские доги! — воскликнула Миссис. — Мы теперь черные! Они примут нас за обыкновенных бродячих собак. У нас и ошейников-то нет. Нас просто арестуют.

— Нет, Миссис! — Понго был потрясен. Он совсем забыл, что они теперь были черные. А вдруг в полиции их не узнают? И не сообщат о них Милни? Что случается с бродячими собаками, если за ними никто не приходит?

— Понго, умоляю тебя! Давай пойдем дальше! Я уверена, что я права! — просила Миссис.

Они подошли к околице деревни. Понго предстоял нелегкий выбор, но ему все еще казалось,

что разумней обратиться в полицию, чем в морозную зимнюю ночь вести голодных, выбившихся из сил щенят неизвестно куда.

— Миссис, дорогая, мы должны обратиться в полицию, — сказал он, поворачивая к деревне.

Теперь они могли различить горящую пекарню. Как раз в этот миг огромный столб пламени взмыл над крышей. В свете огня Понго увидел всю улицу: цепочка людей передавала из рук в руки ведра с водой. А еще он увидел то, что заставило его в ужасе замереть на месте.

— Стойте! — отчаянно пролаял он.

Напротив горевшей пекарни он различил полосатый черно-белый автомобиль. На крыше машины стояла сама Лютелла д'Явол, так ей было лучше видно. С головы до ног она была окутана красно-золотыми огненными искрами, чем выше они взлетали, тем громче хлопала она в ладоши от радости.

Минуту спустя раздался звон колоколов, возвестивший о прибытии пожарной команды. Шум, искры, а главное, вид Лютеллы — для многих

щенят это оказалось слишком большим испытанием. Визжа от ужаса, они опрометью бросились наутек, не обращая внимания на попытки Миссис, Понго и Счастливи́чика остановить их.

К счастью, шум пожарной машины заглушил визги и лай щенят, и никто из людей их не услышал. Вскоре Понго удалось утихомирить малышей и остановить бегство. Щенята были очень смущены. Понго растолковал им, что впредь они никогда не должны поддаваться панике и всегда слушать старших. Он похвалил щенят, которые в трудную минуту не бросили тележку Последыша, а также Кляксу, которая тоже не забыла о младшем братишке, да к тому же вытянула из ямы Ролли-Полли и помогла пересчитать щенят. Понго очень торопился, он понимал, что теперь их спасение в скорости. Путь к полицейскому участку был отрезан, на их дороге вновь стояла Лютелла д'Явол.

Положение собак еще больше осложнилось. Теперь им угрожали не только голод и холод, но и сама Лютелла д'Явол. По тому, как стояла ее машина, они догадались, что Лютелла уже побывала в Адском Поместье, а значит узнала об их побеге и теперь возвращалась в Лондон.

Собаки понимали, что, насладившись зрелищем пожара, она снова пустится за ними в погоню.

Если бы они могли свернуть с дороги и снова двигаться полями! Но дорога теперь шла через лес, такой густой, что многочисленный отряд мог в нем потеряться.

— Зато мы сможем укрыться в лесу, если заметим свет фар, — ободрил малышей Понго. Отряд снова выступил в поход.

— Хорошо хоть щенята согрелись, — сказала Миссис. — Они словно забыли про голод и усталость. Вот увидишь, Понго, все будет хорошо.

Милую-другую щенята действительно пробежали достаточно бодро, но потом стали двигаться все медленнее и медленнее.

— Детям надо отдохнуть, — сказала Миссис. — Вот, по-моему, очень подходящее место.

Вдоль дороги тянулась широкая поляна, покрытая травой. Как только Понго дал приказ остановиться, щенята рухнули на замерзшую траву. Многие мгновенно заснули.

— Им нельзя спать, — забеспокоился Понго.

— Дай детям немного отдохнуть, — попросила Миссис.

Последыш не спал. Сидя в тележке, он поинтересовался:

— А когда будет сарай, где живут добрые коровки, которые угощают вкусным парным молоком?

— Уже скоро, малыш, — успокоила его Миссис, — спрячься пока в сено. Не правда ли, Понго, как удивительно тихо!

Ни единого звука из деревни не долетало до них. Ветер утих, он не ворошил больше траву и не раскачивал деревья. Мир словно застыл в серебряном покое.

Что-то мягкое и пушистое коснулось головы Понго. Он вздрогнул, но это была Миссис, она прошептала:

— Полюбуйся-ка, Понго! Погляди на щенят!

Маленькие белые крапинки появились на их черной шерстке. Пошел снег.

— Белые щенята с черными пятнами превращаются в черных щенят с белыми пятнами —

еще немного и они станут совсем белыми, — улыбнулась Миссис. — Какой мягкий и пушистый снег!

Но Понго не разделял ее радости.

— Надо скорее разбудить детей, пока их совсем не замело, иначе они уже никогда не проснутся, они навсегда уснут под этим коварным белым покрывалом! Вставайте, ребятки! Вставайте же!

Но все щенята, кроме Счастливого, обессиленные, спали крепким сном. Счастливчик принялся помогать родителям будить их, а Последыш, сидя в тележке, лаял изо всех сил. Бедные щенки умоляли дать им поспать, а вставшие вскоре снова падали.

— Нам не поднять их! — в отчаянии вскричал Понго.

Последыш на миг замолк, внезапно воцарилась тишина. Вдруг со стороны деревни послышался приближающийся звук самого громкого автомобильного клаксона во всей Англии.

Щенята разом вскочили, страх поборол усталость.

— Живо — в лес! — приказал Понго. Но оказалось, что лес был огорожен провололочной сеткой, через которую не смог бы пролезть даже самый маленький щенок. У дороги не было даже канавы, где бы можно было укрыться. Понго заметил, что невдалеке лес заканчивался.

— Скорее вперед, — скомандовал он, — если за лесом окажется поле, мы наверняка найдем там какую-нибудь яму.

Гудок послышался вновь. Понго понял, что пожарные потушили огонь, и теперь Лютелла выезжала из деревни, пугая жителей оглуши-

тельным гудением. Она была всего в двух милях от них, а огромный полосатый автомобиль мог преодолеть это расстояние всего за две минуты. Но вот и опушка.

— Скорее на поле! — приказал Понго. — Быстрее, быстрее!

Щенята припустили бегом, но внезапно остановились как вкопанные: лес кончился, а сетка — нет. Они по-прежнему не могли свернуть с дороги. Снова раздался гудок — теперь ближе и громче.

— Нас может спасти только чудо, — прошептал Понго.

— Значит, мы должны найти это чудо, — отозвалась Миссис. — Понго, а что такое «чудо»?

В этот момент они разглядели за снежной пеленой впереди на дороге очертания большого грузового фургона. Один борт был откинут, и внутри горела электрическая лампочка. В фургоне на газете сидел Стаффордширский Буль-терьер с короткой курительной трубкой в зубах. На самом-то деле она была сахарная и поначалу была гораздо длиннее. Буль-терьер втянул в пасть остатки трубки и проглотил их. Затем он перевел взгляд с газеты, которую он читал, одновременно сидя на ней, на бегущих к нему щенят.

— Помогите! Помогите! Помогите! — пролаял Понго. — За нами гонятся. Как нам свернуть с дороги?

— Не знаю, приятель, — отозвался Стаффордширский Буль-терьер. — Залезайте-ка лучше в фургон.

— Чудо! Чудо! — закричали Понго и Миссис.

— Живее, щенята! Забирайтесь в это прекрасное чудо, — приказала Миссис: теперь она считала, что «чудо» — это другое название грузового фургона.

Стая щенят забралась в фургон. Щенкам удалось даже затащить тележку с Последышем: одни тянули спереди, другие подталкивали сзади. Наконец все оказались внутри.

— Да, хорошая компания, — заметил Буль-терьер, прижатый к стенке. — Хорошо еще, что фургон пустой. Кто за вами гонится? Неужели нечистый?

— Я полагаю, одна его родственница, — ответил Понго. Оглушительное гудение послышалось вновь, теперь они увидели свет мощных фар. — Она в этой машине.

— Тогда я лучше выключу свет, — сказал Буль-терьер и зубами осторожно повернул выключатель. — Так-то будет лучше.

Понго показалось, что у него перестало биться сердце. Он вдруг понял, что совершил ужасную ошибку, загнав щенят в фургон.

— Но при свете фар нас все равно будет видно, — прохрипел он. — Наша преследовательница заметит щенят.

— Только не черных щенят в темном фургоне, дружище, — возразил Буль-терьер. — Особенно, если они закроют глаза.

Замечательный выход! Понго быстро скомандовал:

— Ребятки, закройте-ка глазки, чтобы в них не отражался блеск фар. Закройте и не открывайте, как бы ни было страшно, пока я вам не велю. Запомните, от этого зависит наше спасение.

Щенята послушно подчинились приказу. А автомобиль был уже в четверти мили от фургона.

— Закрой глаза, дорогая, — шепнул Понго Миссис.

— Ты, приятель, сам не забудь зажмуриться, — напомнил Стаффордский Буль-терьер.

Уже был слышен шум мощного мотора. Ужасный клаксон гудел не переставая, словно приказывал фургону убираться прочь с дороги. Рев мотора становился все громче и громче. Фары слепили так сильно, что Понго чувствовал их даже с закрытыми глазами. А что если щенята испугаются и, несмотря на приказ, откроют глаза? Понго самому страшно хотелось это сделать. Он боялся, что ужасный автомобиль врежется в их фургон. Вой клаксона и рев мотора на миг оглушили собак, а свет фар — ослепил, хотя глаза у всех были закрыты. Огромная полосатая машина с шумом пронеслась мимо них и скрылась в ночи.

— Можете открыть глаза, ребятки, вы держались молодцом, — похвалил Понго. Щенята заслужили похвалу: ни один из них не открыл глаз.

— Ну и машинища, приятель, — сказал Стаффордширский Буль-терьер. — Как вы ухитрились нажать таких врагов? Кто вы такие? Шайка местных собак-трубочистов? — Вдруг он уставился на нос Понго. Черт возьми, да вы и в самом деле все в саже! Ну, меня-то вам не провести! Вы те самые пропавшие далматские доги, вот вы кто! Хотите, подброшу вас до Лондона?

До Лондона? Доехать до Лондона в таком великолепном фургоне! Понго и Миссис не ве-

рили своим ушам. Щенята сразу же уснули, свернувшись на рогоже, служившей для упаковки грузов.

— Но откуда у вас столько щенков? — изумился Буль-терьер. — В газетах ничего не писали о такой ораве. Сообщалось, что пропало всего пятнадцать щенят.

Понго начал было объяснять, но Буль-терьер сказал, что они поговорят в дороге.

— Мои подопечные с минуты на минуту должны вернуться вон из того дома. Угораздило же нас отправиться в путь в воскресенье, да еще накануне Рождества! А все потому, что фургон вдруг вчера возьми да и сломайся, вот нам и пришлось доделывать работу сегодня.

— За сколько дней мы доберемся до Лондона? — поинтересовалась Миссис.

— Дней? — удивился Буль-терьер. — Да мы домчимся за пару часов, уж я-то знаю своих подопечных. Они хотят поскорее вернуться домой, чтобы помочь детям наряжать елку. Тсс! Ни звука, вы оба!

Плечистый мужчина в огромном фартуке вышел из ближайшего дома.

— Из огня, да в полымя, — испугалась Миссис. — Что если этот верзила выгонит нас из чуда?

Буль-терьер, отчаянно виляя хвостом, бросился на грудь человеку, едва не сбив его с ног.

— Гляди-ка, Билл, — бросил детина через плечо, — наше Пушечное Ядро разыгралось!

Билл был еще больше, но и он едва устоял под приветствиями Буль-терьера.

— Уймись-ка, Реактивный Снаряд, — заорал он, давась от смеха.

Два человека и собака подошли к фургону.

Пес заскочил внутрь. Далматинцы — все в саже — были совсем не различимы в темноте.

— Хочешь ехать в кузове? — удивился Билл.

— Смотри, не замерзни. Он поднял борт и крикнул: — Следующая остановка — Сент-Джон-вуд!

Через минуту фургон уже мчался по дороге.

«...Сент-Джонс-вуд! Да ведь там живет Замечательный Ветеринар! Это неподалеку от Риджент-парка! Какая удача!..» — радовался Понго. В этот миг он услышал бой часов. Пробило восемь раз.

— Миссис! — закричал он. — Мы уже сегодня будем дома! Мы успеем вернуться к Рождеству!

— Да, Понго, — весело отозвалась Миссис. Но на душе у нее кошки скребли: радость от встречи с чудом внезапно омрачили ужасные опасения. А что если Милни не узнают их, раз они теперь черные? Вдруг они их прогонят?

Она боялась поделиться с мужем своими страхами. Зачем его огорчать? Как мчится это замечательное чудо! Она вспомнила, как они с Понго добирались до Суффолка. Кажется, это было давным-давно. А на самом деле? Сколько же дней прошло? Неужели всего четыре? Один день они провели в конюшне на постоялом дворе, другой — у Спаниеля, потом — в Башне, а часть ночи, когда сбежали из Адского Поместья — в сарае и еще один день в пекарне. Сколько событий всего за несколько дней! Что-то ждет их дома? Что? Что?

У Понго были свои заботы. Он рассказывал Буль-терьеру про Лютеллу д'Явол и вспомнил ее слова в ту ночь в Адском Поместье: она собиралась подождать, пока все забудут о пер-

вом похищении, и снова устроить собачью ферму. Конечно, эти щенята спасены, Понго и Миссис доставят их домой в целости и сохранности (у него и мысли не возникало, что супруги Милни могут их не узнать). Но что будет дальше? Они никогда не будут уверены, что другие щенки снова не попадут в беду. Он спросил совета у Стаффордширского Буль-терьера.

— А почему бы не убить эту вашу Лютеллу?
— предложил Буль-терьер. — Я вам помогу. Давайте наметим план действий.

Понго покачал головой. Он полагал, что Лютелла не обычный человек, а дьявол. А если так, как с ней справишься? В любом случае, он бы не хотел, чтобы у его детей был отец-убийца. Он бы бросился на Лютеллу, если бы она снова напала на щенят, но холодное, заранее спланированное убийство — это не для него. Он так и сказал Буль-терьеру.

— Ну, в этих делах, главное начать, войти в азарт, — возразил пес. — Если передумаете, дайте мне знать. А теперь вам лучше вздремнуть. Впереди у вас еще много хлопот.

Стаффордширский Буль-терьер, как и Миссис, волновался, вдруг мистер и миссис Милни не признают в черных собаках своих далматинцев.

Он подозревал, что даже самые сердобольные люди не согласятся держать такую ораву щенят. Но он ничего не сказал Понго.

Миссис уснула, убаюканная шумом мотора. Понго тоже спал. Но во сне их не оставляли тревоги — каждого свои.

В ночи по дороге, глотая милю за милей, мчалось «чудо».

16

МЕСТЬ БЕЛОЙ КОШКИ

Буль-терьер разбудил их заранее — щенята должны были быть готовы выпрыгнуть из фургона, как только откроют борт.

— Конечно, мои подопечные не обидят ваших малышей, — объяснил терьер, — но, если они их увидят, это может вызвать напрасную задержку. Фургон заедет в большой темный гараж. Живо выскакивайте и сразу — налево через двор, а потом дуйте домой. Так что давайте заранее попрощаемся.

— Можем ли мы послать вам весточку по собачьему телеграфу? — спросил Понго.

— Я редко его слушаю, — признался Буль-терьер, — но все равно узнаю новости — я,

знаете, пристрастился к газетам, они скрашивают время в дороге, а в фургоне их всегда полно. Мы их используем для упаковки. Ну вот и приехали.

Фургон остановился. Стаффордширский Буль-терьер принялся оглушительно лаять.

— Да выпусти ты его, Джим, — сказал Билл.

Борт опустили. Первым пулей вылетел Буль-терьер, на этот раз ему удалось сбить с ног Джима, а затем он повалил и Билла.

— У меня аж дух перехватило! — гордо сказал Билл. — Ну ты, Летающая Тарелка!

Джим поднялся с земли и ласково заговорил с Буль-терьером.

— Если бы в Англии набралось хотя бы шесть таких псов, нам не нужна была бы армия, — пошутил он. — Марш домой ужинать, Неуправляемая Ракета!

Билл и Джим были так увлечены перечислением достоинств своего любимца, что не заметили, как из фургона выскочила стая собак и скрылась в ночи. Снег шел уже несколько часов, Лондон стал совсем белым. Когда щенята спасались от Лютеллы д'Явол, они не обращали внимания на снег. Теперь же они пришли в восхищение от его красоты и легкости — у них даже поднялось настроение. В фургоне собаки неплохо отдохнули. Конечно, они проголодались, но это их не очень огорчало, ведь впереди их ждал замечательный ужин. Однако Миссис волновалась, как-то их встретят дома?

Билл, Джим и их любимчик Буль-терьер вышли из гаража через другую дверь, так что Понго позволил щенятам немного повозиться во дворе. Затем Миссис велела Последышу за-

браться обратно в тележку, и они тронулись в путь. Из-за снегопада на улицах было мало прохожих. Это было очень кстати, поскольку отряд черных собак легко было заметить на белых улицах. Единственный, кто повстречался им на пути, был джентльмен, возвращающийся из гостей. Он потер глаза, покачал головой и пробормотал:

— Ну и ну, а ведь я еще только начал справлять Рождество.

За несколько минут они добрались до Окружной аллеи. Как прекрасен был занесенный снегом Риджент-парк!

— Помнишь, что я сказал тебе, когда мы, уходя, прощались с парком? — спросил Понго.

— Ты посоветовал мне думать о том дне, когда мы вернемся в сопровождении пятнадцати щенят. А теперь их девяносто семь, — отозвалась Миссис.

Они вышли на Окружную аллею с противоположной стороны и были сейчас невдалеке от дома Лютеллы д'Явол. Когда они подошли поближе, Понго заметил, что в окнах не было света, и решил на всякий случай предостеречь щенят:

— Глядите, ребятки, — сказал он, — вот дом нашего врага.

— Давайте его расцарапаем и искусаем, — предложил Счастливчик.

— Вы только сломаете себе зубы и когти, — возразил Понго, не сводя глаз с дома.

Миссис вдруг насторожилась. Что-то двигалось по снегу, белое по белому. Это была персидская кошка Лютеллы.

Она выгнула спину и злобно зашипела.

— Мадам, ни у кого из членов моей семьи никогда и в мыслях не было обидеть вас, — поспешно заверил ее Понго.

— Самая галантная речь, какую я когда-либо слышала от собаки, — удивилась Кошка. — Кто вы такие? В окрестностях нет черных собак.

— На самом деле мы не черные, если не считать пятен, — объяснил Понго. — Мы однажды были у вас в гостях.

Ему не было нужды продолжать, Белая Кошка сразу обо всем догадалась — и не удивительно: она слышала, как мистер и миссис д'Явол разрабатывали свой дьявольский план.

— Так вам удалось спасти всех щенят из Адского Поместья? Bravo, bravo! Я очень рада.

Миссис вспомнила, что рассказывала Лютелла д'Явол в ночь, когда родились щенята, и ласково заметила:

— Вы, конечно, представляете, что мы пережили, я слышала, что вы сами не раз теряли детей.

— Уже сорок четыре котенка, — вздохнула Кошка. — Их всех утопил мой заклятый враг, в доме которого я вынуждена жить.

— Почему вы не уйдете от нее? — удивился Понго.

— Я выжидаю, — созналась Белая Кошка — Я хочу отомстить. Конечно, я мало что смогу сделать одна — у меня всего две пары лап. Но я уже выжила всех слуг — им стало казаться, что в доме привидения. Я развела в доме мышей. А как я исцарапала мебель! Увы, Лютелла этого почти не замечает — она никудышная хозяйка. А почему бы вашим щенятам не зайти сейчас и не пошалить немного в ее доме?

— Конечно, давайте! — затывкали щенята.
Понго покачал головой:

— Лютелла может в любую минуту вернуться.
Странно, что она до сих пор не появилась.

— Она вернулась, — сказала Кошка. — И уехала снова. Ей пришлось обедать в городе, ведь я выжила и новых слуг. Это был мой рождественский подарок. Так что входите смелее!

— Нет-нет, Понго, — взмолилась Миссис. — Не время сейчас думать о мести. Мы должны поскорее вернуться домой. Щенята проголодались.

Но щенята затывкали еще громче:

— Ну, пожалуйста, пустите нас в дом, мы от него камня на камне не оставим! — Они так шумели, что Миссис не слышала, что говорила Понго Белая Кошка. Наконец он обернулся, утихомирив щенят и сказал:

— Миссис, теперь я убежден, что мы обязаны принять приглашение нашего друга. Сейчас долго объяснять, но, пожалуйста, поверь мне.

— Пусть будет по-твоему, — уступила Миссис, — если ты считаешь, что час мести наступил, что ж — я готова.

— Следуйте за мной, — пригласила кошка.
— Я провожу вас черным ходом.

Счастливого и еще двух громкоголосых щенят постарше оставили на страже. Конечно, им было жаль упускать возможность позабавиться, но служба есть служба.

— Лайте три раза, как только завидите полосатый автомобиль или услышите гудок, — приказал Понго, и весь отряд последовал за Кошкой. Маленькую синюю тележку оставили

на заднем дворе — Последыш настоял, чтобы его тоже взяли вместе со старшими.

Белая Кошка провела их через угольный погреб.

— Здесь внизу ломать ничего не стоит, — мяукнула она, поднимаясь по лестнице. Они шли по пустому дому, пока не оказались у запертой двери.

— Не могли бы вы отодвинуть засов, — обратилась кошка к Понго. — Я пыталась это сделать, но безуспешно.

— Он прекрасно отпирает все засовы, — похвасталась Миссис.

Засов был хорошо смазан, и Понго не составило труда открыть его.

При свете уличных фонарей они разглядели в большой комнате ряды меховых манто.

— Да у Лютеллы шуб видимо-невидимо! — воскликнула Миссис. А кроме шуб в комнате лежали и меховые пелерины, и муфты. Чего там только не было!

Понго отдавал распоряжения.

— По четыре щенка на шубу, по двое — на пелерину. Оскальте зубы. А теперь — рвите!

В комнате было слишком тесно, так что щенята растащили меха по всему дому. Ключья шерсти летали по всем комнатам: шиншилла, соболь, норка, бобр, нутрия, лиса — обрывки драгоценных мехов были разбросаны от чердака до кухни. Белая Кошка не забыла и о горностаевых покрывалах. Их она приберегла для себя. Она так набросилась на них, что нельзя было различить, где горностаи, а где кошачьи когтистые лапки.

— Чего я ждала? — воскликнула она. — Я ведь давно могла сама это сделать!

— Ну, для такой работенки нужна компания,
— возразил Понго.

— Целых мехов больше не осталось, — с грустью доложил Последыш. Он только что один разорвал в клочки небольшой соболий палантин.

— Тихо! — вдруг скомандовал Понго. Неужели уши его подвели? Нет, вот снова — отдаленный звук самого громкого клаксона в Англии. Еще миг и раздался лай щенят — сигнал к отступлению!

— Вниз, в погреб! — приказал Понго.

Щенята пулей слетели по темной лестнице. Белая Кошка подбежала к окну.

— У вас еще есть время, — сказала она. — Автомобиль еще только въехал на Окружную аллею.

Но Понго помнил, как быстро мчалась эта машина. Щенята натыкались друг на друга в темноте, спотыкались и взвизгивали. Ролли-Полли провалился сквозь перила, но, к счастью, не ушибся. Наконец все они выбрались из подвала на задний двор.

— Живо постройтесь, чтобы я мог вас пересчитать, — скомандовал Понго. Он давно придумал способ, как быстро сосчитать свой отряд: щенята строились в девять шеренг по десять в каждой, и еще одна шеренга из семи щенков, включая Последыша в тележке. Он быстро их пересчитал. Девяносто три, девяносто четыре — троих не хватает.

— Они, наверное, остались в доме, — вспомнила Миссис. — Мы должны их спасти!

Понго бросился к угольному погребу, потом вдруг остановился и облегченно вздохнул. Счастливчик и два других дежурных как раз пока-

зались из-за дома. Понго совсем забыл о них. Теперь все были в сборе.

— Лютелла уже совсем близко, — доложил Счастливец.

— Мы должны удостовериться, что она зашла в дом, прежде чем тронемся в путь, — решил Понго и побежал по дорожке, которая вела к Окружной аллее.

Миссис бросилась за ним:

— Понго, будь осторожен! Она может заметить тебя!

— Здесь слишком темно, — возразил Понго.

Полосатый автомобиль показался в конце дорожки. В салоне горел свет, и они разглядели Лютеллу.

— О, Понго! — прошептала Миссис. — У нее осталось ее самое простое белое норковое манто!

Понго бежал к Окружной аллее, Миссис за ним. Они увидели, как машина остановилась перед домом д'Яволов. За рулем был сам мистер д'Явол, он помог Лютелле выйти из машины, поднялся по ступеням к парадной двери и стал искать ключи.

— Я не усну, пока у нее остается это манто, — призналась Миссис.

Они поняли, что подумали об одном и том же. Манто не было застегнуто, оно едва держалось на плечах Лютеллы! Сознание того, что они благополучно вывели щенят из дома, сделало собак бесстрашными. Понго с радостью заметил, что в поведении Миссис появилось щенячье озорство.

— Она нас не узнает, ведь мы теперь черные, — шепнул он. — Давай рискнем! Прямо сейчас! Они бросились к Лютелле и вцепились в край

манто, которое сразу соскользнуло с ее плеч и упало, накрыв Понго и Миссис, и они вслепую бросились к Окружной аллее. Манто полностью скрывало собак, казалось, оно бежит само.

Лютелла завизжала:

— Оно заколдовано! Скорее за ним!

— Не бойся, — возразил мистер д'Явол. — Это, наверное, проделки твоих предков. Лучше проходи в дом.

Через минуту у мистера д'Явола и Лютеллы начался приступ кашля: едва открыв дверь, они оказались в облаке меховой пыли.

Понго и Миссис с грехом пополам добежали до дорожки, там они выбрались из-под манто, а затем притащили его на задний двор. Здесь за него взялись щенята, и вскоре от манто остались лишь клочья.

Во всех окнах дома Лютеллы горел свет. Оттуда доносились вопли.

— А теперь бегом домой, — скомандовал Понго.

Веселость Миссис моментально исчезла. Домой! А примут ли их обратно? Страхи вновь обступили ее.

Они снова бежали по Окружной аллее. Вот уже вдали показался дом Милни. В окнах гостиной горел свет.

— Мистер и миссис Милни еще не легли спать, — сказал Понго. В кухне тоже горел свет.

— И нянюшки не спят, — добавила Миссис. Она произнесла это очень весело, и никто не догадался, как она напугана. Сердце Миссис билось так сильно, что она боялась, что Понго услышит это. С какой стати Милни пустят к себе в дом ораву незнакомых черных собак? Тут лаем не поможешь. Ей и Понго надо будет постараться подойти поближе к своим питомцам, положить свои чумазы головы им на колени или перепачканные лапы на плечи.

А что если их все-таки прогонят? Тогда все девяносто девять голодных далматинцев вновь окажутся на улице...

Тем временем снегопад усилился.

17

КТО ЭТИ СТРАННЫЕ ЧЕРНЫЕ СОБАКИ?

Рождество не принесло радости супругам Милни, нянюшкам и Перите. Они старались быть как можно внимательнее друг к другу, а Перита так вылизывала людей, что у них на руках появились цыпки, и им приходилось мазать руки кремом, вкус которого очень понравился собаке.

Перита не получала никаких известий по собачьему телеграфу: в этой части Риджент-парка была плохая слышимость, так что не случайно Понго и Миссис ходили на Холм Первоцветов.

Вечером нянюшки нарядили елку, и хотя они уверяли, что сделали это для Периты, им очень хотелось заодно подбодрить мистера и миссис Милни. Милни повесили на елку подарки для Периты, но у них не хватило духу достать подарки, приготовленные для Миссис, Понго и

пятнадцати щенят на случай их возвращения. Мистер Милни догадывался, что собаки отправились на поиски щенят, но опасался, что малышей уже продали в разные уголки Англии, и мечтал лишь о возвращении Понго и Миссис.

Когда начался снегопад, люди еще больше загрустили.

— Миссис забыла взять свое пальто, — вздохнула миссис Милни. — А вдруг они потерялись, замерзли, умирают от голода?

Мистер Милни думал о том же. Только он ни с кем не делился своими тревожными подозрениями.

Вечером мистер и миссис Милни позвали нянюшек в гостиную поиграть в карты: в дурака и в пьяницу. Все они изо всех сил старались казаться веселыми. Наконец мистер Милни решил завести пластинки с рождественскими песенками.

Конечно, колядки — веселые песенки, но если у вас на сердце кошки скребут, и они вам не помогут. У некоторых людей красота вызывает беспричинную грусть. Вскоре Милни и нянюшки уже едва сдерживали слезы. «Это все из-за последней песни», — подумал мистер Милни, имея в виду «Тихую ночь». Миссис Милни включила свет и раздвинула шторы так, чтобы они могли слушать музыку и смотреть на звезды.

Возвращаясь к своему креслу, Миссис Милни погладила Периту, которая любовалась на падающие снежинки. Высокий и чистый голос нежно пел «Тихую ночь».

Вдруг все услышали собачий лай.

— Это Понго! — крикнул мистер Милни и бросился к окну.

— Это Миссис! — ахнула миссис Милни, расслышав второй собачий голос, и тоже кинулась к окну.

Они распахнули окно и вглядывались в снежную метель. Внезапно их сердца окаменели от отчаянья: под окнами стояли две черные собаки!

— В такую ночь опасно гулять. Возвращайтесь домой к своим хозяевам, — крикнула им миссис Милни.

(Она сказала «хозяева» вместо «питомцы» — люди часто путают эти понятия.)

Собаки снова залаяли, но мистер Милни строго приказал:

— Идите домой! — Он решил, что это какие-то соседские собаки, которых выпустили подышать воздухом перед сном. Захлопнув окно, он сказал миссис Милни: — Очень странные собаки. Не пойму, что это за порода.

Он не услышал, как Миссис завывала от отчаянья. Сбылись ее самые ужасные предчувствия! Их прогнали, выставили за дверь на ночь глядя!

На мгновение паника охватила и Понго. Он не ожидал такого приема. Но он быстро взял себя в лапы. «Надо еще раз полаять, — решил он. — Только погромче».

— Может, и щенятам лаять вместе с нами? — предложила Миссис.

Щенята остались за углом дома. Понго казалось, что вид такого количества незнакомых собак может поначалу испугать людей.

— Нет, мы будем лаять одни, Миссис. Только на этот раз не вместе а по очереди. В конце концов они узнают наши голоса. Мы же узнаём их, как бы они не оделись, и даже если они побледнеют или покраснеют.

И он снова залаял, а потом подала голос Миссис. Так они и лаяли, сменяя друг друга.

Наверху в гостиной миссис Милни пробормотала:

— Не могу отделаться от мысли, что это Понго и Миссис. Посмотрите, как волнуется Перита!

— Это потому, что мы все мечтаем снова услышать их голоса, — вздохнул мистер Милни.

— Мы выдаем желаемое за действительное. Похоже, у этих черных собак что-то стряслось, послушайте, как они лают. Может быть, они потерялись. — И он снова распахнул окно.

Понго и Миссис залаяли еще громче и отчаянно завиляли хвостами.

— Любой бы решил, что они нас знают, — пробормотал мистер Милни. — Пойду погляжу, есть ли у них ошейники. Может, мы узнаем адрес их хозяев.

Понго услышал это и шепнул Миссис:

— Как только откроется дверь, вбегай в дом и пулей в гостиную. Щенята, вы все бегите за Миссис — хвост в хвост. Я вас прикрою. Нельзя позволить мистеру Милни захлопнуть дверь. Когда мы окажемся в доме, нам легче будет все объяснить.

Входная дверь распахнулась, и на крыльце появился мистер Милни. В мгновение ока мимо него пронеслась Миссис, Последыш (он уже выбрался из тележки) и все братья и сестры. Только Счастличик остался помогать отцу. Шел снег, и было так темно, что мистер Милни поначалу не заметил собак, пока один щенок не врезался в него, едва не сбив с ног (конечно, это оказался Ролли-Полли). Когда мистер Милни

оглянулся посмотреть, кто на него наткнулся, он увидел непрерывный черный собачий поток, втекавший в его дом и поднимавшийся из прихожей вверх по белой лестнице в гостиную.

— Это сон, — подумал мистер Милни и больно ущипнул себя за руку.

Но собачий поток не иссякал. Вдруг движение застопорилось. Два щенка, тащившие пустую тележку, никак не могли поднять ее по лестнице. Мистер Милни, который всегда приходил на помощь животным, сам подхватил тележку. Вид тележки окончательно убедил его, что это был не сон. «Это должно быть бродячая цирковая труппа, — подумал он. — Но почему они пришли именно к нам?»

В этот момент в дом вбежали Понго и Счастливчик, и поток иссяк.

— Есть здесь кто еще? — крикнул мистер Милни в темноту ночи. К счастью, ни одна собака не отозвалась, так что он с облегчением закрыл дверь. Арьергард собачьего отряда как раз карабкался вверх по лестнице. Мистер Милни, не выпуская из рук тележку, вбежал наверх, перепрыгивая через ступеньки.

Площадка перед дверью гостиной приобрела весьма странный вид: на полу всем щенкам места не хватило, и кое-кому пришлось запрыгнуть на столы и стулья, малыши буквально сидели друг у друга на голове. Шум был невероятный. Миссис Милни лишь чудом устояла на ногах. Она никогда не боялась собак, но на этот раз была несколько обескуражена. Нянюшки были вынуждены взгромоздиться на крышку рояля.

Увидев все это, мистер Милни поспешил распахнуть двери в гостиную. Собачий поток мо-

ментально разлился по комнате. Здесь собаки устроились посвободнее, и Понго приказал:

— А ну-ка, щенята, покрутитесь-ка на полу, и ты Миссис тоже!

Милни застыли в изумлении.

— Посмотрите-ка! — вдруг воскликнули они все разом.

Чем больше чернел белый ковер, тем больше белели черные собаки.

— Да это же Понго! — изумился мистер Милни.

— И Миссис! — обрадовалась миссис Милни.

— Это же Понго, Миссис и их детки! — закричали с рояля нянюшки.

— Что-то их чересчур много, — засомневался мистер Милни, но в тот же миг оказался в крепких объятиях Понго.

Миссис обнимала миссис Милни. А в углу Перита, совсем ошалев от радости, старалась одновременно лизнуть сразу восьмерых щенят. Она нашла своих детей! Понго и не догадывался, что они спасли и щенят Периты. Он так и не заметил их коричневых пятен, ведь он ни разу не видел щенят днем до тех пор, пока они не измазались в саже. А между тем именно дети Периты, которые были постарше, везли тележку Последыша.

Мистер Милни убрал тележку в дальнюю комнату, и нянюшки, которые к этому времени слезли с рояля, с любопытством осмотрели ее.

— Это же детская игрушка! — удивилась нянюшка Кок.

— Смотрите, здесь написаны имя и адрес владельца, — сказала нянюшка Дворецкая. — Томми Томпкинс, фермер. Димплинг. Суффолк.

— Димплинг? — переспросила миссис Милни.

— Это не там ли загородный дом Лютеллы д'Явол. Она рассказывала нам о нем, когда мы у них обедали, и даже предлагала купить его.

И тогда мистеру Милни открылось *в с е*. Он вспомнил, как мечтала Лютелла о манто из далматских догов, и догадался, что она собрала щенят для того, чтобы мистер д'Явол мог сшить из них шубы.

— Надо подать на нее в суд, — в один голос сказали нянюшки.

Мистер Милни пообещал обдумать это после Рождества, а сейчас у него были проблемы поважнее — как накормить щенят, ведь магазины уже закрыты. Он поспешил позвонить в «Ритц», «Савой», «Клариджес» и другие перво-классные отели и попросил прислать бифштексы с рассыльными. Служащие отелей, узнав, что нашлись пропавшие собаки, с готовностью откликнулись на эту просьбу.

— Щенят по крайней мере в шесть раз больше, чем я когда-либо предполагал иметь, — заметил мистер Милни: пересчитывать их у него не было времени.

— Их надо сначала выкупать, а потом уже кормить, — заявила Нянюшка Дворецкая.

— Купать? Что, всех? — переспросила миссис Милни.

— Не могут же они лечь спать неумытыми, — строго напомнила Нянюшка Кок. — Мы с Нянюшкой Дворецкой займем нашу ванную комнату, а вы с мистером Милни можете мыть щенят в своей. Хорошо бы позвать еще Замечательного Ветеринара с женой, они могли бы купать щенят в прачечной.

Мистер Милни позвонил Замечательному Ветеринару, который притворился чрезвычайно довольным, что его разбудили почти в полночь, да еще в сочельник. Через несколько минут он и его жена были уже в доме у Милни.

Миссис Милни достала все свои лучшие ароматические соли и все яркие полотенца, которые достались ей в приданое. Нянюшки растопили печи во всем доме. После чего три помывочные

команды взялись за работу. Вскоре по дому распространилось благоухание лилий, роз и жасмина, смешанное с экзотическим запахом мокрой псины. Вопреки ожиданиям, купание заняло не так много времени: люди наловчились усаживать в ванну по пять щенят за раз. Потом малышей заворачивали в розовые, голубые, желтые и зеленые полотенца и клали возле каминов — обсушиться. Мистер Милни предус-

моторительно перевернул ковер в гостиной, чтобы щенята снова не перепачкались в саже.

Бифштексы прибыли как раз в тот момент, когда нянюшки закончили мыть последнего щенка. Еды оказалось вдоволь, досталось даже людям, которые к этому времени тоже изрядно проголодались (только их бифштексы были предварительно хорошенько прожарены).

Наконец Замечательный Ветеринар с женой ушли, и дом погрузился в сон. Понго и Миссис устроились на ночлег в корзинках на кухне, подле них на ковриках и в креслах расположились их щенята. Перита увела свою семью в прачечную, где они улеглись на стеганых одеялах. Остальные щенята спали по всему дому: на кроватях, диванах, креслах. Милни и нянюшки прикорнули на стульях — жестковато, но они не горевали, ведь до утра уже было недолго. Нянюшкам хотелось быть возле щенят, вдруг им ночью что-нибудь понадобится.

Когда все в кухне затихло и пятнадцать щенят уснули, Понго сказал Миссис:

— Помнишь, как мы заглядывали в кухню в ту ночь, когда отправлялись на поиски. А теперь, посмотри, вон твой ошейник, завтра ты снова наденешь его на прогулку и замечательное синее пальто тоже.

— Теперь я так закалилась, что пальто мне вряд ли понадобится, разве что я стану носить его для красоты, — улыбнулась Миссис.

Вдруг они услышали за окном какое-то царапанье. Сквозь снежную пелену на них смотрели два зеленых глаза. Это была Белая Кошка Лютеллы д'Явол.

Понго быстро впустил ее в дом.

— Что делается у д'Яволов! — мяукнула она. Понго обратился к жене:

— Я не успел тебе рассказать, Миссис. Наша приятельница объяснила мне, что если нам удастся проникнуть в запертую комнату, мы сможем уничтожить весь запас мехов мистера д'Явола. Лютелла велела ему хранить их там, чтобы она всегда могла выбрать, что ей вздумается. Я надеялся, что нам удастся положить конец карьере меховщика, поэтому-то и рискнул проникнуть в дом д'Яволов — не с целью мести, а чтобы спасти всех далматских догов Англии.

— И вам это удалось даже лучше, чем я предполагала, — подтвердила Кошка. — Оказалось, что за многие меха еще не было уплачено. Так что мистер д'Явол теперь разорен.

— Бедный маленький человечек! — сказала Миссис. — Мне его все-таки жалко.

— И напрасно, — возразила Белая Кошка. — Он ничем не лучше Лютеллы. Просто он плохой, но слабохарактерный, а она плохая, но с твердым характером, вот и вся разница. По крайней мере завтра они собираются уехать из Англии, сбежать, чтобы не платить долги.

— Но у Лютеллы ведь остались ее драгоценности, — удивилась Миссис.

— Большинство из них поддельные, — сказала Белая Кошка. — А настоящие понадобятся мистеру д'Яволу, чтобы начать новое дело за границей. Он собирается выпускать пластиковые плащи.

— Лютелла вряд ли обрадуется такому наряду, — заметила Миссис насмешливо.

— Теперь ее ни один наряд не спасет, — мяукнула Кошка. — Слышали ли вы, что люди

могут в одну ночь поседеть от горя? Это случилось и с Лютеллой, с ее черными волосами, зато белые позеленели — ужасный цвет. Все решат, что она их так покрасила. Признаться, я рада, что с д'Яволами теперь покончено.

— Но куда же вы теперь пойдете? — спросил Понго.

Белая Кошка взглянула на него с удивлением.

— Пойду? Я никуда не пойду. Я уже *п р и - ш л а* — сюда. Я бы уже давно заявила, если бы щенята не лаяли так. А вчера ваши питомцы угостили меня сардинкой, и я поняла, что они меня не прогонят. Пойду-ка поищу их.

Понго и Миссис наконец-то заснули безмятежным сном, все их тревоги остались в прошлом, впрочем — нет: их беспокоила судьба приемных щенят. Как поступят мистер и миссис Милни с такой оравой?

Если вас, дорогие читатели, тоже волнует судьба щенят, вам придется потерпеть еще немного. К тому же осталась еще одна нераскрытая тайна. Те из вас, кто силен в арифметике, наверное, уже давно решили, что в заглавие книги вкралась ошибка. Книга называется «Сто один далматский дог». Понго, Миссис и Перита — это три. В Адском Поместье было девяносто семь щенят, включая детей Понго, Миссис и Периты. Девяносто семь плюс три — получается сто. А где же сто первый далматинец?

Мы о нем уже упоминали, хотя многие из вас могли об этом забыть. Тем, кто забыл, мы скоро напомним, а те, кто помнит, — скоро снова встретятся с ним. Итак, предлагаем вашему вниманию последнюю главу.

18

СТО ПЕРВЫЙ ДАЛМАТСКИЙ ДОГ

Какое замечательное Рождество выдалось в тот год в доме в Риджент-парке! Владельцы отелей прислали еще бифштексов, и хотя приготовленных подарков на всех не хватило, щенятам позволили играть с вещами, с которыми обычно щенкам играть не разрешается. Супруги Милни вывели всех малышей погулять в заснеженный парк. Понго, Миссис и Перита бегали вокруг щенят, присматривая, чтобы никто не отстал. В сумерках Понго и Миссис отвели мистера и Миссис Милни на Холм Первоцветов

и разослали новости по всему Собачьему миру. Им даже удалось передать весточку Спаниелю: две собаки, жившие в пяти милях от него, специально отправились в путь, чтобы пролаять ему новости. (Спаниель передал с ними ответ, сообщив, что он и его любимец чувствуют себя хорошо.) Конечно, для того, чтобы весть разнеслась по всему Собачьему миру, потребовалось много «ретрансляторов». Самым удаленным собеседником, с которым Понго и Миссис удалось наладить прямую связь, был бригадный генерал Датский Дог.

— В этом «лае в сумерках» есть что-то загадочное, — сказала миссис Милни. — Не кажется ли тебе, что они словно посылают телеграммы?

Мистер Милни ответил, что это *оч а р о в а т е л ь н а я* догадка, но вдруг остановился на полуслове. А может, собаки на самом деле не так просты, как кажутся? Он вспомнил все, что произошло с Понго и Миссис. Как им удалось привести девяносто семь щенят из Суффолка в Лондон? Собакам очень хотелось поведать об этом людям, но они, к сожалению, не могли.

После Рождества мистер Милни решил действовать быстро. Он понимал, что сто далматских догов — слишком много для дома в Риджент-парке, да и для парка тоже.

Сначала он дал объявление в газеты: вдруг откликнутся хозяева щенят. Но никто не отозвался по одной простой причине: всех щенят, кроме украденных у Милни, Лютелла купила. Это было дешевле, чем нанимать квалифицированных воров, ведь ворам пришлось бы заплатить больше, чем за любого из щенят. Поэтому люди, продавшие щенят, не считали их «поте-

рявшимися» и не тревожились о них. Объявился лишь один владелец — фермер, у которого жила Перита. Но он с радостью продал ее мистеру Милни.

Вот как повезло мистеру Милни — он стал владельцем ста далматских догов! Пришлось приобрести загородный дом побольше. К счастью, он смог себе это позволить: правительство опять наделало долгов, а мистер Милни снова помог ему выпутаться из затруднительного положения. В этот раз ему установили такие доходы, которые сполна покрывали все налоги, и мистер Милни наконец смог отойти от дел, но, конечно, по-прежнему был готов в любую минуту прийти на выручку правительству.

В один прекрасный январский день, когда снег уже совсем растаял, он сказал миссис Милни:

— Давай-ка съездим в Суффолк, надо же вернуть синюю тележку маленькому Томми Томпкинсу, а заодно может и домик себе приглядим по дороге. Кстати, посмотрим и на поместье, где томились щенята, -- его мы, конечно, покупать не станем.

Миссис Милни рассмеялась.

Они взяли с собой Понго и Миссис, а Счастливчик тайком забрался под сиденье в машине — ему очень хотелось повидать Полковника: а вдруг он присвоит ему звание капитана. Но он не смог усидеть спокойно, и его, к общей радости, скоро обнаружили. Приехав в Димплинг, они пошли прогуляться по деревне и повстречали Томми Томпкинса и овчарку. Это оказалось очень кстати, потому что супруги Милни не представляли, как бы они объяснили все родителям мальчика. А Томми ничего говорить не

надо было: он еще не научился разговаривать, хотя его лепет уже больше напоминал человеческую речь, чем собачью. Они просто отдали ему голубую тележку. Супруги Милни сразу догадались, что Понго, Миссис и Счастливчик хорошо знакомы с овчаркой и полосатой кошкой, которая выбежала им навстречу.

— А теперь пойдем поищем дом Лютеллы, — предложил мистер Милни.

Когда они подошли к Адскому Поместью, то увидели на ограде объявление: «Продается. Дешево. Владелец уехал в теплые края». Ворота стояли нараспашку. В доме было пусто.

(Негодяйло сидели в тюрьме за нападение на агента, который пришел требовать плату за телевизор. Впрочем, они не очень горевали: в тюрьме было столько преступников, не меньше чем на телевидении! Теперь у них явно появились шансы попасть в передачу «В чем мое преступление?»)

— Какой ужасный дом! — воскликнула миссис Милни.

— Какая чудесная стена, — заметил мистер Милни. Его очень интересовали ограды: если переезжать вместе с сотней собак в деревню, как сделать, чтобы они не убежали? Высокая каменная ограда — вот выход. Если бы только дом не казался таким уродливым! — Вот если бы его побелить и снова открыть замурованные окна! — мечтательно сказал мистер Милни. — Пруд перед домом выглядит весьма мило — словно озеро.

Миссис Милни покачала головой. Но ее отношение изменилось, когда они зашли в дом и увидели замечательные просторные комнаты,

которые, если стены выкрасить в белый цвет, вместо черного, выглядели бы весьма привлекательно.

Понго, Миссис и Счастливчик, предаваясь воспоминаниям, бегали по кухне и кладовой. Миссис и мистер Милни пошли за ними и обнаружили котел центрального отопления. Потом они осмотрели конюшню.

— А из этого помещения, если сюда провести центральное отопление, вышла бы отличная псарня, — сказал мистер Милни.

Потом он взглянул на Башню-Монстр и — удивительное дело! — мистеру и миссис Милни башня чем-то приглянулась. Они решили купить Адское Поместье и превратить его в прекрасный дом.

— Здесь будет резиденция династии далматинцев, — заявил мистер Милни. — И пожалуй, нам пора подумать о династии Милни, чтобы было кому приглядывать за династией далматинцев, — добавил он. И миссис Милни с ним согласилась.

Перестройка Адского Поместья не заняла много времени, и в один прекрасный солнечный день перед домом в Риджент-парке остановился грузовой фургон и двухэтажный автобус. В фургон погрузили мебель, а в автобусе должны были ехать люди и собаки. Нянюшки уже раньше уехали в Адское Поместье, причем Нянюшка Дворецкая сама вела машину. В честь этого она дополнила свой костюм шикарной шоферской кепкой.

Мистер Милни вышел из дома вместе с Понго и Миссис. За ними шла миссис Милни с Перитой и Белой Кошкой на плече. (Кошка тоже соби-

ралась основать новую династию в Адском Поместье. Супруги Милни пообещали выдать ее замуж за роскошного белого персидского кота.)

В следующие пять минут произошло два удивительных события. Во-первых, Миссис, едва увидев фургон, закричала:

— Так это же «чудо»! — и в ту же минуту из фургона выскочил Стаффордширский Буль-терьер.

— А вот и я! — бросил он на лету и боднул мистера Милни в грудь.

— Это он от радости, — объяснил Джим, стоявший у фургона.

— Точно. Похоже, вы приглянулись нашему Стенобитному Тарану, — сказал Билл.

— Взаимно, — вежливо ответил мистер Милни, поднимаясь с земли.

К счастью, Понго и Миссис удалось удержать Буль-терьера от объяснения в любви миссис Милни. А потом случилось второе чудо.

Перед домом затормозил большой автомобиль. Люди, сидевшие в нем, с интересом разглядывали Понго, Миссис и Периту. Вдруг из автомобиля послышались звуки борьбы, дверца распахнулась, и оттуда выскочил великолепный далматинец с коричневыми пятнами. Он кинулся к Перите. Это оказался ее давно пропавший муж.

Его звали Принц. Люди в автомобиле были так тронуты собачьей верностью, что сразу же предложили Милни забрать собаку. Они сказали, что рады будут отдать его в хорошие руки, поскольку сами часто ездят за границу и им приходится оставлять собаку в приюте. Принц был на седьмом небе от счастья: он обрел не

только горячо любимую жену, но и прекрасных воспитанных щенят.

Итак, далматские доги отправились в Суффолк. Теперь их было как раз сто один. Собаки расположились на сиденьях в автобусе и глядели в окна. Прохожие, заметив их, улыбались: они помнили еще статьи в газетах, и доги были весьма популярны. Многие собаки выбегали к дороге попрощаться: весть об отъезде далматинцев была заранее передана по собачьему телеграфу. Собаки желали далматинцам счастья, а те благодарили их, так что автобус звенел от собачьего лая. Но мистера и миссис Милни это не раздражало. Собачий лай казался им приятным и музыкальным.

Принц поначалу робел, но мистер Милни сел рядом с ним и похлопывал его по спине. (Многим большим собакам это очень нравится. Хлопать надо не сильно, тогда это не больно и очень даже приятно. Мистер Милни был искусный собачий хлопальщик.) Принц завилял хвостом, и вдруг неожиданно дружески укусил мистера Милни за ухо, чему последний очень обрадовался. После этого Перитин красавец муж окончательно почувствовал себя членом семьи.

Когда караван прибыл в Димплинг, все сельские жители вышли его встречать. Полковник, Пусси Уиллоу и Томми Томпкинс были в первых рядах. Коровы тоже передавали догам свои приветствия. Томми прихватил с собой синюю тележку, и Последыш ему немного завидовал, но в то же время он и обрадовался: теперь он так подрос и окреп, что тележка ему была ни к чему.

Белая Персидская Кошка превратилась в очаровательное существо — доброта преобразует

даже кошек. Она держала себя очень галантно с Пусси Уиллоу. С этого дня началась их долгая и верная дружба.

Наконец автобус въехал в ворота Адского Поместья. Теперь в пруду отражался белоснежный дом с муслиновыми шторами на окнах. Фасад дома по-прежнему напоминал лицо, но выражение его изменилось — оно стало добродушным.

На пороге их поджидали нянюшки.

— А знаете, на крыше есть телевизионная антенна, — сообщила Нянюшка Дворецкая.

— Грех не воспользоваться, — поддакнула Нянюшка Кок.

Мистер Милни знал, что нянюшки давно мечтают о телевизоре в кухне, и он решил сделать им подарок. Понго и Миссис очень обрадовались: они-то знали, как скучал без телевизора их младший сынишка.

Но все же, несмотря на множество счастливых часов, проведенных у телевизора в теплой кухне, Последыш никогда не забывал о том безмолвном «телевизоре», который он увидел в ночь перед Рождеством, когда вместе с другими щенятами отдыхал в странном прекрасном здании. Последыш часто вспоминал тот дом и все размышлял, кто же был его владельцем — кто-то очень-очень добрый. Это он заботливо положил перед каждым сиденьем подушечку для собаки.

В ближайшее время издательство Русского ПЕН-центра "ППП" и агентство "Олимп" выпускают серию книг "Школа классики". В нее войдут произведения русских и зарубежных писателей, творчество которых изучается в школах, гимназиях, лицеях. Каждая книга открывается эссе известных современных писателей: Андрея Битова, Фазиля Искандера, Юрия Карякина, Владимира Лакшина и др.

Первые тринадцать книг "Школы классики" выйдут в 1993 году. Подписаться на книги этой серии Вы можете по адресу: 107061, Москва, Преображенская пл., д.4/2, магазин-салон "Колизей". Тел. 963-0331.

По мелкооптовым поставкам обращаться по

██████████ тел. 200-63-97.

